

Николай
КАЛУЖСКИЙ

КУРСАНТЫ

НА РАЗГРОМ ВРАГА

2 октября 1941 г.

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

СМЕРТЬ КРОВАВОМУ ФАШИСТСКОМУ ЗВЕРЮ!

ДО НА ПОР, ПОКА У ТЕБЯ ЧЕсть ХОТЬ КАПЛЯ КРОВИ, ВОСПИТАННОЕ
УНИЧОЖИМ ФАШИСТСКУЮ МРАВОУ!

ГЕРОИЧЕСКИЕ ПОДВИГИ ШОРИНЦЕВ

В течение ряда дней партизанские отряды в районе партизанского района (Красноармейский, Шоринский и Шоринский) вели упорные бои с врагом. Партизанские отряды, что образует единую боевую группу, вела борьбу с врагом, она четверть выдвинула боевые задания, первоначально не имевшие своей цели, но в результате боя партизанские отряды были вынуждены отойти в район Шоринского района.

В результате боя партизанские отряды выдвинули боевые задания, первоначально не имевшие своей цели, но в результате боя партизанские отряды были вынуждены отойти в район Шоринского района.

В результате боя партизанские отряды выдвинули боевые задания, первоначально не имевшие своей цели, но в результате боя партизанские отряды были вынуждены отойти в район Шоринского района.

Боевые донесения

Отважные бои подразделения тов. Шорина в трех боях уничтожили 128 фашистов, взяли в плен 2 чел., захватили трофеи.

Боевое подразделение тов. Шорина вела упорную борьбу с врагом. Около 10 часов вечера фашисты в количестве около 100 человек, вооруженные автоматами, пулеметами и пушками, подошли к подразделениям на шоссе.

На рассвете вражеская пехота попыталась наступать. Фашисты были встречены упорными боями советскими воинами. В этом бою было убито 70 фашистских солдат.

Резервная группа дивизиона из трех добровольцев боевого отряда, обходя вражеский лагерь, вступила в бой с 30 фашистскими солдатами. Курьезными обстоятельствами и густым дымом от взрывной пачки 15 немецких солдат были убиты.

В бою с большим количеством подразделений в этом бою было убито ранено около 10 фашистских солдат и офицеров, захвачены один станковый пулемет, 3 автомата, одна автомашина и 3 пленных в плен.

После двухчасового артиллерийского и минометного огня фашисты вступили в наступление. Подвигами героического подвига на 50 м, курьезными обстоятельствами убито 10 фашистских солдат.

После трехчасовых боёв наступать противник был отбит.

Бесстрашные воины атаковали и плен фашисты 273 стрелкового полка Ганса Бергера и вела бои с полком Шорина. Убитыми отобранным оружием и трофеями.

Патруль из пяти человек был захвачен. Не ожидая его обстреливали 20 фашистских солдат. Погибли 3 человека, убитыми, пленены и ранены были ранены отважными курсантами.

Письмо красной воинов

В течение ряда дней партизанские отряды в районе партизанского района (Красноармейский, Шоринский и Шоринский) вели упорные бои с врагом. Партизанские отряды, что образует единую боевую группу, вела борьбу с врагом, она четверть выдвинула боевые задания, первоначально не имевшие своей цели, но в результате боя партизанские отряды были вынуждены отойти в район Шоринского района.

Тов. тов. Шорин

Дела боевых саперов

В течение ряда дней партизанские отряды в районе партизанского района (Красноармейский, Шоринский и Шоринский) вели упорные бои с врагом. Партизанские отряды, что образует единую боевую группу, вела борьбу с врагом, она четверть выдвинула боевые задания, первоначально не имевшие своей цели, но в результате боя партизанские отряды были вынуждены отойти в район Шоринского района.

Николай Калущкий

КУРСАНТЫ

МОСКВА
ГРАНИЦА
1997

ББК 84Р7
К17

Калуцкий Н.В.

К17 Курсанты. — М.: Граница, 1997. — 160 с.

ISBN 5—86436—024—4

Герой Советского Союза Н.В. Калуцкий посвятил свою книгу курсантам-пограничникам, насмерть стоявшим под Ленинградом в августе — октябре 1941 года.

Многогранная боевая деятельность описана на основе его личного участия в происходивших событиях и потому воспроизведена глубоко и достоверно.

К $\frac{4702010201-052}{4Ж7(03)-97}$ 24-97

ББК 84Р7

ISBN 5—86436—024—4

© Издательство "Граница", 1997

*“Юнкеров с зелеными петлицами
живыми в плен не брать”*

Из приказа гитлеровского
командования

НАКАНУНЕ

Весь о нападении фашистской Германии на Советский Союз застала меня на южной границе, где проходил срочную службу. В тот же день я был направлен в Ново-Петергофское пограничное училище. Среди моих новых товарищей оказалось немало таких, кто был знаком с военной службой не понаслышке, — красноармейцы, отслужившие в войсках по два-три года, пограничники застав.

С уважением и восхищением смотрел я на ребят, которым довелось участвовать в задержании нарушителей границы, вступать в перестрелку с вооруженными бандами. Были среди курсантов и настоящие бывалые воины — участники боев на Халхин-Голе.

Среди тех, кто сражался в войне с белофиннами, выделялся Иван Жадан. На груди его сиял орден Ленина. И каждый из курсантов стремился хоть одним глазком взглянуть на героя. Мы с Иваном как-то сразу подружились. В свободные минуты он делился со мной и другими такими же необстрелянными парнишками своим военным опытом.

“Главное в нашем ратном деле, — учил нас Жадан, — первым взять на мушку врага. Не теряться в бою, знать свой маневр, в совершенстве владеть оружием. Ну и смелость, конечно, еще нужна”.

Мы жадно ловили каждое слово нашего знаменитого товарища, понимая, что скоро, очень скоро нам может пригодиться его опыт. Война неумолимо накатывалась на нашу родную землю.

Прошло всего лишь семь дней с начала войны, а уже пал Минск, гитлеровцами захвачены сотни советских сел и городов. На душе у всех было тревожно. Ждали, что скажет Сталин. Ждали, как будто его слова сами по себе способны были сокрушить врага.

Наконец 3 июля прозвучала по радио речь Сталина. Очень хорошо помню то впечатление, которое произвела на меня эта речь. Впервые сказана правда о грозной опасности, нависшей над страной, об огромных территориях, занятых врагом. Как сейчас, слышу чуть глуховатый голос с сильным грузинским акцентом. Сталин призывал оказывать армии всемерную помощь, создавать народное ополчение,

разворачивать партизанскую войну в тылу у фашистов и выразил уверенность в сплочении демократических сил Европы и Америки в борьбе против гитлеровской Германии. Эта с горечью сказанная правда не расслабила, не вызвала сомнений в том, что мы победим, не привела к душевному дезертирству, от которого один шаг до дезертирства в бою. Напротив, она только укрепила нашу силу и нашу веру. С плеч спала непомерная тяжесть недоумения, растерянности. Каждый понял, что от него ждут и насколько велика его личная ответственность за судьбу страны.

...О многом говорил нам на занятиях начальник политотдела полковой комиссар Петр Михайлович Горский. Он ставил в пример доблесть курсантов Кировского училища, насмерть стоявших под Лугой. Приказ был короток — остановить! И если фашисты где-то продвинулись, то не потому, что наши дрогнули и отступили, а потому, что мертвые уже не могли стрелять.

Да, в те дни мы все мысленно были там, на фронте, куда неудержимо рвались. Не было дня, чтобы кто-то не спросил командиров:

— Когда на фронт? Сколько можно “воевать” на ящиках с песком и на ближнем поле?

В ответ слышали:

— Не спешите, придет и ваш черед...

Как наивны мы были, осаждая командиров просьбами немедленно, сию же минуту отправить нас на фронт. Больше всего на свете боялись мы, тогдашние курсанты-пограничники, что гитлеровцы будут разбиты без нашего участия, что не успеем повоевать. И поэтому с обидой воспринимали очередное “не спешите”.

Наши мудрые командиры и преподаватели отлично нас понимали. Понимали они и другое: необстрелянных — в бою обстреляют, а вот необученных учить будет некогда. Давно было сказано Суворовым: тяжело в учении — легко в бою, а точнее не скажешь!

Самым тяжелым была для нас обкатка танками. Нелегко лежать в окопе, когда с шумом и лязгом ползет на тебя железная громадина. Кажется, обвалится окоп — и конец. Поначалу мало кто верил, что он спасет. Люди теряли самообладание: то вжимались в дно окопа, забывая метнуть танку в след учебную гранату, то, не выдержав, опрометью выскакивали наверх еще до подхода танка.

Горский решил сломить наше психологическое сопротивление личным примером. Он вообще считал, что командир и комиссар имеют право требовать с подчиненных лишь то, что умеют делать сами.

И вот мы, сгрудившись, наблюдаем, как будет действовать Петр Михайлович. А он, полковой комиссар, почти вдвое старше нас, парнишек-курсантов, натренированно прыгнул в окоп, приготовил связки учебных гранат и стал ждать. Раздался знакомый рокот, от которого мурашки бегут по телу. Танк катит прямо на окоп. Когда он уже совсем близко, так что не может достать пулеметной очередью того, кто в окопе, комиссар на мгновение приподнимается над бруствером и резко, с силой бросает под брюхо рычащей машины связку гранат.

“Потанцевав” на окопе, грохочущий танк двинулся дальше. Тогда комиссар пружинисто поднялся и бросил ему вслед еще одну связку гранат и бутылку с горючей смесью. Затем ловко выпрыгнул из окопа, улыбаясь, стряхнул песок с гимнастерки.

— Как видите, ничего со мной не произошло! Так что убежать не надо. Если танки прошли через вас, тоже не бойтесь: с ними расправятся ваши товарищи — артиллеристы, бронейщики. Ваше дело теперь — уничтожить пехоту.

Много времени проводил с нами начальник политотдела. Бывал на стрельбищах и в походах, старался поделиться всем, чем сам был богат. Часто напоминал, что учиться воевать надо до боя. “В бою будет уже поздно”, — убеждал комиссар.

Помню, совершали как-то марш-бросок в заданный район. Все шло, казалось, хорошо. Но вдруг командир отделения Васильев обнаружил, что двигались мы, как говорится, “не в ту степь” и теперь находимся далеко от нужного места. Ошибку эту допустил Васильев сам — ориентируясь на местности, держал компас у висевшего на груди автомата. Естественно, магнитная стрелка показала отклонение от заданного азимута километров на десять в сторону.

Ошибку пришлось исправлять утомительным марш-броском. Когда, уставшие, мокрые от пота, мы разбирали случившееся, один из курсантов, не выдержав, возмутился:

— Подумаешь, неточно определил координаты: не на фронте же! Ну вышли в заданный район немного позднее, ничего ужасного не случилось. Вот когда надо будет, все сделаем как положено...

Признаться, я тогда тоже так считал. Пройдет не так уж много времени, и я пойму, как был не прав. Первый же бой доказал это.

Не успел, промахнулся, не рассчитал — за все ошибки в бою приходится расплачиваться жизнью — своей или товарищей.

И еще важны на фронте дружба и взаимовыручка. Наши командиры хорошо понимали это и воспитывали у нас чувство локтя, готовность в трудную минуту прийти на помощь своему товарищу, старались создать атмосферу дружелюбия и взаимопонимания. А ведь в коллективе всякое бывает.

...Константин Каукин прибыл в наше училище с пограничного корабля. Хороший парень, но ершист и самолюбив. А служба, как назло, поначалу не заладилась: то одна промашка, то другая. Товарищи стали над Константином подшучивать, посмеиваться. Он стал огрызаться, при случае подковыривать насмешников. Ссора затягивалась, рождала отчужденность.

Задумался политрук Габов: как же им в бой идти? Надо что-то делать. Педагогические приемы Габова были не новы. Насмешникам бросал: “Помочь парню надо, а не дразнить его”. А при Константине, как бы между прочим говорил: “Обидчивость — удел слабых”. Или просил командира взвода послать поссорившихся вместе на патрулирование. И постепенно отношения в роте пришли в норму, конфликт между курсантами сошел на нет.

Обстановка становилась все сложнее. Фронт требовал новых и новых резервов, а их, по сути, не было. Резервом были мы, и каждый понимал: дни и даже часы учебы в училище подходят к концу.

Наступал наш черед. Мы этого ждали, каждый из нас давно уже рвался на фронт, и все же приказ о выступлении восприняли как неожиданный.

...И вот я в машине рядом со своими товарищами. Уже исчезли из виду величественные очертания Ленинграда. Мы едем по шоссе, минуя одну деревню за другой. Навстречу нам — вереницы беженцев. Бредут пропыленные и уставшие: хмурые старики, заплаканные женщины, дети с непривычно серьезными, не улыбающимися личиками. В повозках и тачках — нехитрый домашний скарб: мешки, узлы, чемоданы. Кто-то погоняет еле бредущий, измученный длинной дорогой скот. Прижимаясь к обочине, люди пропускают нашу колонну, и мы видим, как стоят они в облаке пыли, провозжая тоскливыми взглядами, в которых теплится надежда, на нас, молодых парней в форме пограничников-курсантов.

Постепенно разговоры в машине смолкли. Каждый думал о чем-то своем. По обе стороны дороги бежали навстречу веселые зеленые леса с беззаботными, уютными полянками. Серебрились под солнцем ручейки. В светлом небе проплывали легкие облака. Пахло свежестью и хвоей. И странно было сознавать, что где-то совсем рядом такую же цветущую землю уже захлестнул огненный смерч войны, а небо застлал черный дым горящих деревень. Оттуда доносятся глухие раскаты артиллерийской канонады. Все ближе и явственней дыхание передовой.

17 августа 1941 года наш 1-й батальон курсантов-пограничников выгрузился в назначенном районе неподалеку от небольшой деревни, уже покинутой ее жителями.

Во второй половине дня в штаб батальона прибыл представитель Военного совета фронта. Он сообщил, что по Кингисеппскому шоссе в беспорядке отходят остатки двух наших дивизий, которые батальон должен принять в свой состав. Наша задача — задержать продвижение противника до подхода основных сил.

Комбат немедленно собрал командиров рот и отдал необходимые распоряжения. Батальон начал «зарываться» в землю.

...Жарко, душно, гимнастерки взмокли от пота. Хорошо, что ручей неподалеку — можно напиться холодной воды, сполоснуть разгоряченное лицо. Изредка задувает влажный, солоноватый ветерок. Там, чуть впереди, справа за лесом, Балтийское море. За нами дома покинутой деревни.

Я орудую лопатой с каким-то злым остервенением. Признаться, рытье окопов никогда не было моим любимым занятием. Но теперь понимаю, что без этой работы — смерть. А поскольку смерть идет от Гитлера, то и он, и работа из-за него вызывают зло. Потом представляю себе, что рою не ячейку, не траншею, а могилу ему, проклятому фашистскому гаду, и становится легче, даже веселее.

В небе с придыханием гудят вражеские самолеты. Они в стороне, и никто на них даже головы не поднимает. Некогда...

Неожиданно слышу звонкий голос нашего комбата:

— Курсанты! Запомните этот день! Запомните название этой деревни — Русские Анташи. Отсюда наш путь проляжет до Берлина!

Я запомнил. Запомнил, еще не зная, что нам суждено держаться на этом рубеже не одни-двое суток, как просило, именно просило, а

не приказывало командование, а целых тринадцать долгих дней и ночей и что из семисот курсантов нашего батальона останется в живых только семьдесят один.

Комбат медленно шел вдоль свежерытых окопов, внимательно вглядывался в напряженные лица. Он понимал наше состояние и старался приободрить нас.

— Ну что, ребята, дрейфим? — Шорин улыбнулся. — Ничего себе, выпускные экзамены нам фашисты устроили! Никаких билетов, никаких шпаргалок. — И уже серьезно добавил: — Да, это экзамен не только на звание политрука-пограничника, но и на право жить. Жить, а не умереть на этой земле. Нам обязательно надо жить, иначе кто же Гитлера победит? Так, товарищи курсанты?

Разговор внезапно прервался. Все вдруг, как по команде, повернули головы направо. Там, на краю поля, стали появляться какие-то странные фигуры. Что за люди? Бойцы? Откуда? В руках у одного блеснул бинокль. Разглядев нас, он радостно воскликнул: «Наши!»

А мы замерли в оцепенении. Тяжелое это было зрелище.

Группами и поодиночке из леса выходили измученные люди в черных от пота гимнастерках, изодранной, окровавленной одежде. Было много раненых, некоторые с трудом переставляли ноги — их поддерживали товарищи.

Это были отступавшие. Некоторые в гражданской одежде — ополченцы, которые даже не успели получить обмундирование. Они, сражавшиеся каждый против десятерых и не дождавшиеся подкрепления, увидев нас, решили, что мы и есть подкрепление. Их лица оживились, в глазах блеснула надежда.

Майор Шорин моментально уловил психологический перелом в поведении бойцов. Встретил их как радушный хозяин и твердый, уверенный в себе командир. Приказал накормить людей, оказать медицинскую помощь раненым.

Сбросив пропотевшую одежду, бойцы обступили ручей, пригоршнями плескали на себя студеною воду и радостно отфыркивались.

Солдат неприхотлив. Только что его вжимало в землю вражескими снарядами, обжигало близким огнем, но вот он умылся, перекусил и снова готов в бой. Не убит, винтовку держать может, а что еще требуется солдату?

После сытного обеда завязалась дружеская беседа. Как выяснилось, прибывшие бойцы из дивизий народного ополчения прикрывали отход

наших войск. В тяжелых боях погибли все командиры и политработники.

Еще не остывший от пережитого раненный в руку пожилой ополченец возбужденно рассказывал:

— Глядите, как оно получается! Фокус истории. Я предков этих проклятых фрицев бил еще в августе четырнадцатого на полях Восточной Пруссии. И в восемнадцатом, под Нарвой, тоже наломали немцам бока... А теперь? Прет и прет, гад! Сколько народу потеряли, а никак не остановим. Оторопь берет. И стыд. — Раненый сердито сплюнул. — Стыдно на старости лет спину врагу показывать. Думал, все — некому нас подпереть. Гляжу, вы, пограничники, повстречались. Значит, есть еще сила у России, есть! Вера возвернулась — в нее и в себя. Знаете, без хлеба, воды, без курева драться можно, а вот без веры... Не рука болит — душа. — Он опять сплюнул и продолжал: — Меня на тех позициях аж смертная тоска взяла. Даже растерялся... Прет и прет, гадюка! Ну, с вами теперь веселей ... Оклемаемся, подзаправимся и еще посмотрим кто кого. — Ополченец улыбнулся и вдруг без всякого перехода заключил: — А ваш командир — дядя что надо. Душевный человек и, видать, толковый командир, с таким воевать можно!

— Чего можно? — поинтересовался подошедший к нам красноармеец в линялой, ободранной гимнастерке, с загорелым, словно прокопченным, лицом. Правая рука — на перевязи, сквозь бинты сочится кровь. Видать, рана серьезная. Винтовку держит на левом плече. И что меня поразило: подсумки, гранаты — на ремне. Лопата — в чехле.

“Какой молодец! — подумал я. — Ведь ранен, ему бы в медсанбат, а он об оружии в первую очередь заботится. Настоящий боец!”

Раненый посмотрел на нас внимательно и снова повторил:

— Так чего можно?

— Воевать, говорю, можно, — пояснил пожилой ополченец. — Боевой командир у пограничников. И мы с тобой — еще ребята хоть куда, орлы! У тебя правая рука тюкнулась, у меня — левая. На двоих две руки. Чем не вояки? — Он, довольный, расхохотался.

— Не робейте, ребята! — поддержал его красноармеец. — Конечно, нападение внезапное, армия у него большеущая, опять же танки и самолеты, а наших чего-то не видать. Конечно, многие перес... — он осекся, — но фашиста бить можно. Смелее идите в атаку, без мандражу. Гитлеряк — молодец против овец. А так, чуть что — зад свой, на

Европах откормленный, за милую душу кажет. Если с умом да ловкостью ударить — боится. Он, как почувствует, что на него идет смелый человек, сам перед ним испытывает страх. А если от него бегут, конечно, наглеет и бьет... Ой, батюшки! — Он изобразил испуг. — А майор-то поблизости. Небось услышал мою проповедь. Как бы не озлился, что я тут установки заместо командира даю.

Но Шорин, казалось, не слышал разговорчивого бойца. Он вопологося отдавал приказ начальнику штаба Петракову. Рядом стоял комиссар Луканин.

— Объявите новым бойцам, что даю еще десять минут на приведение себя в порядок. После этого — построение.

Николай Александрович отлично понимал: накормить измученных людей, дать им отдых — это еще не все, это только полдела. Необходимо превратить выходившие из окружения разрозненные группы в организованное воинство, способное противостоять тем самым фашистам, от которых они только что бежали.

Петраков, построив всех, доложил, что ополченцев много, на два батальона хватит.

— Ну что же, развернемся, значит, в полк, — повеселел Шорин. — Предлагаю командирами новых батальонов назначить преподавателей училища старших лейтенантов Челидзе и Харина.

Комиссар и начштаба согласно кивнули.

— А политруки? — словно рассуждая с самим собой, заговорил Василий Иванович Луканин. — Без политруков нельзя. Думаю, есть подходящие кандидатуры среди курсантов. — И назвал фамилии. — Ребята грамотные, толковые.

— Добре! — согласился майор.

Он относился к комиссару с особым уважением, ценил его редкий организаторский талант, принципиальность, умение работать с людьми. Не сомневался и в личной храбрости Луканина. Они с комиссаром всегда понимали друг друга с полуслова, а иногда и вовсе без слов. И сейчас обоим было ясно, что, сформировав за десять минут новые батальоны, они еще не создали монолитное, боеспособное подразделение. Впереди бой. А пока следовало поговорить с людьми.

... Шорин стоял перед строем. Выше среднего роста, сильное волевое лицо, отменная военная выправка. Во всем его облике чувствовались решительность и хладнокровие. Окинул внимательным взглядом красноармейцев и вдруг неожиданно улыбнулся.

— Ну что, товарищи, досталось на орехи?

По рядам прокатился негромкий смешок. Люди словно сбросили с себя гнетущую тяжесть, распрямили плечи.

— Ничего, выстоим, — уверенно и громко, так, чтобы слышали все, проговорил Шорин. — Я тут подслушал одного бойца из ополченцев. — По рядам опять прошел смех. — Нехорошо подслушивать, конечно. Но понравились мне его слова о том, что без веры в себя, без веры в страну воевать нельзя. Очень правильные слова, товарищи! Ну а то, что пришлось отступить, — ничего. Мы свое возвратим, обязательно возвратим. За одного битого, говорят, двух небитых дают. Считайте, пришла пора отдать врагу должок. Так?

В ответ раздалось из разных концов строя:

— Вроде... Конечно бы...

— Не слышу, орлы! — требовательно повысил голос комбат.

— Так точно, товарищ майор! — теперь уже дружнее ответил строй.

— Вот и хорошо. — Шорин взглянул на часы. — Вопросы?..

Разойдись!

В окопах курсанты разговорились с ополченцами. Очень разными мы были. Они — уже обстрелянные воины, смотревшие смерти в глаза, мы — юнцы, не нюхавшие пороха. Может быть, поэтому нам особенно хотелось показать, что мы ничего не боимся. Говорили высокие слова о чувстве долга, о том, что отступать — позор. И вообще не так уж страшен черт, как его малюют.

Немолодой хмурый ополченец вдруг спросил:

— Сынок, а ты его ... черта этого, видел?

— Пока нет.

— То-то, — протянул он. — А я его видел. В упор. И скажу тебе так: будешь целиться в него — не промахнись. Иначе он тебя до смерти “размалюет”. Ты только не думай, будто я паникую. Дело тебе говорю — с ним надо ухо востро держать. Ежели не ты его, то он тебя. Вот и вся премудрость. Майор правильно сказал, что за битого двух небитых дают. Мы и есть битые. Значит, заместо одного нас двое стало. Но воевать нам ишшо учиться и учиться...

Подошел командир нашей роты Дмитрий Григорьевич Бурнос. Прислушался к беседе, а потом коротко рассказал, что произошло у Кингисеппа. В его повествовании это выглядело хоть и трудным, но незначительным эпизодом войны. И только после победы, когда открылись архивы, были изданы мемуары, я узнал все подробности происшедших событий.

В начале августа 1941 года ударная группа фашистов, состоявшая из частей 18-й немецкой армии и 4-й танковой группы, с плацдармов на правом берегу Луги, захваченных еще в середине июля, развернула наступление на кингисеппском направлении. Оборонявшиеся здесь 2-я Ленинградская стрелковая дивизия народного ополчения, курсантские батальоны Ленинградского пехотного училища имени С.М.Кирова и другие части ценой героических усилий сдерживали некоторое время натиск противника. Но в конце концов вынуждены были отойти. 16 августа гитлеровцы заняли Кингисепп и устремились по шоссе и параллельным ему проселкам на Ленинград.

На пути гитлеровцев стали еще два наших соединения — 281-я и 1-я дивизии народного ополчения. Они были сформированы в начале войны из ленинградцев. Добровольцы рвались в бой, горя желанием уничтожить захватчиков. Но одного этого желания, одной ненависти к врагу было недостаточно. Не хватало у них очень важного, очень нужного, если не сказать, главного качества, необходимого на войне, — обученности. И когда не имевшие боевого опыта части попали под шквальный огонь орудий и минометов противника, когда сверху посыпались бомбы, а на позиции двинулись вражеские танки, ополченцы не выдержали, дрогнули.

Тут одного героизма было мало. Необстрелянные и плохо вооруженные, почти сразу же потерявшие весь командный состав, лишившиеся связи и управления, они побежали. И вот теперь вместе с нами едва составили полк.

Трагический опыт ополченцев неожиданно оказался полезным для нас. С еще большим усердием мы стали готовить надежную оборону.

К полудню поступили первые данные разведки. Капитан Василий Левин доложил майору, что в двух районах на опушках леса севернее Котина и Жабино немцы сосредоточивают крупные силы для атаки.

— Что значит “крупные”, Василий Ефимович? Нельзя ли конкретнее? — Шорин требовательно глянул на капитана.

— В каждом — до полка пехоты и до батальона танков, — сообщил Левин.

Среди присоединившихся к нашему батальону подразделений были и артиллерийские.

К 15.00 на командном пункте полка собрались все командиры-артиллеристы. Шорин пояснил обстановку, показал на карте объекты артналета, а потом сказал:

— Ну вот, товарищи, вам и выпал случай показать силу нашей артиллерии. В этот удар надо вложить все. Попробуем деморализовать немцев огнем и сорвать их наступление. Пусть собирают себя по частям. Смотришь, выиграем время. Итак, приказываю: всем батареям выставить наблюдателей. Не торопиться. Тщательнейшим образом подготовить исходные данные для стрельбы. По моей команде все орудия одновременно, подчеркиваю, все, открывают огонь по котинской группе. Тридцать минут вести обстрел с максимальной интенсивностью. Затем все батареи переносят огонь на жабинскую группу. Вопросы есть?

Вопросов не было. Возбужденные предстоящим, командиры дивизионов и батарей помчались к артиллерийским позициям.

Теперь Шорину оставалось только ждать. Стараясь унять охватившее его волнение, он мерил поляну крупными шагами.

Вскоре один за другим стали поступать доклады о готовности. И в 15.30 по команде Шорина 36 гаубиц и 12 полковых орудий оглушительным грохотом разорвали звенящую тишину августовского дня. Каждый залп обрушивал на фашистов тысячи килограммов металла и тротила. Наблюдатели восторженно кричали с верхушек деревьев: у немцев творился настоящий ад. А ведь фашистские вояки были так уверены, что уже через неделю будут маршировать по Невскому проспекту, произносить победные тосты в "Астории". Увы, их надеждам не суждено было сбыться.

Много лет спустя после войны увидел в документальном фильме "Если дорог тебе твой дом", как Гитлер летел на восточный фронт. Он, веселый, уверенный в себе, доволен: все у него идет по плану. Позади два года побед, семь покоренных столиц Европы. Россию фюрер рассчитывал поставить на колени за шесть недель.

Думаю, в эти дни ни Гитлеру, ни его генералам даже в самом страшном сне не мог привидеться их бесславный, позорный конец. Но до мая сорок пятого было еще очень далеко...

Шорин вновь зашагал взад и вперед по поляне. Только теперь лицо его светилось радостью. Он что-то энергично выкрикивал. Его ординарец Сергей Юдин, пытаясь в сплошном грохоте уловить, что

именно приказывает командир, подбежал к нему почти вплотную. Прислушавшись, оторопело отпрянул: майор ничего не приказывал, он неистово, с жаром ... декламировал:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид.
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...

Такого, обычно строгого и очень сдержанного, Юдин майора еще никогда не видел.

В тот день наступления немцев действительно не последовало. Противник, понеся большие потери, медленно приходил в себя. Шорин понимал — передышка будет недолгой. Необходимо было использовать ее для дальнейшего укрепления рубежа обороны. Он приказал дооборудовать и хорошенько замаскировать позиции, а еще — отрыть ложные траншеи и “украсить” их макетами пулеметов и чучелами. Бойцы и курсанты добросовестно наводили “антураж” и при этом незлобиво поругивали неугомонного майора за “ненужные выдумки”.

Вечером политрук Габов прошел по траншее. Собирая по несколько человек, зачитывал нам приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года.

“Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам”, — говорилось в приказе. И далее приводились фамилии командующего 28-й армией генерал-лейтенанта Качалова, командующего 12-й армией генерал-лейтенанта Понеделина и командира 13-го стрелкового корпуса генерал-майора Кириллова, которые, как следовало из приказа, вместо того, чтобы выполнять свой долг перед Родиной, организовать вверенные им войска для стойкого отпора врагу и вывести их из окружения, сами сдались в плен.

В конце приказывалось расстреливать на месте дезертиров, семьи их подлежали аресту, как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Что и говорить! Приказ был суров. По-разному попадали люди в плен и относиться к ним нужно по-разному. Но я, как тогда, так и сейчас, считаю, что сдавшиеся в плен по трусости, из шкурных

интересов или политических соображений — предатели Родины и никакого снисхождения не заслуживают.

Трагичность же этого приказа, о чем я узнал только после войны, заключалась в том, что названные в документе люди были невиновны.

Генерал-лейтенант Качалов погиб 4 августа 1941 года. Генерал-лейтенанта Понеделина и генерал-майора Кириллова, неожиданно и насильственно захваченных в плен, постигла трагическая судьба. В плену они вели себя достойно. Их освободили из плена наши союзники. Затем пять лет заключения в Лефортовской тюрьме. Там же их расстреляли. Спустя годы все они были полностью реабилитированы.

Ночь выдалась беспокойной. Гитлеровцы откуда-то издалека обрушили на нас тяжелые снаряды. Они с пронзительным свистом рассекали воздух и разрывались где-то позади наших окопов так, что вздрагивала земля, горячей волной воздуха обдавало лицо. Когда стало светлеть, глянул я вокруг — теперь уже не из ямки, а из окопа полного профиля — и увидел, что все ребята тоже по макушку зарылись в землю. И вовремя! Издали, словно оттолкнувшись от горизонта, шел на нас косяк тяжелых черных птиц. Бомбардировщики!

“Без команды по самолетам огонь не открывать”, — последовал приказ Шорина.

Я замер в окопе. Косой треугольник “юнкеров” все ближе. Вот они уже над нами — с шасси, похожими на поджатые лапы хищных птиц. Вот... Нервы — как натянутая тетива... Ура! Самолеты пролетели дальше! Маскировочное “украшение”, за которое мы так дружно поругивали Шорина, нас выручило. Но не успел я обрадоваться, как дюжина бомбардировщиков развернулась и снова пошла на наши позиции.

Самолеты летели так низко, что были отчетливо видны широкие черно-белые кресты на крыльях. “Юнкеры” сделали над окопами два плавных томительно долгих круга и затем ушли в сторону. Там — мы это ясно видели на фоне светлого небосклона — они принялись нырять вниз, словно клевали кого-то. Донесся грохот взрывающихся бомб. Столбы черного дыма вздыбились над горизонтом. И еще раз “ура” нашему Шорину! Маленькая военная хитрость удалась. Немцы бомбили ложные позиции!

ПЕРВЫЙ БОЙ

Раннее утро 19 августа 1941 года. Из-за бруствера окопа я отчетливо вижу светлеющий с восходом солнца зеленый лесочек метрах в семистах впереди, дома занятой противником деревни, серое полотно устремленного к Ленинграду пустынного шоссе.

Тишина. Напряженная тишина перед боем. С одной стороны затаились фашисты, прорвавшие здесь фронт, с другой — стоим мы, курсанты-пограничники. Впереди у нас первый бой!

В одной современной песне поется: “Последний бой, он трудный самый”. Я не согласен с этим. Пройдя всю войну, с уверенностью могу сказать: самый трудный все-таки первый бой.

Я стараюсь вспомнить всех, кто был рядом со мной в то тревожное августовское утро. В памяти всплывают имена.

Женя Гагарин. Вот он неподалеку от меня в аккуратно отрытой, умело замаскированной ячейке. Москвич. Очень любит стихи. Вчера он написал родителям первое письмо с фронта:

“Мои дорогие! Наконец и мы вступили в схватку с фашистами. Настроение бодрое, так как твердо уверены в победе. Знаю: будет трудно. И еще знаю, что спину фашистам не покажу...”

Федя Бурцев. Застыл у бруствера, сжимая трехлинейку. Парень серьезный, бывший секретарь райкома комсомола. Рядом с ним Петр Букань. Трудно найти товарища надежней. А там дальше Филипп Гречко, Александр Рамзаев, Вадим Авакян, Василий Майдигов, Пайлак Захарян... Все мы — курсанты 1-го взвода 1-й роты 1-го батальона. “Шоринцы” — так называют нас по имени комбата. Замечательный человек наш командир. К началу войны за плечами у Николая Александровича уже пятнадцать лет службы в армии. Был пограничником, командиром кавалерийского взвода, старшим инструктором боевой подготовки погранотряда. По окончании Военной академии имени М.В.Фрунзе работал в нашем училище сначала преподавателем, затем начальником кафедры военных дисциплин. Спустя много лет осознаю — мужество нашего батальона начиналось с личной храбрости Шорина. Минувшая война лишняя

раз доказала: у смелого командира нет и солдат с заячьей душой. Один такой нашелся, один из семисот. Он был расстрелян перед строем. Пожалуй, этим все сказано.

...Солнце все выше поднимается над горизонтом. В тревожном ожидании стучит сердце. Здесь, у деревни с непонятым названием Русские Анташи, что неподалеку от Гатчины, мне и моим товарищам суждено принять первый бой. Выстоим ли? Что даст нам силы? Любовь к Родине, ненависть к врагу, презрение к трусости? Сможем ли мы, вчерашние курсанты, с честью выдержать экзамен на звание воина, свой главный экзамен, именуемый первым боем? А бой предстоит серьезный. За нами Ленинград, и мы не имеем права отступить.

Началось... Пальцы ощущают округлость ложа, успокаивающий металлический холодок винтовки. А там, вдали, из-за крайних домов деревни, выкатываются мотоциклы с колясками. Один, второй, третий, за ними еще и еще. Они вытягиваются на ходу в колонну и неторопливо один за другим выезжают на шоссе. На каждом по два автоматчика — за рулем и в люльке. Проехав немного, мотоциклы выстроились по два в ряд, чуть прибавили скорость. Двигутся прямо на нас, притаившихся, ждущих сигнала.

Начинаю соображать, что скорее всего это разведка. Но катит она беспечно лихо, точно выбралась на утреннюю прогулку. Вот самоуверенные, гады! Очевидно, считают, что опрокинутые ими советские части за ночь успели немало отмахать.

Ох, и хорошая же мишень — эта высвеченная солнцем колонна мотоциклистов! Но почему молчит наше боевое охранение, тщательно замаскированное в придорожном кустарнике и кювете? Ослепли ребята, что ли? Самый момент всыпать фашистам. Нет, они все делают правильно. Моторазведку надо пропустить подалее, чтобы противник не понял, где расположены наши позиции. Ну, а теперь? И тут загрели выстрелы. Одна за другой, словно натываясь на невидимую преграду, переворачиваются машины. Будто жуки на спине, они беспомощно вращают в воздухе колесами. Некоторые с разбегу летят в кювет, другие стремительно разворачиваются, открывая беспорядочный огонь, и улепетывают назад, в деревню. На дороге в пыли распластались выбитые из своих седел наездники. И снова наступает тишина.

— Теперь скоро! — передают нам предупреждение майора Шорина. — Для начала фрицы нас артиллерией угостят.

Интересно, откуда он знает, что будут делать гитлеровцы?

Все замерли в ожидании начала артиллерийской подготовки. Шорин вдруг вспомнил о нас, связанных, находившихся в окопчике возле его штабного блиндажа, распорядился: “Идите в свои роты. Сейчас вы там нужнее”.

И только мы успели добежать до переднего края, как разом раскололись земля и небо. Фашисты не жалели снарядов. На нас обрушился ураган металла. Земля заходила ходуном. Завывание, свист, рев, скрежет, лязг, гром. Оглушенные, сидим в окопах, а на головы сыпятся комья грунта, камни, куски дерева. Неподалеку от меня кто-то застонал.

— Санитары! — послышался возглас.

От дыма и пыли стало темно. Жаркий смрад перехватывает дыхание. Я весь в липком поту, а спина мерзнет. Горит, стонет, дрожит земля. Немцы все молотят и молотят. Не знаю, сколько времени продолжался этот ад, кажется, уже не осталось ничего живого.

На этот эффект и рассчитывали гитлеровцы. Устрашить, смять наши души еще до боя. Думали — не выдержим, дрогнем, побежим. **Не дрогнули!**

Огонь прекратился так же внезапно, как и начался. У меня заложило уши, и я не сразу понял, что артподготовка кончилась. Медленно оседала пыль, ветер растягивал дым в разные стороны. Ребята возбужденно поднимали головы над окопами, вглядываясь в шоссе, туда, где темнел негустой лесочек. Казалось, там вскипала и булькала темная пена. Так и есть — немцы накапливаются для атаки, их цепи густеют, разрастаются вширь. Много их... Вот тронулись, волнами покатали на нас!

Вижу, как Вадим Авакян и Женя Гагарин привстают из окопов. Я тоже высовываюсь: хочется увидеть фашистов, поглядеть, как они идут в атаку. Поразило: немцы шагали в полный рост, стараясь держать равнение.

“Психическая” атака! Ну и ну! Почти как в любимом фильме “Чапаев”. Идут, правда, не так парадно, под оркестр, как капеллевы в своих черных мундирах с аксельбантами. Но зато фрицев гораздо больше. А на флангах пехоты катят танки — низкие, приземистые, темно-серого цвета. Все отчетливее слышен лязг их гусениц.

Немцы прошли поле, они уже совсем близко. Идут по-прежнему — не пригибаясь, ровным, плотным строем, уперев в животы автоматы, идут молча, без единого выстрела. Мы впервые видим гитлеровцев так близко. Низкие каски, короткие автоматы. Вот уже видны пряжки на ремнях, потные нахальные лица. Рукава засучены до локтя.

Мне стало не по себе от этой спокойной, ровной поступи. К нам приближались не трусливые фрицы из газетных карикатур, а вышколенные, уверенные в себе, хорошо обученные солдаты. Я почувствовал, что меня знобит, пересохло во рту, обручем сдавило виски, часто забилося сердце. “Только бы не растеряться, — застучало в голове, — только бы не струсить!” Закусив губу, одеревеневшими руками прижимаю к себе винтовку.

— Товарищи, у кого есть спички? — вывел меня из оцепенения спокойный голос командира нашего взвода.

Я обернулся. Степанов неторопливо достал портсигар, открыл его, вытащил папиросу.

— Есть спички? — повторил он свой вопрос, обращаясь уже непосредственно ко мне.

Я с готовностью полез в карман. Спокойствие командира, будничная, привычная просьба насчет спичек сняли напряжение. И невдомек мне было тогда, что конечно же имелись у взводного свои спички, а наши нужны были, чтобы вырвать нас из цепких лап сковывающего страха, вернуть нам присутствие духа, способность слышать и уверенно выполнять команды.

А фашисты тем временем подходили все ближе...

Мы — молчим.

Еще ночью комиссар батальона Василий Иванович Луканин обошел всю полосу обороны и предупредил:

— Издали по немцу не палить! Огонь — только по команде. Подпустить как можно ближе — ближнего боя они боятся. В контратаку я пойду с вами.

...А фашисты топают, как на плацу.

...Мы молчим.

...Они продолжают вышагивать. Покачиваются бесконечные серо-зеленые шеренги. Впереди щеголевато одетые, в фуражках с высокой тульей и пистолетами в руках офицеры. Они то и дело поворачиваются к солдатам, что-то кричат, командуют.

Меня опять затрясло — уже не от страха — от злости. Неужели мы их не остановим?

— Спокойно, товарищи! — раздается уверенный голос лейтенанта Степанова. Очень высокого роста, он ходит по траншее, не пригибаясь. — Спокойно! Будем бить в упор.

До наступающих шеренг остается всего триста метров. И тут ударила наша артиллерия. В ответ открыли огонь орудия противника.

...Идут, проклятые...

Мы молчим. И фашисты не выдержали. Застрочили автоматы, разбрызгивая веера трассирующих пуль, с ходу ударили танки.

— Ну, братва, начинается! — вырвалось у Феди Бурцева.

Ополченцы испытующе поглядывают на нас — не дрогнем ли?

От осколков и пуль то и дело прижимаемся к стенкам траншеи. Проверяем: гранаты на бруствере, штыки примкнуты, патрон в стволе.

...Двести метров до “психических”.

— Вот, мать их ... сволочи! — прильнув к пулемету, сплевывает

Букань.

Нервно откликается Вася Майдилов:

— Растопались, гитлеры ...

Политрук нашей роты Габов, поглаживая пулемет, успокаивает:

— Думают, нервы у нас сдадут ...

— Почему не стреляем? — не выдерживаю я напряженного ожидания.

— Потерпите, Калущкий, — жестко обрывает меня лейтенант Степанов. — Прежде всего — выдержка. — Он произносит это громко, явно рассчитывая, что его услышу не только я.

А как “потерпишь”, если гитлеровцы почти рядом. Завывают моторы танков, и каждый ствол, кажется, нацелен только на тебя...

Но тут наконец передается по цепи долгожданная команда майора Шорина:

— По фашистским гадам — огонь!

— Целься по смотровым щелям! Бить по автоматчикам на танках!

Гранаты метать под гусеницы! — кричит Степанов.

Я вижу, как падают, грузно заваливаясь, фашистские вояки, только что так самоуверенно демонстрировавшие строевой шаг.

Передние танки остановились и ведут огонь прямой наводкой. Вслед

за шелканьем выстрела следует разрыв снаряда, и этот двойной уничтожающий перестук отдается в голове.

— Окру-жа-а-ют! — Истошный крик тут же оборванно смолк. Видно, заткнули глотку паникеру.

... Окружение! Страшное слово. Оно могло мгновенно посеять панику, парализовать оборонявшихся. Достаточно было кому-то одному крикнуть: “Мы окружены”, как начиналось что-то невсобразимое. Но уже и тогда, в первые месяцы войны, находились волевые и смелые командиры, способные успешно вести бой в условиях окружения и выходить из него, сохраняя знамена и боеспособность частей. Позже пришло это слово и к нашим врагам. Не счесть котлов, в которых “варились” и испарялись гитлеровские войска.

Но все это было впереди. А тогда выстоять предстояло нам. И тут опять нужно сказать большое спасибо нашему майору Шорину. Он заранее готовил нас ко всем неожиданностям. По его указанию командиры учили курсантов, что делать, если враг отсечет от своих группу, подразделение или всю часть. Раскрывали нам и секреты некоторых “фокусов”, которые были у фашистов на вооружении.

— Немцы применяют разрывные пули “дум-дум” с неполной или подпиленной оболочкой, — объясняли командиры. — Ударяясь о твердую преграду, они издают резкий звук, напоминающий выстрел. Скажем, вы отходите, по вас стреляют, а пули, разрываясь впереди, создают впечатление, будто неприятель уже стреляет и сзади...

Наука пошла нам на пользу, и когда мы столкнулись с ложным эффектом “дум-дум”, он нас с толку не сбил...

“Окру-жа-а-ют!” — все стоял в ушах истошный крик. Я знал: мы, пограничники, не победим, живыми в руки немцам не дадимся. И все же душа заныла, когда увидел, как далеко справа, обходя нас, быстро перебегают темные фигурки. Слева, обтекая полосу обороны, тоже копошились немцы. Похоже, действительно хотят обойти, чтобы с тыла пересечь шоссе ... Замкнуть кольцо ... Возможно, для отвлечения и атакуют “психически” в лоб ...

— За-а-а-лпом! — повторил команду взводный.

Вражеские цепи все прут и прут.

Я припал к винтовке, страх прошел. Ничего не вижу и не хочу видеть, кроме врагов. Самое главное сейчас — метко прицелиться и

плавню выжать. Меня распирает ненависть. Давить их, гадов, давить! Своими глазами видеть, как падают от твоей пули... От твоей!

Танки приближаются. Того и гляди раздавят весь взвод. Что-то не ладится у петезоровцев, они стреляют, а бронированные громады по-прежнему прут. Едва образуются в цепях атакующих бреши, как серо-зеленые волны снова смыкаются и катят, катят на нас.

Вижу бегущего впереди офицера. Полуобернувшись и размахивая пистолетом, он что-то кричит своим солдатам, будто указывает на меня. И кажется, что все солдаты бегут только в мою сторону и целятся только в меня.

Плотно прижимаю к плечу приклад винтовки. Вспоминаю, как недавно ополченец предупреждал: "Будешь целиться в фашиста, не промахнись, иначе он тебя достанет..."

Кровь приливает к вискам. Прицеливаюсь через прорезь мушки чуть выше пряжки на ремне и плавно нажимаю спусковой крючок. Сделав пистолетом широкий взмах над головой, фашист упал. Неужели попал? Застыв на месте, жду, не поднимется ли? Нет, не поднялся.

Ликуя, смотрю на Васю Майдикова. Он точно слился с противотанковым ружьем. Прижав к плечу приклад, старательно стреляет по танку. После каждого выстрела морщится. Я почти физически ощущаю его боль от отдачи громоздкого длинноствольного ПТР.

Противотанковые ружья мы получили перед самым выходом на фронт. Овладевать новым оружием приходится в бою. Вот и получается пока не очень гладко.

Звонкие выстрелы ПТР звучат и справа, и слева. Но танки, не останавливаясь, ползут все ближе и ближе.

Внезапно смолкли наши пушки. Видно, кончились снаряды. А проклятые громадины все прут вперед.

Майдиков скрипит зубами, ругается и продолжает слать пулю за пулей. Ближайший к нам танк замедлил движение: на его пути большой валун. И он вынужден повернуться, чтобы обойти преграду.

— Давай, давай! — Василий остервенело всаживает в борт машины несколько пуль, затем бьет по гусеницам. Танк дрогнул, крутанулся волчком.

— Ага! Перебили зверюге лапу! — радостно кричит Женя Гагарин. — Добивай, Вася, добивай!

Раненый зверь продолжал сопротивляться. Тонкий ствол пушки польхнул пламенем. Мы едва успеваем спрятать головы. Снаряды

разворотили бруствер, нас полусасыпало землей. Едкий дым не дает вздохнуть. Но Василий не сдается.

— Ах ты так, гад! Ну, погоди!

Он снова прицеливается. Выстрел. Пуля точно попадает в бензиновый бак. Танк задымился, и через мгновение в нем стали глухо рваться снаряды.

— Молодец, Вася!

Мы обнимали нашего товарища, кричали “ура” и смеялись от радости. Победа над фашистским танком окрылила нас. Решительней застучали пулеметы, дружнее стали винтовочные залпы. Бьем по вражеским цепям, стараясь экономнее расходовать боеприпасы: кто знает, сколько еще гитлеровцев прячется в лесу.

Строй немцев постепенно начинает расплзаться. Вражеские солдаты жмутся к танкам, строча из автоматов длинными очередями. Перед нашими окопами пляшут фонтанчики земли.

— Товарищ лейтенант! — сдавленно, словно в простуде, позвал пулеметчик Константин Каукин командира взвода. — Гляньте: еще танки ... И пехота ...

— Ну и что? Все равно одолеем! Огонь!

— Отсекайте пехоту! — кричит комиссар Луканин. — Танки без пехоты не страшны, мы их забросаем гранатами.

Стреляя вместе со всеми, Женя Гагарин не сразу понял, что прямо на него, устрасшающе рыча, надвигается темная бронированная коробка. Все ближе, ближе...

Мы с замиранием сердца смотрели то на танк, то на Гагарина, вернее, на его каску, выступающую над окопом. Вот она постепенно опускается за бруствер и наконец совсем исчезает. А танк уже почти рядом. Опять появляется каска Гагарина. Он дает несколько коротких очередей из ручного пулемета по смотровым щелям, а затем резко приподнимается и бросает связку гранат, целясь под гусеницы. Не попал! Черная махина наползает на окоп.

Вот когда пригодились неприятные уроки обкатки танками! Правда, одно дело — учебная машина, к тому же своя, когда точно знаешь, что она тебя не задавит, и совсем другое — вражеский танк.

Но Гагарин не дрогнул — действовал, как на учебных занятиях. Когда танк прошел у него над головой и снова показалось небо, Женя выскочил из окопа, метнул бутылку в кормовую часть. Странно! Она разбилась: брызнули осколки, разлилась жидкость, а пламени не видно. Бросил вторую — тот же результат.

“Почему же танк не загорается?” — лихорадочно проносится в моем сознании.

— Почему не горишь, гад? — зло кричит Гагарин, добавляя, что так поразило меня, несколько непечатных слов.

Неужели это Женя? Интеллигентный парень, москвич? Но, видно, русскому человеку в критической обстановке без мата, вылетающего, кажется, из глубины души, не обойтись.

Внезапная догадка обожгла меня: бутылки не горят потому, что Женя забыл их поджечь! Понял это и он. Растерянность прошла. Третья, подожженная бутылка летит точно в цель. Танк охватывает пламя...

Еще одну вражескую машину удалось поджечь курсантам Гнидашу и Фролкову.

Легко сказать — поджечь... Для того чтобы это сделать, требуется немало выдержки и умения. К корпусу бутылки, наполненной смесью бензина с керосином, резиновым пояском прикреплена большая спичка, пропитанная специальным горючим составом, и “чиркалка” — покрупнее, чем у спичечного коробка. Надо подобраться поближе к танку, чиркнуть спичкой, дать ей разгореться, а не то в броске потухнет, и метнуть зажженную бутылку точно в корму, где мотор и горючее. Вот так. Все просто. Танк уже рядом. Чиркаешь... Не загорается? “Чиркалка” отсырела? Быстро, только спокойно достань запасную. Еще раз... Головка спички обломилась... А танк не стоит на месте. У тебя начинают трястись руки. Спокойно. Еще раз...

Иван Жадан подбил фашистскую машину связкой гранат, брошенной под гусеницы. Общий вес такого снаряда три килограмма. Далеко не забросишь. Не дальше чем на 15 — 20 метров. А это значит, что именно на такое расстояние надо подпустить вражеский танк.

Мое сердце наполняется гордостью и восхищением. Какие молодцы ребята — мои товарищи-курсанты! Не трусили, не растерялись!

На поле боя замерли, дымят подорванные, подожженные темные коробки с бело-черными крестами. Те, что избежали печальной участи, повернули назад. Вслед за ними отошла и пехота.

Впрочем, не всем гитлеровцам удалось добраться до леса. Множество вражеских трупов осталось лежать на наших позициях. Мне запомнился один — здоровенный рыжий вояка лет тридцати. Рядом с ним валялись каска и котелок, но особенно поразило всех вывалившееся на землю содержимое ранца: ножницы, зубная щетка,

тюбик с пастой, зеркальце, небольшая шкатулка с нитками и пенальчик для иголок.

— Полное хозяйство, — с отвращением пнул ногой вещи Константин Каукин.

— А что! Ты в него из винтовки, а он, знай себе, зубы чистит, — попытался пошутить Ваня Хабаров.

Кругом грустновато заулыбались. Шутка не удалась.

Нас прервал пронзительный свист тяжелого снаряда.

— Ло-жи-ись!

... Разрывы следовали один за другим. Наконец наступила тишина. Поднимаюсь, оглядываюсь... С радостью вижу родные лица. Живы!

— Вот это и называется — парад, — подвел итог боя лейтенант Степанов. — Первая атака — это как первое слово в букваре, которое ты научился складывать из букв. Так что, считайте, азбукой победы мы начинаем овладевать. Чем дальше — тем лучше.

Пришел майор Шорин.

— Немцы хотели нас взять на испуг, — объяснил он нам, — да не вышло. Почему? Потому что не побоялись мы подпустить их ближе. Ближе — значит точнее выстрел, да и злости больше, когда видишь ненавистное лицо врага. Вот и сумели дать немцам отпор.

— Товарищ майор, — спросил я, — а куда испарились те, кто обходил нас справа и слева? Не пойму: шли-шли и исчезли.

— А чего тут понимать? Они же только изображали окружение, тоже своего рода “психическая” атака. Мы-то умышленно загнули фланги нашей обороны. А когда фрицы попытались нас “окольцевать”, то получили по зубам. — Майор улыбнулся, поднял сжатый кулак. — Да еще две роты держал я в резерве! Понятно вам, товарищи, что такое окружение и как с ним бороться? Окружен не тот, вокруг которого враги. А тот, кто внутренне уже решил, что положение безвыходно.

Возбужденные боем, мы обменивались впечатлениями.

— А видел, как я того длинного свалил? Фашистскому офицеру прямо в лоб попал, — хвалился Федя Бурцев.

— Погоди, Федя. Как же так? Это мне удалось уложить его выстрелом в грудь, — возразил я.

Бурцев замолчал. Смутился и я: Федор — парень серьезный, **врать** не станет. Увидев наше расстройство, Саша Рамзаев и Вадим Авакян решили выяснить, в чем дело. Не удержались и мы, побежали к убитому офицеру.

— Ребята! Точно, у фашиста две дыры. Одна в голове, другая в груди. Все ясно. Ну а кто был первым, сами разбирайтесь, — обратился Рамзаев к нам.

Смотрю на Бурцева — он улыбается. И мне стало легко на душе.

После ожесточенного боя наступила непривычная тишина. Лишь слышно, как потрескивают охваченные огнем пшеничные колосья. Пахнет горячим хлебом. Среди выгоревшей нивы то тут, то там чернеют дымящимися бугорками трупы гитлеровцев. Не сосчитать их. Но и наших полегло немало. Лежат ничком мои товарищи, курсанты, ополченцы. Кажется, будто отдыхают они после боя. Но окликнешь одного, другого... А в ответ — **молчание...**

С болью и ожесточением копаем братскую могилу. Почему-то боимся смотреть друг другу в глаза, словно виноваты в гибели товарищей.

Прозвучал прощальный залп над могилой погибших.

— Ведь кто-нибудь из нас останется жив, — ни на кого не глядя, словно размышляя вслух, тихо говорит Женя Гагарин, — и с победой дойдет до Берлина. Он обязан помянуть там сердечным словом всех нас, кто не доживет...

— Ты что это заранее хоронишь себя? — перебил я друга.

— Мы с тобой обязательно дойдем до Берлина. — Я старался приободрить товарища, а больше самого себя. — Слышал, что говорил командир? Фашиста убей, а сам живым останься. Понял, да?

Женя улыбнулся, согласно кивнул.

Немцы молчали, видимо, собирались с новыми силами. Мы ждали обеда. Каждый занимался своим делом.

Примостившись на патронном ящике, агитатор Саша Рамзаев что-то увлеченно рисовал на листе бумаги. Наконец закончил. С **расстояния** вытянутой руки полюбовался на свое творение, удовлетворенно хмыкнул и протянул листок мне.

Выразительный рисунок. Советский солдат, держа в руке бутылку с **горючей** смесью, бросается на фашистский танк. У солдата чуть

вздернутый нос, пухлые губы и смешной вихор на затылке. Вылитый Женька Гагарин! Тут и подписи не надо — каждый поймет, о ком речь. Возвращаю листок Саше. Рамзаев крупными буквами выводит внизу: “Слава герою!”, а в верхнем углу более мелко: “Посмотри и передай другому”.

— Все-таки надо указать фамилию, — говорю я, — многие ведь не знают Женьку в лицо.

— Верно, — соглашается Рамзаев и пишет под рисунком: “Курсант Евгений Гагарин сегодня в бою сжег фашистский танк”.

А я все смотрю на листовку. “Слава герою!”... Просто не верится. Наш Женя, обыкновенный московский паренек — и вдруг герой... Я всегда считал, что герой — это человек какой-то особенный, не похожий на других. У него и лицо должно быть не такое, как у всех. А тут — курносый Женька.

Вижу, опять карандаш Рамзаева быстро забегал по бумаге. И вот уже другой рисунок: боец длинным стволом противотанкового ружья пронзает танк с черной свастикой.

— Вася Майдикив! — ахаю я. — Тебе бы, Саша, в художники податься.

— Зачем? — улыбается Александр. — У нас с тобой прекрасная профессия — политработник. Он должен все уметь — и воевать, и дорогу к солдатскому сердцу находить, и петь, и плясать, и рисовать — тоже: ведь наглядная агитация на нашем брате лежит... Давай пускай наши “молнии” по траншеям. И скорей подбивай танк, я тебя тоже отобразу, прославишься на весь полк!

Но не о славе я сейчас думал — об обеде. Так хочется есть. Посмотрел на Женю Гагарина, а он как ни в чем не бывало чистил винтовку, протирал патроны. Вспомнилась любимая поговорка нашего старшины Матвеева: “Оружие не почистил — котелок не доставай”. И я тоже взялся за винтовку.

Итак, первая попытка противника прорвать нашу оборону не удалась. Мы поверили в свои силы. Впереди был целый день, длинный летний день сорок первого года. И, прожив этот день, мы поняли: пока жив — можно бить немцев. Можно!

Не только поесть, но и отдохнуть как следует нам так и не удалось. Вторая атака немцев началась часа через два после первой. На этот

раз под прикрытием группы бомбардировщиков. До сих пор, вспоминая этот ад, ощущаю неприятный холодок в груди.

С нами в траншее были командир роты лейтенант Бурнос и политрук Габов. Теперь немцы приближались ползком.

— Фашисты теряют не только живую силу и технику, — указывая на ползущих немцев, проговорил Габов. — Они и спесь теряют, что не менее важно. Перестали маршировать, гады! Уже не во весь рост шагают — на пузе ползут. Так что, товарищи? Не дадим им подняться! А на четвереньках они далеко не дойдут.

Пять раз в тот день шли на нас фашисты. Последнюю атаку я запомнил на всю жизнь...

На войне солдаты мужают не по дням, не по часам, а по боям. К вечеру первого дня боев нас было не узнать. За один день научились многому. От атаки к атаке мы становились все опытнее и мудрее, сметливей и расчетливей. Ведь каждая ошибка порой стоила жизни.

Пытаясь во что бы то ни стало сломить оборону, фашисты изменили тактику. На этот раз они вначале дружно выскочили из леса и широкой цепью бросились вперед. Не добжав метров триста до нашего переднего края, вдруг залегли. А затем стали продвигаться перебежками поодиночке.

К тому времени у нас на каждого осталось по одной гранате и по десять — двенадцать патронов.

Шорин разбил фронт наступления противника на сектора. Каждой роте указал свой сектор. Командиры роты в свою очередь поставили задачи взводам, взводные — отделениям.

Немцы продолжали приближаться перебежками. Когда тот или другой гитлеровец, пробежавший несколько метров, падал, командир отделения Бурцев указывал: Букань, это — твой, Каукин, возьми на мушку того, что под кустом. И всем было приказано — стрелять без промаха, гранаты беречь для танков.

Впрочем, танки остановились и не стреляли: должно быть, у них тоже кончились боеприпасы. И все же их присутствие тревожило.

Мы продолжали обороняться. Каждый держал свою цель на мушке. И как только фашистский солдат вскакивал с земли, он тут же получал пулю. Цепь наступавших таяла на глазах. Но немцы упрямо шли вперед.

Вскоре у нас кончились последние патроны. Поступила команда приготовиться к контратаке. Курсанты замерли в готовности к штыковой. Гитлеровцы, также прекратив огонь, медленно приближались к нашей траншее. Потянулись мучительно долгие минуты.

Когда до нас оставалось не более ста метров, немцы вдруг все разом поднялись с земли и замерли, остановившись. Замерли и мы. В левой руке — винтовка с примкнутым штыком, а в правой, поднятой над головой, — последняя граната.

Сколько времени мы так стояли друг против друга — не знаю. Время словно остановилось. Затем фашисты тоже подняли автоматы: то ли грозили нам, то ли прощались — и, повернувшись, пошли медленно, в полный рост, не оглядываясь, к лесу.

Вспоминая этот эпизод, все пытаюсь понять, почему же немцы не вступили с нами в схватку. По-видимому, они оказались психологически не подготовленными к ней. Фашисты были уверены, что уже победили. Ждали: вот сейчас оставшийся без патронов "рус", подняв руки, начнет сдаваться в плен. И вдруг... Отчаянная решимость курсантов-пограничников стоять насмерть сломила немцев, отбросила назад.

Так была отбита последняя, пятая атака тяжелого августовского дня. Начался тот день провалившейся "психической" атакой немцев, а закончился нашей победной "психической" обороной!

ШЕСТЬ СУТОК И ВСЯ ЖИЗНЬ

Вторым батальоном, с которым мы вместе покинули училище, командовал капитан Антон Афанасьевич Золотарев. Вечером 17 августа его курсанты заняли позиции в районе деревень Пульево, Смольково, Дулицы, Алексеевка, чтобы преградить путь группе гитлеровских войск, рвавшихся к Красногвардейску (Гатчине).

В двадцатых числах августа до нас, курсантов 1-го батальона, дошел слух о том, что 2-й батальон полностью погиб в первый же день боев вблизи станции Елизаветино.

Это ужасное известие глубоко потрясло нас. Мы понимали, идет война и на войне погибают. Но чтобы вот так вдруг полег целый батальон — 700 человек... Невозможно было такое представить. Мы верили и не верили...

О том, что произошло со 2-м батальоном, я узнал уже после войны, в начале пятидесятых, когда учился в Москве в Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Однажды при входе в метро увидел человека в форме полковника. Лицо его показалось мне очень знакомым. Решившись, подошел к нему.

— Извините, пожалуйста, мы не могли с вами встречаться раньше?

— Мир тесен... — улыбнулся он в ответ, внимательно глядя на меня умными серыми глазами...

Так была подарена мне судьбой встреча с Антоном Афанасьевичем Золотаревым.

Обладая исключительной памятью, Золотарев оказался к тому же замечательным рассказчиком. От него и узнал я, что же случилось на самом деле со 2-м батальоном. Как оказалось, он не погиб в первом же бою. Героически дрался с фашистами и с честью выполнил приказ командования фронта — задержать гитлеровцев на несколько суток до подхода основных сил.

На самом ответственном участке у дальней деревни Заполье стояла 8-я рота, которой командовал недавний выпускник училища старший лейтенант Пименов. Остальные роты, 5, 6 и 7-я, заняли рубеж обороны Смольково, Дулицы, Алексеевка.

Фронт батальона составлял десять километров. Из-за недостатка средств связь была установлена только с тремя ротами.

Кадровый военный, Золотарев отлично понимал, что батальону не сдержать наступления противника, имеющего превосходство в живой силе и технике, без хорошо налаженной разведки. Разведка — это сейчас было главным. Невозможно успешно вести оборонительные бои, не зная мест сосредоточения, плана действий, наличия резервов наступающих.

Штатным разведывательным подразделением батальон не располагал. За необходимыми разведанными посылались курсанты. Наиболее удачно действовала группа лейтенанта Николая Юхимца.

Многие события войны, безусловно, растворятся в дымке времени, сотрутся подробности. Но никогда боец, хоть раз побывавший в разведке, не забудет особую атмосферу человеческой теплоты, товарищеской дружбы, царящую среди разведчиков. Невозможно объяснить, чем это вызвано. Экстремальными условиями, в которых приходится действовать в тылу врага? Или тем, что разведчики не раз проверяли друг друга на крепость духа и надежность?

Конечно же разведка — это не сплошные подвиги и приключения. Как и любое дело на войне, разведка прежде всего труд. Тяжелый, изматывающий, лишенный подчас какого-либо ореола таинственности.

Но когда собираются разведчики в кругу друзей, рассказывают они только о самом интересном. С особым удовольствием вспоминали такой эпизод.

Выполняя очередное задание, группа Юхимца наткнулась на небольшой домишко, стоящий особняком. Двое — Абдуллаев и Сулейменов — осторожно подползли поближе. Заглянули в тускло светящееся окно. На полу вповалку спали гитлеровские солдаты. “Ну, фрицы, будет вам сейчас веселое пробуждение!” — решил Юхимец. Бесшумно сняв часового, разведчики проникли в дом.

— Хенде хох! — крикнул Юхимец.

Ошарашенные немцы начали вскакивать, ища оружие. Поздно! В течение считанных минут с фашистами было покончено. Взяв документы и несколько трофейных автоматов, группа Юхимца растворилась в ночной темноте...

В результате рейдов поисковых групп удалось установить: во всех деревнях, прилегающих к нашему переднему краю, сосредоточено большое количество пехоты, танков, орудий и минометов противника. Огневые позиции оборудованы лишь кое-где. Судя по всему, фашисты собирались двигаться к Ленинграду безостановочно.

Вскоре данные разведки удалось подтвердить, захватив “языка”. Отличилась опять группа Юхимца.

...Выполнив задание, уставшие разведчики возвращались в батальон. Было тихо, если не считать редкой, какой-то ленивой перестрелки. Шедший впереди Даниил Приходько поднял руку — осторожно! Оказалось, огневая точка противника. Пулемет, в углу сложены гранаты. И ни единого солдата.

— Отдохнем, товарищи, — скомандовал Юхимец. — А заодно и фрицев подождем. Всем хорошенько замаскироваться.

Минут через тридцать показался фашистский солдат. Что-то жуя, присел на бруствер. И тут же перед ним внезапно выросла огромная фигура Даниила Приходько. “Хенде хох”, — тихо и ласково сказал немцу Приходько, словно здоровался со старым другом. Тот опешил от изумления да так и остался сидеть с открытым ртом. Разведчики скрутили незадачливому немцу руки, засунули в рот кляп — и в путь. “Язык” вначале не хотел отвечать на вопросы. Твердил одно и то же: “За нас думает фюрер, это должен знать фюрер”. Но перед комбатом струсил. Со страхом поглядывая на капитана, боясь встретить твердый взгляд серых глаз, заикаясь, он начал говорить. Пленный сообщил, что по шоссе на Гатчину наступают два мотомеханизированных и один танковый батальон из состава 41-го моторизованного корпуса 4-й танковой группы, указал места их дислокации. Показания подтвердились захваченными документами.

Приближался день, когда курсантам 2-го батальона предстояло вступить в свой первый бой. Начался этот день с того, что в небе показались звенья вражеских бомбардировщиков. К счастью, противник не смог точно определить расположение хорошо замаскированных позиций. Бомбы падали мимо цели. Вслед за бомбами стали рваться снаряды и мины. Курсантов выручили хорошо оборудованные окопы: ребята отлично усвоили уроки начальника инженерной службы училища, участника боев в Испании, капитана Теренина.

Не успел окончиться артиллерийский налет, как затрещали вражеские пулеметы и автоматы. Началось наступление противника. Напряжение возрастало.

Юхимец с тревогой заметил, как оцепенели в ожидании курсанты. Если надолго оставить их в таком состоянии, это может привести к панике. Твердым, спокойным голосом, как бывало в училище, он приказывает проверить оружие, протереть и приготовить к бою связки гранат. Подошел политрук 6-й роты Логинов. Перебросился шуткой с курсантами. Он тоже понимал, каково им сейчас. Ребята отвлеклись, немного успокоились. Наконец связной курсант Моисеенко доложил:

— Товарищ лейтенант, сигнал!

Юхимец поправил снаряжение, вдохнул побольше воздуха и скомандовал:

— По фашистским автоматчикам — огонь!

Молодой офицер с радостью отметил, что и старые винтовки не так уж плохи. Если умело ими пользоваться, вместе со станковыми и ручными пулеметами можно создать плотную завесу огня и прижать фашистов к земле.

Гитлеровцы, не ожидавшие такого дружного отпора, сначала залегли, а затем, отстреливаясь, стали отползать. Курсанты обрадовались первому успеху и проводили их мощным “ура”.

Но всем было ясно: последуют новые атаки. Так оно и вышло. Еще четыре раза поднимались гитлеровцы в атаку и четыре раза вынуждены были отходить на исходные позиции. Не дрогнули курсанты и перед фашистскими танками. Погибли Владимир Акимов и Виктор Глухов, но две машины с черно-белыми крестами запылали на поле боя, словно две скирды соломы.

Владимир и Виктор. Им было всего по двадцать. Их лиц еще не касалась бритва, и не было у них любимых девушек. Единственной и большой любовью была любовь к Родине, которую они без страха прикрыли собой. Изуродованные вражескими танками тела лежали на поле боя. Многие курсанты, потрясенные увиденным, не могли удержаться от слез.

Я твердо уверен, что Владимир Акимов и Виктор Глухов понимали, что погибнут. И вряд ли говорили себе в тот момент: “Идем на подвиг”. Нет, они просто выполняли воинский долг. И чувство долга пересилило страх перед смертью.

Миллионы Акимовых и Глуховых не дали сломить себя, выстояли, как батальон Золотарева. Пылала земля, черной пеленой заволокло небо, но, задыхаясь от гари и дыма, люди стояли насмерть.

...Прорвав оборону 6-й роты, группа фашистских танков приближалась к командному пункту батальона, который был расположен в первом эшелоне. Начальник штаба батальона предложил контратаковать противника. Но Золотарев решил не бросать в контратаку курсантов, приказав встретить врага, опираясь на созданную круговую оборону. Дальнейшие события показали, что он принял верное решение.

Завязался тяжелый бой. В один из критических моментов Золотарев сам стал к прицелу. Курсант Коптеев начал подносить снаряды. Но подал снаряд не с той стороны — он не был обучен этому делу.

— Вот так давай! — крикнул ему капитан. — Быстрее! Пока стреляю, держи в руках следующий. Понял?

Но Коптеев не слышал его, он уже был мертв. Погибшего товарища заменил Довганюк. Вскоре один танк горел, другому удалось разбить соседнее орудие, но в этот момент он и сам оказался у Золотарева на перекрестии прицела.

За день батальон отразил пять атак. Оставив на поле боя четыре подбитых танка и десятки трупов, противник отошел. Немцам так и не удалось прорваться через боевые порядки курсантов. Выйти к шоссе на дороге гитлеровцы смогли в другом месте. Здесь же продолжали упорно держать оборону курсанты-пограничники, будущие командиры — боги войны, как образно называл офицеров Красной Армии Алексей Толстой. Это им и их сверстникам, всем нам Гитлер уготовил судьбу, о которой распинался перед подчиненными его подручный Гиммлер: «Для немецкого населения восточных областей не должно быть высших школ. Для него достаточно наличия четырехклассной народной школы. Целью обучения в этой народной школе должно быть только: простой счет, самое большее до пятисот, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным, послушным. Умение читать я считаю ненужным...»

Конечно, неведомы были тогда курсантам эти указания Гитлера, твердо знали они одно: ненавистный враг должен быть уничтожен.

Вечером возле сгоревшей деревни курсанты вырыли первую братскую могилу. Устлали ее еловым лапником. Погибшие лежали тесно, плечом к плечу, словно и после гибели продолжали оставаться в боевом строю. Перед тем как бросить прощальные комья земли, их накрыли плащ-палатками. Вечернюю тишину троекратно взорвал оружейный залп.

Клянемся, — вперед выступил полковой комиссар Петр Михайлович Горский, — клянемся, что будем помнить вас, дорогие товарищи, всю жизнь! Боевые друзья, цвет советских пограничников, отдавшие свою жизнь за город Ленина, мы будем помнить вас до последнего часа!

Больше речей не было. Они и не нужны были. Просто молча постояли у свежей могилы. Молча поклонились погибшим товарищам и молча разошлись.

Дорого обошелся этот день, 18 августа 1941 года, и фашистам.

... И опять я восстанавливаю по рассказам, картам и документам события, происходившие во 2-м батальоне.

Ночь после первого дня боев. Узенькая тропка вьется вдоль переднего края. Днем-то по ней и не всегда пройдешь — простреливается немцами. Лишь ночью, когда тучи сплошной пеленой затягивают небо, по тропинке тихо-тихо подокивают сапоги.

Командир батальона, взяв с собой двух курсантов, идет проверять пост боевого охранения 6-й роты. Стараясь остаться незамеченными, сошли с тропинки. Мягкий ковер травы заглушает шаги. Но как ни темна ночь, как ни стараются проверяющие, чуткое ухо часового уловило подозрительный шорох. Тихо, но властно звучит его голос:

— Стой! Пропуск?

Капитан Золотарев назвал пропуск и похвалил стоящего на посту Сергея Моисеенко. Молодец, службу знает.

Побывал командир батальона в ту ночь и в других подразделениях. Хотелось самому узнать, какое настроение у курсантов после первого дня боев, посмотреть, как ведутся оборонительные работы. Поинтересовался Золотарев, хорошо ли накормлены люди, какие

проблемы у медиков. Командирам рот велел усилить охранение, почаще проверять посты.

— Уснет на посту часовой — вечным сном уснет все подразделение. Так что бдительность — вопрос жизни!

Присматриваясь к курсантам, Золотарев замечал, что они устали, не высыпаются, некоторые ранены. Но видел и гордость в глазах ребят, радость, что сумели выдержать первое испытание. Выстояли. Капитану захотелось поговорить с людьми не официально, а просто, по душам. И вскоре завязалась непринужденная беседа. Слово за слово, и разговор перешел на темы, не связанные с войной: говорили о родных, о любви и о том, какой будет жизнь, когда покончат с проклятым Гитлером. Золотарев вернулся к себе довольный. Первый бой, первая победа, пусть маленькая, укрепила дух курсантов. Теперь он твердо знал: ребята не подведут. Они прошли через огонь, и этот огонь не расплавил, а закалил их души.

Сам комбат был спокоен, хотя и нелегко давалось ему это спокойствие. Но он привык сдерживать себя, контролировать свои поступки. И чем сложнее складывалась обстановка, тем увереннее выглядел капитан.

Золотарев был убежден, что паника начинается не с солдата, который закричал: “Окружают”, а с растерянного выражения лица командира. Тут и управление подразделениями нарушается и бдительность теряется. Каждый думает лишь о себе.

Золотареву, так же как и Шорину, приходилось принимать решения самостоятельно, брать всю ответственность на себя. Ведь, как правило, соседей справа и слева не было, связь с вышестоящими штабами нередко отсутствовала. Приказы часто опаздывали и поэтому не соответствовали обстановке. Тут от комбата требовались решительность, инициатива и твердость.

... На рассвете 19 августа под натиском превосходящих сил противника стрелковое подразделение, занимавшее оборону справа от позиций курсантов, начало отходить, оставляя фланг 2-го батальона открытым. Отход превратился в паническое бегство. Над золотаревцами нависла угроза окружения. Кто видел панику на войне, тот знает, что это такое. Страх овладевает людьми безраздельно, заглушая голос разума. Паника ширится, взбухает, наполняя все вокруг безысходным отчаянием.

... Бойцы бежали. Растерянность и ужас охватили людей. Они уже ничего не соображали, ни о чем не думали, кроме одного — убежать. Казалось, уже ничто не в состоянии было остановить отступающих. Но тут перед толпой пехотинцев, словно из-под земли, выросла ладная фигура капитана-пограничника. Это был Золотарев!

— Орлы, вы, случаем, не заблудились? — Он стоял перед ними во весь рост, насмешливо улыбаясь. Пистолет в кобуре. — Гуляете здесь и заслонили моим пограничникам сектор обстрела своими спинами.

Бойцы невольно приостановились, переглядываясь между собой. Их лица выражали явное смущение. Невозмутимый вид командира, его неожиданные слова настолько были противоположны их поведению, что он сразу подчинил эту толпу себе, овладел вниманием.

Кто-то взволнованно воскликнул:

— Какое, к черту, заблудились! Фашисты прут, не видишь?

— Вот-вот здесь покажутся, — угрюмо добавили из толпы.

— Прут, говоришь? — Золотарев повысил голос. — Где ваши командиры?

— Убитые они, — ответил сиплый голос.

— Убитые? Эх, вы ... Оставили погибших на поругание и побежали. А стыд, конечно, не роса — глаза не выест. Сейчас мертвых командиров бросили, потом, глядишь, и Родину! — Теперь голос его звенел.

— Мы не хотели, так получилось, — виновато заговорили в толпе.

— Ну, хорошо! Коль получилось бежать сюда, то получится и бег обратно, к фронту. Теперь слушать мою команду! Патроны, гранаты есть?

— Есть!

— Тогда — в цепь! За мной! — И, выхватив из рук рядом стоявшего бойца винтовку, Золотарев без оглядки устремился вперед. Пехотинцы побежали за ним. Быстрее, быстрее... Вот они обогнали капитана. В яростном порыве налетели на фашистов, сметая их оружейным огнем, забрасывая гранатами. Опрокинули, заставили бросить захваченные окопы. Линия обороны была восстановлена.

В тот же день, часом позже описываемых событий, 5, 6 и 7-я роты курсантов подверглись налету фашистской авиации. Черными роями понеслись вниз бомбы, и закачалась, пошла ходуном земля. Не успела отбомбиться авиация, как открыла огонь артиллерия

противника. На позиции батальона обрушились вражеские снаряды. Дым, пыль, грохот разрывов, крики раненых...

— Держаться, товарищи! — подбадривает людей батальонный комиссар. — Держаться!

Черного от дыма и копоти, Данилина сразу и не узнать.

В напряжении проходит еще несколько минут. И вдруг доносится: “Танки!”

Из воспоминаний бывшего лейтенанта Николая Юхимца:

“Вражеские машины появились примерно в километре от наших позиций. Зрелище такое, что на сердце сразу холодеет. Откровенно говоря, первая мысль была: это конец. Казалось, невозможно остановить эту железную лавину. Фашистские танки мы изучали только по схемам. И эти, настоящие, показались нам вдвое больше. На наших глазах черные громадины прошли через боевое охранение, выстрелами с ходу подожгли батальонный пункт боепитания. Снаряды начали рваться у нас за спиной. Казалось, земля смешалась с небом, дым застилал глаза. Не стало ни фронта, ни тыла”.

Курсанты вступили в неравную схватку с врагом. Из-за кустов по фашистам ударили прямой наводкой четыре 45-миллиметровых орудия. Несколько немецких танков были подожжены, остальные замерли. И тогда вперед двинулась вражеская пехота. Ее встретили пулеметы. Но немцы продолжали упорно лезть вперед. Пули и снаряды выкашивали фашистских солдат, но, переступая через свои трупы, не считаясь с потерями, они продолжали наступать. Немцы шли на прорыв.

Сама по себе атака была безрассудной. В ней не было и тени солдатской доблести. Что это было: массовое самоубийство? Скорее, хладнокровное убийство командирами своих накачанных шнапсом подчиненных. Отравленные алкоголем, солдаты ничего не соображали, и поэтому не оставалось в их движении ничего человеческого. Они шли вперед с упорством бездушной механической машины. И это было страшно.

... Пулеметчик Николай Гудименко сек фашистскую гущу, словно траву. Она ненадолго редела. Но вскоре серо-зеленые волны вновь смыкались и двигались дальше... И опять строчил пулемет... Но снова смыкались волны и катили, катили вперед...

И в какой-то момент Гудименко не выдержал. Сдали нервы. В ужасе схватился за голову и не помня себя побежал прочь, только бы не видеть этой серо-зеленой массы, поливающей перед собой свинцом.

К пулемету бросился лейтенант Юхимец и почти в упор принялся расстреливать фашистских солдат. Опомившись, Гудименко вернулся назад. Командир взвода не сказал ни слова, понимая состояние Николая, лишь молча уступил ему место у пулемета.

Жестокий бой продолжался, росли потери курсантов. Погиб и Николай Гудименко.

Довганюк ползком добрался до НП командира батальона, доложил: немцы обходят слева. Выйти из боя было невозможно. Да Золотарев и не думал об отходе. Он приказал загнуть фланги. Роты заняли круговую оборону.

Фашисты шли со всех сторон. Курсанты с трудом сдерживали пьяные цепи.

Наконец силы гитлеровцев иссякли. Солдаты залегли и, не обращая внимания на понукания офицеров, в атаку не шли. Наступил момент, который решает исход боя. Капитан Золотарев молниеносно уловил этот момент. Последовал приказ — усилить огонь. Гитлеровцы не выдержали, начали пятиться, отползать. Пытавшиеся помочь пехоте танки были встречены связками гранат и бутылками с горючей смесью. Вражеская атака захлебнулась.

Пленные немцы потом рассказывали, что им еще не доводилось встречать столь упорного сопротивления.

Нелегко пришлось и 8-й роте, оборонявшейся в отдалении у деревни Заполье.

В первых же схватках исключительную храбрость и боевое мастерство проявил командир роты старший лейтенант Пименов. Отличный спортсмен, герой волейбольной площадки, Пименов и в училище пользовался большим уважением. С восхищением наблюдали курсанты, с какой отточенной четкостью старший лейтенант выполняет приемы штыкового боя. А когда вступили в схватку с реальным противником, еще больше восхищались своим командиром, видя, как замертво падают фашистские вояки от его разящего удара. Пример командира помог не только стойко обороняться против численно превосходящих сил врага, но и ударить по нему.

Рядом с командиром 8-й роты всегда находился его связной Александр Якименко. Отчаянный парень, он не отставал от Пименова ни на шаг и вместе с ним бил фашистов, прикрывая командира собой.

Контратака роты была настолько стремительной и неожиданной, что фашисты, несмотря на превосходство в силах, бросились наутек. Многие побросали оружие. Ребята подобрали несколько автоматов, три ручных пулемета.

— Боятся, сволочи, рукопашной, — повеселели курсанты.

Но радоваться было рано. Немцы двинули танки. Правда, легкие. В здешних болотистых местах тяжелые лишались маневра. И все-таки это были танки. И они представляли серьезную опасность, тем более что артиллерия не могла поддержать 8-ю роту.

— Эх! Хотя бы несколько пушечек! — сокрушались курсанты.

— Отсежь пехоту от машин! — скомандовал Пименов.

Задрожал в руках политрука Смирнова пулемет. А танки идут, они уже рядом. Один из них ползет прямо на его окоп. Он потянулся, было, рукой к гранатам, но, опережая его, перед стальной коробкой выросла фигура курсанта Зиневича со связкой гранат. Бросок, взрыв. У танка отлетает гусеница.

Неподалеку, уткнувшись в землю, замерла еще одна подбитая кем-то машина. Полыхнула ярким костром третья. Эту записали на счет Козина. Остальные, отстреливаясь из башенных орудий и пулеметов, стали пятиться назад.

Радость победы была омрачена гибелью комроты Пименова. Его подстерег фашистский снайпер. Говорят, летящую пулю не отвести и не догнать. Но, пригнись старший лейтенант пониже, когда он обходил позиции курсантов, остался бы жив. И вот нет Устима Пименова. Каким запомнился он курсантам? Сильным, добрым, веселым. Казалось, никогда не сходит с его лица приветливая улыбка. Все любили Устима за мягкость характера, общительность и душевную щедрость. И вот нет любимого командира.

Командование ротой принял на себя молодой политрук Георгий Смирнов. И хотя он был ранен, но не вышел из боя и руководил им на своем фланге, одновременно действуя и как боец — пулеметом и гранатой. 8-я рота продолжала стойко держать оборону.

Отдельные группы немцев, застрявшие в наших тылах, пытались уйти обратно. Очень трудно было вести выборочный огонь по

противнику, не поражая своих. Исход боя решили стойкость и мужество пограничников. Враг не прошел.

Не сумев прорвать оборону на участке 2-го батальона, фашисты усилили натиск на соседа слева. Ценой больших потерь им удалось потеснить здесь советских бойцов и создать серьезную угрозу левому флангу батальона. После чего, стремясь развить успех, гитлеровцы возобновили атаки, ведя наступление и с фронта, и с фланга. Батальон держался с трудом. Лишь с приходом темноты наступило затишье. Наше командование понимало, что в создавшейся обстановке пограничникам будет очень сложно удержать занимаемые позиции, и отдало приказ под покровом ночи сменить их.

И хотя батальон отступал, курсанты чувствовали себя в эту ночь победителями. Они стойко оборонялись, нанесли противнику серьезный урон.

Под Ленинградом сосредоточивались большие силы, и столь необходимые для укрепления фронта двое суток курсанты выиграли в жестоком бою.

В том, что батальон выстоял, не дрогнул, конечно же была немалая заслуга его командира капитана Золотарева. Будучи сам человеком отчаянно храбрым, он относился к подчиненным бережно и оттого пользовался у них большим авторитетом и безусловным доверием. Другой отличительной чертой Золотарева было его умение мыслить творчески, не шаблонно.

Взять хотя бы такой пример. До войны уставы учили нас строить ячеичную оборону, то есть каждому солдату — отдельный окоп. Считалось, что так пехотинцы будут нести меньшие потери. Но в первом же бою Золотарев понял: от таких окопов мало проку. Одиночество вызывало у курсантов беспокойство. Они то и дело выглядывали: где их товарищи, не остались ли они одни? А если еще танки прут? И тогда комбат, хорошо понимавший психологическое состояние молодых бойцов, приказал копать траншеи. И они себя оправдали. Теперь каждый чувствовал себя гораздо уверенней. Стала более устойчивой и организованной оборона в целом.

Когда, получив приказ, батальон начал отступление, Золотарев остался с последней группой курсантов, осуществлявшей прикрытие отхода основных сил батальона. Он спрятал в кобуру пистолет и взял винтовку погибшего курсанта. Стрелял метко, не делая промахов.

К утру 20 августа золотаревцы заняли оборону на новом рубеже Дуйковицы, Шпаньково.

И снова батальон вгрызается в землю. Им, вчерашним курсантам, еще предстоит понять, что бесконечные физические усилия составляют главный смысл жизни людей на войне. Сейчас же, хотя все донельзя устало, работают не разгибая спины, понимая, что хорошая траншея — это солдатская крепость.

“Степень живучести каждого курсанта измеряется теперь только глубиной вырытых окопов и траншей” — кажется, это сказанное с долей шутки изречение начальника инженерной службы училища капитана Теренина запомнят курсанты на всю жизнь.

Лопаты, ломы и кирки долбят жесткий грунт... Если бы еще не фашистские снаряды! Проклятые фрицы молотят не переставая. Готовятся к очередному наступлению.

Оглохший от грохота взрывов, перепачканный глиной, политрук 5-й роты Андрей Ильич Лихварь, где ползком, где полусогнувшись, обходит траншеи. Стараясь перекрычать грохот взрывов, наставляет курсантов:

— Глубже зарываться, глубже! Надо во что бы то ни стало выстоять. Скоро подойдет подкрепление и двинемся дальше. До Восточной Пруссии рукой подать, а там и до Берлина недалеко.

Родом из украинского села, Лихварь в каждом деле был по-крестьянски основателен. Все делал не торопясь, с толком, с расстановкой.

Среднего роста, черты лица четкие, словно высечены из гранита. Выразительные карие глаза смотрят спокойно и строго.

Политрук всегда был с курсантами. Рыл вместе с ними окопы, спал, как и они, урывками. В бою отличался отчаянной храбростью. Ко всем прочим его достоинствам следовало отнести и то, что, несмотря на все тяготы фронтовой жизни, никогда не унывал, был бодр, подтянут и деятелен. Вот и сейчас успел провести накоротке совещание агитаторов. Рассказал о сложившейся обстановке, дал задание больше отличать умелых бойцов, следить за оказанием помощи раненым.

Заметил политрук и то, что курсанты устали от переходов, боев, тяжелой работы. Особенно сникли ребята в 1-м взводе. Как ни старался его командир лейтенант Петров встряхнуть подчиненных, поднять у них настроение, ничего не помогало. Они работали вяло, неохотно, отрешенно. Надо было помочь взводному.

— А во втором взводе дела идут намного лучше, — громко, чтобы слышали все, обратился Лихварь к лейтенанту. Тот понял политрука с полуслова.

— Не может быть! — с деланной недоверчивостью воскликнул он. — А ну-ка, Довганюк, сбегайте, посмотрите, что там у них.

Вернувшись, тот, едва переведя дыхание, доложил:

— Товарищ лейтенант, нас здорово перегнали... Поднажать бы...

И работа закипела. Они были давними соперниками 2-го взвода и уступать не собирались.

Планируя оборонительные бои, Золотарев требовал от командиров рот стойко, упорно обороняться, не позволять противнику продвигаться вперед, изматывать его и при каждом удобном случае — контратаковать. Вот почему Лихварь, заменивший раненого командира 5-й роты Усенко, решил на рассвете 20 августа провести контратаку, чтобы опередить гитлеровцев, сорвать их наступление.

В условленный час взвилась вверх ракета. Описала дугу в сторону вражеских позиций и, медленно опускаясь, погасла. Пора... Словно разжавшейся пружиной Лихваря выбросило на бруствер траншеи. Он выпрямился во весь рост и крикнул:

— Вперед! За Родину! За Сталина!

— Ура! — разноголосо подхватили курсанты и ринулись вслед за политруком.

Лихварь бежал впереди, строча из автомата, чувствуя горячее, прерывистое дыхание бегущих за ним курсантов.

До противника оставалось метров пятьдесят, не больше. “Если рвануть не задерживаясь, то на это уйдет несколько минут, — подумал Лихварь. — Ворваться в траншею, занять ее — самое верное дело”. — И тут же скомандовал:

— Гранаты к бою! Вперед!

Сейчас он думал только об одном — как можно быстрее добежать до противника, бросить гранаты, заставить замолчать его пулемет. И он рванул еще быстрее, уже совсем не заботясь о своей безопасности. Пора! Летит точно в цель граната. Вражеский пулемет смолк. И почти в то же мгновение почувствовал Лихварь жгучую боль: пуля попала в живот. Тогда он закрыл левой рукой рану и, шатаясь, пошел вперед, стреляя и стреляя из автомата, пока не упал бездыханный.

Встречной контратакой фашисты заставили курсантов снова отойти на свои позиции. Но в суматохе боя ребята не забыли о своем политруке. Раненый в ногу курсант Ажнязов под ураганным огнем противника перетащил тело погибшего в свежую воронку, быстро забросал его пахнувшей порохом землей. И лишь после этого, опираясь на винтовку, кинулся догонять своих.

Уже третьи сутки батальон капитана Золотарева продолжал держать изнурительную оборону. Все понимали, если бы не комбат...

По натуре человек общительный и жизнерадостный, в бою Золотарев отличался исключительной храбростью. Всегда рвался в самое пекло. Когда комиссар батальона Данилин попросил его излишне не рисковать, ответил: "Ты за меня не волнуйся. Смерти не боюсь, потому меня и пули обходят. А что до риска, на то и война, чтобы делить его со всеми". Дважды комбат подрывался на минах. В другой раз снаряд упал рядом, разорвался метрах в тридцати позади него, убив курсанта, капитана ранило в голову. Однако и после ранения не стал осторожничать. Сколько ни настаивал врач Иванов на медсанбате, сколько ни пугал Золотарева серьезными осложнениями — ничего не помогало. Комбат остался в строю. "А кто, — отвечал он Иванову, — командовать в такой заварухе будет? Может быть, вы, доктор, согласитесь? Ну так вот... Вы лучше голову мою какой-нибудь темной повязкой замаскируйте, а то превратили меня в белую ворону своими бинтами. Того и гляди снайпер на мушку возьмет".

Так и продолжал Золотарев воевать с осколком в голове. Вытаскивать его врачи опасались.

Но все эти подробности узнал я не от Золотарева. Повествуя о событиях августа 1941 года, Антон Афанасьевич не рассказывал мне о своих подвигах. А вспомнил, загрустив, вот какой эпизод.

Как-то ночью обходил комбат передовые охранения в сопровождении двух курсантов. Внезапно послышался свист шального снаряда. "Ложись!" — успел крикнуть Золотарев. И сам упал на землю. Один из курсантов бросился к нему и прикрыл своим телом. Грохнул взрыв, взметнулся вверх высокий черный столб, и вновь наступила тишина. "Товарищ капитан, вы живы? Не ранены?" — услышал Золотарев слабый голос лежавшего рядом курсанта. Поднявшись, увидел, что тот истекает кровью. Капитан достал индивидуальный пакет, быстро

перевязал рану, и вместе с другим курсантом они понесли раненого в медсанбат.

“Друг ты мой дорогой, как же это? Мои осколки принял!” — шептал Золотарев.

По дороге в медсанбат курсант скончался.

“Стыдно, но фамилии его не запомнил, — сокрушенно сказал Антон Афанасьевич, заканчивая свой печальный рассказ. — Обстоятельства сложились так, что не успел ничего разузнать о нем. Будь она проклята, эта война! Жизнь человека обязан, а не знаю, кого поминать...”

Да, если бы не Золотарев — не продержаться батальону третьи сутки, отражая бесконечные атаки превосходящих сил противника...

Особенно неблагоприятно сложилась обстановка на правом фланге 7-й роты. Противник обрушил на подразделение курсантов массированный удар танков и пехоты.

Машины шли зигзагами, меняя направление, чтобы сбить с толку наших артиллеристов. И тогда первым из окопа поднялся Борис Средняков. Не растерявшись, он заменил погибшего командира взвода лейтенанта Великанова. Взвод продолжал отбивать атаки врага. Взять на себя руководство подразделением, да еще под огнем, решится не каждый. Для этого нужна сила воли и мужество!

Фашистские танки продолжали приближаться. Вот один из них, как будто приметив Среднякова, развернулся и пошел прямо на него. Борис приготовил связку гранат и стал ждать. “Это мой”, — сказал он себе тихо.

А черная машина смерти уже совсем близко, так близко, что чувствуется ее горячее, смрадное дыхание. Пора! Борис со злостью метнул под гусеницы связку гранат. Раздался взрыв. Танк закрутился, дернулся. И тотчас же в моторную часть полетели бутылки с горючей смесью: это товарищи поддержали Бориса. Вражеская машина запылала. Второй танк связкой гранат подбил Василий Поддубный.

Увидев, как горят их танки, немецкие автоматчики почувствовали себя неуверенно, замешкались. Командир роты лейтенант Жариков решил, что настал удобный момент для контратаки. Он подал сигнал и бросился вперед, за ним — политрук Овчинников и вся рота.

О том, как действовал в этом бою капитан Теренин, я узнал из докладной записки начальника Политуправления войск НКВД СССР:

“Капитан Теренин (начальник инженерной службы училища) во время прохождения колонны фашистских танков, выскочив из окопа с командой подразделения “Вперед, на уничтожение фашистских гадов!”, повел курсантов на разгром танков. Под руководством капитана Теренина курсанты метали связки гранат, бросали бутылки с горючей смесью. Танки один за другим выводились из строя. Всего в этом бою было уничтожено семь танков и их экипажи”.

Отмечены в этом документе также курсанты Сиденков и Дудник. Из семи подбитых танков три отнесли на их счет.

Немцы затихли. Наступила небольшая передышка. Первым заметил пылающую легковую машину на поле боя Иван Довганюк и вместе с курсантами Семенцом и Средняковым побежал к ней. Пожилой немецкий офицер безуспешно пытался открыть исковерканную дверцу. Шофер и охрана были перебиты. Быстро вытащив фашиста и прихватив большой черный портфель, ребята поспешили обратно. Сквозь треск автоматных очередей до них донеслись крики: “Генерал! Генерал!” И они поняли: в их руках важная птица.

Стараясь не попасть в своего, гитлеровцы стреляли не очень уверенно. Но когда генерала в серой замшевой куртке доставили на командный пункт батальона, он был мертв: все-таки попали. Золотарев и комиссар батальона вначале очень огорчились потере такого ценного “языка”, однако ознакомление с картами и другими захваченными документами показало, что и без него можно обойтись.

К концу дня 20 августа на соседних участках нашей обороны противник продвинулся далеко вперед. Чтобы не попасть в окружение, 2-й батальон получил приказ отступить и к 7 часам утра закрепиться на новом рубеже, проходящем северо-восточнее и восточнее деревни Большие Борницы, перекрыв шоссейную и железную дороги. Эти пути связывали Кингисепп с Красногвардейском, открывали дорогу на Ленинград.

Батальон начал отход на новый рубеж. И хотя курсанты до конца выполнили поставленную задачу, горько было осознавать, что они

опять отступают. Нет на войне для бойца ничего тяжелее и трагичнее, чем услышать скорбное с тяжким придыханием: "Отходим!" И прежде чем встать из окопа, помедлит боец, виновато оглянется вокруг, как бы нечаянно прикоснется задубленным лицом к земле, на которой лежал, защищаясь ее могучей твердостью. Как же оставить тебя, земля, политая кровью людской, отдать врагу? Поднимется боец и, угрюмо опустив голову, медленно пойдет прочь, сутулясь не от тяжести винтовки и вещевого мешка, а от тяжких, невеселых дум.

Еще несколько часов назад никто во 2-м батальоне и не помышлял об отступлении. Курсанты дрались отчаянно. Казалось, продержись они еще немного, и подоспеет помощь, которую обещали прислать. И тогда наверняка можно будет зайти фашистам в тыл со стороны заболоченной низины, совместными усилиями смять противника и если не уничтожить его начисто, то, по крайней мере, нанести ощутимый урон, заставить присмиреть на этом участке.

Так думал капитан Золотарев, находясь на наблюдательном пункте, откуда хорошо было видно поле боя. Он уже начал обдумывать замысел ответного удара, но вскоре с горечью понял, что ничего не получится: обещанные подразделения ополченцев так и не подошли, а силами одного батальона такую дерзкую контратаку было не осуществить.

...И вот уже больше двух часов шагает колонна. Неизвестность гнетет людей больше, чем сама опасность. За недолгое время, пока вели бои, многие уже притерпелись к постоянному соседству смерти, и теперь не ощущение страха, не боязнь за свою жизнь, а вот эта неизвестность — что случится дальше и долго ли придется отступать — мучает каждого.

В мерклом свете лунной ночи видно, как то и дело взлетают в воздух ракеты, долго мерцая снеговатыми бликами. Не успеет погаснуть одна, как тут же летит другая, шипя и брызгая искрами. Ракеты взлетали в ночное небо с поразительной методичностью, словно по секундомеру.

— И как только не надоест фашистам пустяками заниматься? — не выдерживает курсант Иван Евстафьев.

— Почему пустяками? — вступает в разговор Сергей Моисеенко.

— Ну как же... Ракетницей вон забавляются. Как мальчишки!

— Видно, не от хорошей жизни. Это же они со страху.

— С какого такого страху? — удивляется Евстафьев. — Не пойму.

Гитлеровцы начали войну, прут на всех колесах и чего-то все же боятся?..

Комиссар батальона Данилин, шагавший рядом с курсантами, объяснил: фашист, хоть и нахально лезет, а все равно боится — земля-то для него чужая, небось из-за каждого куста ждет выстрела, всюду мерещится ему пуля.

Вернулась высланная Золотаревым разведка.

— Товарищ капитан! В Борницах — немцы, — доложил лейтенант Волошко.

— Как? Откуда взялись? — удивился комбат, зная, что батальону поставлена задача занять новый рубеж обороны возле Больших Борниц.

— Полчаса тому назад выброшен десант.

— Товарищ Волошко, вы точно проверили?

— Точнее некуда, — грустно ответил лейтенант. — Одного курсанта потерял. Самого чуть не ухлопали.

...Уничтожить немцев было приказано 7-й роте. Десантники были сброшены небольшой группой с целью создать панику в тылу отступающих. Автоматчики с засученными рукавами носились по деревне и палили во все стороны, создавая много шума. Действительно, вначале показалось, что их, по меньшей мере, человек сто. Но командир 7-й роты лейтенант Жариков спокойно разобрался в обстановке. И вскоре прицельным огнем парашютисты были уничтожены.

Прибыв рано утром в новый район обороны, золотаревцы обнаружили сделанные на совесть траншеи, окопы, дзоты. Хорошо поработали ленинградцы. Оставалось лишь расчистить траншеи, убрать мусор и занять оборону. На этот раз выдалось время для отдыха. Немцы “развлекали”, сбрасывали с самолета листовки. Много листовок — бумаги не жалели. В них фашисты нагло утверждали, что Москва ими уже занята, а Сталин вместе с правительством удрал в Сибирь. Вывод — сдавайтесь. Такая листовка и служила своеобразным пропуском для сдачи в плен.

К сожалению, лишь мерзкая ложь фашистских листовок была единственной внешней информацией, которая поступала в этот критический момент в батальон. Но страха не было. Была только жгучая ненависть к фашистам. Да порой охватывала душу тоска:

если погибнешь здесь, ни родные, ни товарищи не узнают, где ты сложил свою голову. Им останется только верить, что честными были твои последние минуты.

И все-таки ни танковые клинья фашистов, ни беспардонное вранье Геббельса не могли сломить дух советского солдата в тяжелом сорок первом.

Несмотря на захват немцами большой территории в начальный период войны, им не удалось уничтожить советские войска в первых же боях и тем самым обеспечить беспрепятственное продвижение в глубь страны. В ходе упорных оборонительных сражений в приграничных районах наша армия нанесла врагу значительный урон в живой силе и технике.

По данным немецкого генерального штаба, к середине июля немцы потеряли более 100 тысяч солдат и офицеров, почти половину первоначального состава танков, а их авиация к 19 июля лишилась около 1280 самолетов. В середине июля уже вводились в сражение наши стратегические резервы. Противодействие противнику со стороны Красной Армии возрастало. Наметилась тенденция к затяжной войне, неожиданная для фашистского руководства, планировавшего завершить войну за несколько месяцев.

В день двадцатипятилетия Победы в своем выступлении Георгий Константинович Жуков так сказал о первых днях войны:

“Долго обходили это время молчанием. Начинали повествование только с контрнаступления под Москвой. А между тем все было решено уже в первые месяцы”.

Войну, как известно, развязывают политики, а ведут солдаты. И побеждает та армия, воины которой обладают более высоким моральным духом. Без веры в победу, без идеи, без любви к своей Родине солдат — не солдат. Курсанты-пограничники были истинными защитниками своего Отечества. Они оставались ими и в самые тяжелейшие дни отступления.

Солнце поднималось все выше. Понимая, что в этот день батальону предстоят тяжелые бои — обстановка была критической, — комиссар батальона Данилин, посоветовавшись с командиром, решил провести собрание партийного актива. На нем присутствовал только что прибывший председатель Ленинградского облисполкома, член Военного совета фронта генерал Соловьев.

Собрание было деловым. Короткие выступления больше походили на клятвы.

Взволнованный услышанным, Соловьев искренне поблагодарил курсантов за стойкость и мужество:

— Спасибо! Ваш пример воодушевляет всех ленинградцев!

Приказ батальону, который передал Соловьев, был короток: любой ценой остановить продвижение противника по дороге на Красногвардейск. Генерал рассказал о сложившейся на Ленинградском фронте обстановке, о том, что фашисты все ближе подходят к городу.

— Надо убедить бойцов и командиров, — говорил Соловьев, — что дальше отступление невозможно, что задача выполнима и недалек день, когда Красная Армия погонит фашистов на запад. А главное, товарищи, спокойствие, твердая рука и надежные окопы. И тогда нас не столкнут с места.

— А чего нам беспокоиться, товарищ член Военного совета? — поднялся Довганюк. — Мы дома, на своей земле. Это фашисты пусть за свои шкуры дрожат. Мы понимаем: нас ждет беспощадный бой — не на жизнь, а на смерть. И мы победим. Это слово всех нас, курсантов.

Началось обсуждение предстоящего боя. Выступил начальник политотдела училища полковой комиссар Горский.

— Идет большое сражение с применением танков и артиллерии, — начал он. — Но в нем остается место и штыку. — Он ходил в атаку вместе с курсантами и говорил об этом со знанием дела. — Нужно экономить патроны и гранаты, расходовать их только по видимым целям.

Горский предложил сократить дневной паек наполовину, посоветовал больше внимания уделять ведению ближнего боя.

К полковому комиссару обратился военврач Иванов:

— Нужен табак. Тыловики не понимают, как это важно. Раненые требуют: “Доктор, режь, но сначала дай покурить”.

Горский тут же отдал коробку “Казбека”. За ним и остальные командиры начали доставать из карманов мятые неполные пачки “Беломора”. Других запасов не было. Сегодня такой поступок кажется несущественным, малозначительным, а тогда ... Впрочем, до конца понять его значение, наверное, может только курящий фронтовик.

Партийные активисты пошли в траншеи, чтобы разъяснить людям обстановку и причины, вынудившие прибегнуть к экономии боепри-

пасов и питания. Некоторые преподаватели предлагали не очень распространяться перед курсантами насчет тяжелого положения батальона, полагая, что это вызовет у них неуверенность.

Узнав об этом, Горский рассердился:

— Ложное мнение! Людям всегда нужна правда. Ложь еще никого не сделала смелым. Солдаты не боятся трудностей, если верят, что их командир знает, как их преодолеть! Сознание правды придает сил.

Петр Михайлович говорил твердо, убежденно, с полным сознанием своей правоты. Ему трудно было возразить.

Запомним этот августовский день сорок первого года.

Знать, поистине опасной была обстановка на этом участке фронта, если в курсантский 2-й батальон, небольшую тактическую единицу, прибыл председатель Ленинградского облисполкома, член Военного совета фронта генерал Соловьев, а в 1-й батальон — секретарь обкома партии, член Военного совета генерал Кузнецов. Значит, слишком большая опасность нависла над Ленинградом, если командующий фронтом маршал Ворошилов лично ставит боевую задачу и лично ведет в атаку морскую бригаду. В эти минуты всех, от рядового до командующего фронтом, беспокоила судьба Ленинграда. И все их мысли, вся энергия, все силы были направлены на одно — не сдать врагу город.

...В 14 часов 21 августа немцы начали наступление. Сначала в небе появились вражеские бомбардировщики. С оглушительным воем они летели на позиции подразделений. Бомбы ложились сериями, вспухая внизу черно-желтыми облаками.

Вслед за воздушным ударом последовал артиллерийский обстрел. С угрожающим гулом низвергались мины, оглушительно рвались тяжелые снаряды, монотонно свистели в воздухе осколки. К счастью, артобстрел не причинил батальону особого вреда. Видно, фашисты не очень точно представляли себе начертание переднего края.

К вечеру атаки противника усилились. Поддержанные с воздуха, танки и пехота фашистов обошли батальон с флангов и вскоре замкнули кольцо окружения.

Почувствовав свое превосходство, немцы в открытую пошли на поредевшие цепи курсантов. Но те не отступали, поклявшись во что бы то ни стало продержаться до прихода своих частей.

Золотарев хорошо понимал: позиция, которую они удерживают, для немцев словно кость в горле. И они сделают все, чтобы уничтожить батальон и продвинуться вперед, ближе к Ленинграду.

— Экономить боеприпасы, — снова напомнил комбат.

А гитлеровцы наседали. Казалось, еще чуть-чуть и они ворвутся в окопы. Оставалась последняя надежда — оружие ближнего боя — гранаты! Золотарев отдает команду. В гуще набегающих фашистов раздаются взрывы. Едкий дым заволакивает позицию.

Схватка была горячей. И вскоре, встретив дружный отпор курсантов, немцы, оставляя убитых, откатились назад.

И тут последовала обжигающая душу команда Золотарева:

— Приготовиться к контратаке!

По цепи от курсанта к курсанту пошло: “Приготовиться к контратаке!” И у каждого замерло и еще сильнее забилося сердце. Золотарев понимал, как трудно будет курсантам подняться, но понимал и то, что бездействие, пассивное ожидание еще тяжелее. И еще хорошо понимал комбат, что нельзя давать противнику передышки, возможности перегруппироваться, набраться сил. Да, трудно, очень трудно командиру, отдающему приказ на контратаку. Нужно мгновенно все просчитать, все взвесить. Золотарев принял решение — контратака!

Ротам поставлены задачи, особенно сложная — шестой: осуществить обход с фланга. Во главе роты — старший лейтенант Останний, отличный командир, напористый, смелый, способный быстро и правильно оценить обстановку, принять верное решение. Золотарев уверен — он не подведет.

С 7-й ротой в атаку шел начальник политотдела полковой комиссар Горский. Курсанты помнили его слова, сказанные перед боем:

— Смелее, товарищи! Вместе с нами в цепях моряков-балтийцев в бой идет товарищ Ворошилов!

Соседом по обороне 2-го батальона действительно была морская бригада. Ворошилов, приехав на передний край, сам повел моряков в атаку. Эта весть мгновенно облетела наш участок фронта, подняла боевой дух защитников Ленинграда. Маршал на поле боя! Лично во главе атакующих! Многие в эту минуту вспомнили, наверное, слова песни: “... И первый маршал в бой нас поведет”.

А все-таки — нужно ли было командующему фронтом, маршалу, идти с винтовкой в руках в атаку? Была ли в этом необходимость? Трудно сейчас ответить на этот спорный вопрос. Знаю одно — нас, курсантов-пограничников, стоящих насмерть у стен Ленинграда, присутствие на поле боя в этот тяжелый августовский день легендарного командарма очень воодушевило.

Воодушевило оно и моряков. Сменив каски на бескозырки, в одних тельняшках, они бросались в штыковую, приводя в ужас фашистов.

После боя Ворошилов похвалил моряков за мужество, но приказал бескозырки отобрать и впредь быть в касках.

Контратака курсантского батальона усиливалась. В первых цепях шли преподаватели училища старшие политруки Васильев и Самохвалов, капитаны Теренин, Ступеньков, Старушенко, Матышев, редактор газеты училища политрук Свистунов, начальник связи лейтенант Воложко. Никто не остался в штабе в этот решающий час.

...Приближалась ночь, но в лесу, где с новой силой разгорался жестокий бой, было светло как днем. Рота лейтенанта Останнего шла цепью вперед. В ее рядах — и старший политрук Васильев. Вдруг он пошатнулся, стал медленно оседать — пуля пробила левую ногу выше колена. Курсанты подхватили раненого, уложили в ближайшую воронку, перевязали. Но Васильев решил, что сейчас не время вылеживаться. С трудом выбравшись из воронки, тяжело прихрамывая, он, стараясь не обращать внимания на нестерпимую боль, бросился догонять атакующих. Вот он уже в цепи курсантов. До позиций противника осталось метров двести. И тут навстречу хлестнуло огнем. Равномерное движение нарушилось. Васильев поднял над головой автомат.

— За мной! Вперед!

И вновь ожили курсантские цепи.

Вражеская пуля сразила старшего политрука, когда он был в нескольких шагах от позиций врага.

Позднее военврач 2-го батальона Иванов вспоминал: “Можно было только удивляться мужеству этого человека. Первое тяжелейшее ранение получил в финской кампании. Оказался задет позвоночник. “Жить, возможно, будешь, — сказали врачи. — Воевать — никогда!” — “Посмотрим!” — ответил Васильев. Выжил! И опять в бой, теперь уже с немцами. Ранен был второй раз — отправили в медсанбат. И вдруг узнаю: Васильев сбежал... на поле боя. Продолжать лечение наотрез отказался...”

— Вот такая судьба... такой человек..., — добавила военфельдшер Зеленина.

Неравный бой продолжался... Каждый, кто когда-либо выходил из окружения, знает, что это такое, когда одни пытаются таранным ударом вырваться из кольца, а другие изо всех сил не дают этому кольцу разомкнуться.

Из воспоминаний бывшего курсанта Михаила Гавырина:

“Нас осталось уже совсем немного. Большинство моих товарищей погибли смертью героев. Никогда не забуду своего друга курсанта Ивана Демченко. Он потерял левую руку, правой бросал гранаты, зубами выдергивая чеку. Погиб под танком”.

С флангов неожиданно ударили вражеские пулеметы, начали рваться мины. Фашисты вели прицельный перекрестный огонь, и рота вынуждена была залечь. Немцы, полагая, что пограничники подавлены и не способны к сопротивлению, поднялись в контратаку.

Тут-то и резанули по ним ручные пулеметы, застучали прицельные винтовочные выстрелы. Гитлеровцы вынуждены были отступить. Но ненадолго. Контратака немецких автоматчиков повторилась. И снова им пришлось отступить. Еще раз атакуют немцы... еще...

Взбешенные неудачами, фашисты начали вымещать злобу на тяжелораненых, в бессознательном состоянии попавших к ним в плен. Своими глазами видели бойцы боевого охранения, как враги привязали свою жертву за ноги к одному танку, а за руки к другому и машины тронулись... Так лютой смертью погиб курсант Николай Скородумов. Весть о зверской расправе фашистов облетела все подразделения. Потрясенные курсанты поклялись отомстить за гибель товарища.

Из воспоминаний бывшего курсанта Бориса Среднякова:

“Воевали мы отчаянно! Сражаться так, как сражались мои товарищи в окружении, способны были только люди, беспредельно преданные Родине. Мы мстили за Николая Скородумова, за других погибших товарищей”.

Прорвать окружение удалось только 7-й и 5-й ротам и саперному подразделению. Они заняли оборону, оседлав дорогу, ведущую на Гатчину. Золотаревцы взорвали и сожгли шесть средних танков противника, убили семь офицеров, захватили два пулемета, много автоматов, винтовок, пистолетов, гранат и патронов.

К сожалению, находившиеся на флангах 6-я и 8-я роты не сумели вырваться из окружения и были отрезаны от своих. Установить с ними связь не удалось.

Утром следующего дня гитлеровцы вновь вызвали авиацию. В батальоне кончались боеприпасы и продовольствие. А враг продолжал сжимать кольцо окружения. И тут курсанты еще раз убедились в неординарности мышления своего командира.

Золотарев все рассчитал точно. Риск был минимальным. Дело в том, что фашисты отличались пунктуальностью, атаковали шаблонно, не утруждая себя разнообразием приемов и способов. Атаке всегда предшествовали удары авиации и артиллерии.

Этой особенностью завязки боя и решил воспользоваться комбат. Заслышав гул самолетов, идущих на бомбежку, он на глазах у фашистов броском отвел курсантов с занимаемых позиций. Немецкая пехота обрадовалась, решив, что это отступление, и устремилась за подразделениями батальона. И тут последовал налет фашистской авиации.

“Юнкерсы” сделали круг над траншеями. Ведущий вошел в крутое пикирование и сбросил бомбы. За ним ринулись остальные. Тактика нанесения удара у фашистских летчиков была проста: цель, выбранную ведущим, поражают все. Визжа и воя, “юнкерсы” входили в пикирование в одной точке. И с неба сыпались и сыпались бомбы на головы... своих же солдат.

Первый заход, второй, третий... Вместе с бомбами фашисты сбрасывали пустые бочки, ведра, шпалы, тазы. Все это усиливало грохот и, по замыслу немцев, должно было оказывать психическое воздействие на русских.

Курсанты оставались вне досягаемости бомб. И весь этот спектакль с шумовым оформлением их очень развеселил. Они смеялись, хлопали друг друга по спине и порой отпускали в адрес врага крепкие словечки и выражения.

На немцев, занявших курсантские траншеи, эта бомбежка собственными самолетами оказала сильное воздействие, и не только психическое. Понесла большие потери, фашистская пехота вернулась на исходные позиции. Курсанты же вновь заняли оставленные траншеи.

Однако положение 2-го батальона продолжало ухудшаться. Исключительно неблагоприятным оно стало, когда оказалась

прорванной оборона соседа слева и противник получил возможность для выхода во фланг и тыл 5-й роте... Перефразируя поэта, — смешались в кучу танки, люди... В одном месте прорвались танки противника, в другом просочились автоматчики. Не было единой линии фронта. Схватки завязывались то тут, то там, переходили в рукопашную. В сплошном дыму и грохоте взрывов трудно было отличить утро от вечера, день от ночи. Казалось, что огромное количество оружия, изрыгавшего огонь со всех сторон, искорежило само время. И теперь измерялось оно не сутками, часами и минутами. Теперь единицей его измерения стал бой.

Обстановка по всему Ленинградскому фронту ухудшалась с каждым днем. Фашисты заняли станцию Чудово и перерезали Октябрьскую железную дорогу, связывающую Москву с Ленинградом. 16-я гитлеровская армия получила возможность наступать на Ленинград с юго-востока. Дивизии 18-й армии и 4-й танковой группы противника настойчиво рвались к городу с юго-запада и юга. Он оказался в огромном полукольце, фланги которого упирались в Копорский залив и Чудово. Над Ленинградом нависла непосредственная угроза вторжения вражеских войск.

В последнюю декаду августа сорок первого года под Ленинградом стояла редкая для этих мест жара. Над шоссейными и проселочными дорогами клубились тучи серой пыли. На фронт шло пополнение: танки, артиллерия, маршевые роты. А к Ленинграду тянулись толпы беженцев. В безоблачном небе хозяйничала фашистская авиация. Немецкие летчики ради развлечения гонялись на бреющем полете за одиночками, расстреливая их из пулеметов. По ночам далеко окрест видны были мрачные сполохи пожаров — горели села, города, огонь уничтожал несжатые хлеба. Фронт неумолимо приближался к Ленинграду.

... Немцы в очередной раз забросали курсантов листовками.

“Иваны, переходите к нам! Шнапс будет, сало дадим, бабы есть”, — соблазняли гитлеровцы.

Брезгливо вертя в руке фашистский листок, Сергей Моисеенко подошел к группе курсантов.

— Слушай, Ваня, — обратился он к Ивану Пугачеву, — чего это фашисты тебя в гости зовут?

— Русский маг хотят изучить, — нашелся Пугачев и тут же продемонстрировал знание всех его этажей. Потом заключил: — И все из-за моего имени — Иван. Иванушка, как правило, во всех сказках дурачок.

— Так то ж в сказках, — шутливо утешал друга Сергей. — К тому же он потом даже очень умным оказывается. А ты вдвойне умен, потому как двойной Иван — Иван Иванович. — И, переждав дружный смех товарищей, уже серьезно добавил: — Подожди, Ваня, скоро немцы бояться будут твоего имени!

23 августа. Все та же изнуряющая жара. Беспощадное солнце над головой. Перед позициями 2-го батальона стоит густая непроницаемая дымовая завеса, заволакивающая всю местность. Верный признак того, что враги готовятся к новому наступлению. Золотарев выдвинул свой командный пункт ближе к переднему краю и теперь напряженно вслушивался, улавливая далекое эхо артиллерийских выстрелов. Через несколько секунд на позициях батальона начали рваться снаряды и мины. Золотарев взглянул на часы — 14.00.

“Приготовиться к бою!” — передал комбат в роты сигнал.

Глаза забивало поднятым в воздух песком. Мелкие осколки сыпались свинцовым дождем, секли все живое. Казалось, никому уже не подняться с земли. Но сумел, не понятно как, пробраться через сплошную завесу огня в окруженную 8-ю роту полковой комиссар Горский. Он видел, что она находится на самом опасном участке, и решил, что его место там.

Представление о предназначении комиссара у Петра Михайловича Горского было такое: быть с людьми, и прежде всего с теми, кто оказался в самом трудном положении. Именно они, считал Горский, больше всего нуждаются в его слове, а еще больше — в личном примере. Вот почему не было ни одной атаки 2-го батальона, в которой полковой комиссар не принимал бы личного участия. Обвешанный гранатами, с винтовкой наперевес, он шел вместе с курсантами, подбадривая оробевших. Действовал в бою умело и бесстрашно. И в обыденной обстановке думал и заботился Петр Михайлович о подчиненных.

Из воспоминаний бывшего курсанта Ивана Довганюка:

“Обронил я письмо. Дело было вечером. Шарил-шарил по траве в темноте — не могу найти. И так стало обидно, что аж сердце защемило. Письмо-то из дому было, а вот прочитать не успел. Вдруг слышу:

— Что потерял?

— Письмо! — отвечаю.

Это был Петр Михайлович. Подошел ко мне, осветил траву фонариком, нагнулся и тоже стал искать. И нашел ведь! Вот, говорит, бери да не теряй больше. Я обрадовался, схватил письмо и даже не заметил, как полковой комиссар ушел”.

Пройдя первую мировую, закалившись в огне гражданской, Горский подходил к войне творчески. “Уж раз приходится воевать, — говаривал он, — то надо, по крайней мере, этому учиться. Война — не драка на кулаках и не только соревнование в технике — чья убойнее. Она еще и состязание умов”.

Присмотревшись к немецкой гранате с длинной рукояткой, Петр Михайлович обнаружил, что при всем удобстве этой рукоятки, позволявшей забрасывать снаряд гораздо дальше, именно ее длина и является существенным недостатком гранаты, так как время горения запала у нее примерно на две секунды больше, чем у нашей. Поэтому после падения на землю она взрывалась не сразу.

Сделав такое открытие, Горский понял, что, обладая некоторой ловкостью и быстротой реакции, можно смело возвращать фашистские “подарки” обратно. В бою попробовал. Получилось. Тогда поделился своими соображениями с курсантами и показал, как это делается. Потренировавшись, курсанты довольно быстро научились “отпасовке” и стали часто применять ее. Граната с длинной рукояткой превращалась в бою в своеобразный бумеранг, возвращавшийся к немцам. И при тогдашней нашей нехватке боеприпасов это было очень кстати.

... Горского любили. И когда он появился в окруженной роте, ему очень обрадовались. Он рассказал о состоявшемся в Смольном партизанском комитете, об обращении Военного совета фронта к защитникам города. Затем обошел всех раненых, находившихся в воронках и траншеях.

— Товарищи! От вашей роты осталась горстка людей. Но удержать занимаемый рубеж надо во что бы то ни стало. Я обращаюсь

ко всем, кто может держать в руках оружие: поддержите своих товарищей. Иного выхода нет.

— А что, снова полезут? — раздался ломкий мальчишеский голос.

— Полезут. Фашисты понимают: если сомнут нас, то выйдут на прямую дорогу к Ленинграду. Так что прошу вас еще немного продержаться, товарищи!

Первым поднялся политрук 8-й роты Смирнов. Вся голова в бинтах, оставлены лишь щелочки для глаз. Правая рука на перевязи. Винтовку держал в левой. За ним подошли еще несколько раненых.

Немцы все гвоздили и гвоздили. Казалось, никогда не кончится завывание мин, грохот взрывов. И вдруг все смолкло. И в этой тишине, заволакивая все кругом, поползла вверх темная завеса дыма. “Под ее прикрытием, — догадался комиссар, — немцы пойдут в атаку”. Он подал сигнал приготовиться. Прошло несколько минут, и в сплошном сизом тумане послышался глухой топот множества ног. Фашистов подпустили поближе и внезапно открыли огонь. Стремясь посеять панику в рядах курсантов, гитлеровцы пустили в ход разрывные пули, но атака захлебнулась — немцам пришлось отойти. И тогда на позиции 8-й роты двинулись танки.

Фашистским машинам удалось с ходу преодолеть первую трайшею. Своими глазами курсанты видели, как гусеницами вражеского танка был раздавлен пулеметный расчет. Все произошло в считанные секунды. Глаза Горского загорелись гневом.

— Смотрите, товарищи, смотрите! Если мы не уничтожим их, они и по нас проедутся! Смерть фашистам! Огонь!

И бой закипел с новой силой. Уже ярким костром пылают два фашистских танка. Но вот еще одна стальная коробка, устрашающе рыча, рванула вперед. Танк шел прямо на окоп комиссара. Не на того напал! Размахнувшись, Горский бросает бутылку с горючей смесью. Ему помог курсант Дмитрий Зиневич, метнувший связку гранат. Охваченный пламенем танк замер.

Бой продолжался. В траншеях и окопах шла рукопашная. И полковой комиссар Горский дрался наравне с курсантами...

Из записок командира батальона капитана Золотарева:

“Был один волевой настрой, одна мысль — выстоять. Большие Борницы несколько раз переходили из рук в руки. До сих пор не перестаю удивляться силе духа

курсантов-пограничников. Приходилось подпускать немецкие танки на десять — пятнадцать метров. Случалось, они начинали утюжить наши окопы, а курсант прижмется к земле и ждет удобного момента, чтобы бросить связку гранат или бутылку с горючей смесью. Таяли ряды отважных пограничников. Спасти могло лишь одно — стремительный бросок вперед. Но как поднять голову от пахнущей пороховым дымом земли, если над ней гуляет огненный смерч?”

Из воспоминаний бывшего курсанта Павла Щербакова:

“... Боеспособных бойцов все меньше и меньше. А на подкрепления и пополнение оружием рассчитывать не приходится. В резерве — только солдатское мужество.

Мы задыхались от запаха пороха, горелого человеческого мяса, раскаленного металла и золы, глохли от воя пикирующих “юнкеров”, свиста бомб, уханья снарядов, визга осколков, скрежета разрывов, гудения танков, лязга гусениц и крика фашистов.

Во рту песок, в глазах песок, ничего не видно даже вблизи. В короткие минуты затишья из немецких репродукторов доносилось: “Курсанты! Сдавайтесь! Вы окружены! Мы пощадим вас, дадим водку!”

Мы продолжали обороняться...”

Шли шестые сутки неравной схватки золотаревцев с превосходящими силами противника. Все туже сжималась петля окружения. Было много раненых, иссякли патроны и гранаты, кончились бутылки с горючей смесью, не поступало продовольствия.

Из записок командира батальона капитана Золотарева:

“23 августа. Все роты окружены. Борьба идет в радиусе 400 — 500 метров. Опорные пункты, занимаемые ротами, простреливаются со всех сторон. Фашисты бьют из ротных минометов. Артиллерию и авиацию перестали применять — боятся поразить своих. Ожидаем новой атаки...”

Окружив курсантские роты, гитлеровское командование рассчитывало на быструю ликвидацию узлов сопротивления. Теоретически расчет был верен. Однако в своей “формуле победы”

фашисты не учли один очень существенный коэффициент — мужество советских курсантов-пограничников, стоявших насмерть и продолжавших сражаться до последнего мгновения.

И в этот день немцам так и не удалось окончательно разгромить истерзанный жестокими боями, истекающий кровью батальон Золотарева. Однако дальше обороняться уже было нечем. Как же тяжело было на душе у комбата! Никогда не было и не будет ему так тяжело!

В конце дня поступил приказ на отход и Золотарев через связанных распорядился выходить из окружения мелкими группами.

Измученные, голодные, без боеприпасов и продовольствия, забрав тяжелораненых, золотаревцы покидали свой последний рубеж обороны. Шли мимо пылающих домов Больших Борниц, не находя в себе сил прямо посмотреть в глаза жителям, потому что в их глазах читали немой скорбный вопрос: “Неужели уходите?”

Шли лесами и болотами, минуя забытые немцами дороги. Пробирались небольшими группами к Ленинграду.

По-разному сложатся судьбы оставшихся в живых золотаревцев. Кто-то погибнет в последующих боях, кому-то посчастливится встретить День Победы. Сейчас же, когда пробирались они лесными тропами к Ленинграду, падая от усталости, с потемневшими от голода, а некоторые с бледными от потери крови лицами, им не в чем было упрекнуть себя. Они не трусили, не дрогнули. Сделали все, что было возможно в человеческих силах, и даже больше.

Из докладной записки начальника Политуправления войск НКВД СССР:

“Курсанты Ново-Петергофского училища в течение шести дней удерживали важный рубеж обороны на подступах к Гатчине. Неоднократно без поддержки артиллерии, танков и авиации, неся тяжелые потери, бросались в атаку...”

“БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО!”

Мы любили ходить в разведку со Степановым, даже гордились, когда командир взвода брал кого-нибудь из нас с собой в тыл врага. Энергичный, чуточку щеголеватый, он внешне чем-то был похож на майора Шорина и, так же как тот, держал себя скромно, но с достоинством. В те дни никто уже не помнил о его прежних отношениях с курсантами, которые хорошими не назовешь.

В училище Степанова все считали службистом, для которого курсант не человек, а бездумный исполнитель. Да он, пожалуй, и сам так думал: дескать, мое дело отдавать приказания, а ваше — их выполнять. И никаких рассуждений. А всякое там понимание души подчиненного — пустая сентиментальность. Так полагал лейтенант Степанов, и разуверить его в этом было нелегко.

Майор Шорин много раз беседовал с молодым командиром, указывал на ошибки, давал дельные советы, но тот только обижался, считая, что к нему придираются. Одно время даже стал подумывать об уходе во 2-й батальон и честно сказал об этом Шорину.

Комбат выслушал, не перебивая, грустно усмехнулся:

— Перемудрил, Александр Христофорович. Командир ты неплохой, и взвод у тебя отличный, только одного понять не хочешь — ведь курсанты — живые люди, а ты с ними, как с оловянными солдатиками: ать, два — слушай мою команду, и не рассуждать! Нельзя смотреть на подчиненных свысока. Ходишь этаким индюком, а другого человека понять не желаешь! Есть такая украинская поговорка: “Как люди относятся к богу, так бог — к ним”. Ты к курсантам с открытым сердцем, и они тебе тем же ответят. Словом, мысль о переходе выкинь из головы. Никакого зла на тебя не держу, напротив... В тебе много хорошего. К службе относишься как надо... Так что подумай над моими словами.

Степанов, конечно, подумал. И о разговоре с Шориным, и о том, почему его недолюбливают курсанты, и о себе... Постепенно что-то в его отношениях с подчиненными стало меняться. Но лучшим учителем оказалась война. Вот тогда-то Степанов понял, как прав был майор Шорин. Ну а служба в разведке сделала остальное.

Нет легких профессий на войне, но профессия разведчика, пожалуй, все же самая трудная. Ему приходится действовать в тылу врага. На каждом шагу подстерегает его опасность. Он должен быть одновременно смелым и осторожным, бесстрашным и расчетливым. Его задача — видеть все, оставаясь незамеченным. И от того, насколько хорошо он выполнит эту задачу, во многом зависит исход предстоящего боя.

Степанов все это понимал. Seriously готовился к каждому заданию. Тщательно отбирал людей, стремясь определить внутреннюю готовность разведчика встретиться лицом к лицу с неожиданной опасностью. Делал он это по-разному...

Вспоминаю, как перед очередной разведывательной операцией Степанов отобрал среди нас пятнадцать человек и мы приступили к занятиям и тренировкам. Марш-бросок, совершаемый в нашем тылу, особых неожиданностей не сулил. И вдруг... Пулеметная очередь... Внезапно справа, совсем близко, забил пулемет. Над головой засвистели пули. Что делать?

Кто-то, упав на землю, стал отползать в сторону, кто-то спрятался за дерево. Но были и те, кто, не растерявшись, мгновенно открыл ответный огонь.

Степанов скомандовал отбой. Из заранее подготовленного укрытия вышел наш пулеметчик Константин Каукин.

Да, неловко чувствовали себя некоторые курсанты. А наблюдавший за нами Степанов сделал для себя определенные выводы. Из пятнадцати в разведгруппу были включены тринадцать человек.

“Дерзость — необходимое качество разведчика”, — часто повторял нам лейтенант. Сам он отличался отвагой и бесстрашием. Был убежден: смелых убивают реже. “Что такое смелость? — спрашивал Степанов и сам же отвечал: — Умение преодолеть чувство страха. А для этого нужна сильная воля, которая закаляется физическими тренировками, плюс воинское мастерство и конечно же войсковая дружба. Вот по такой формуле мы должны жить”.

В лесах оставалось много минных полей, поставленных нашими отступавшими войсками, вся линия перехода простреливалась вражескими пулеметами. Поэтому перед каждым выходом мы старались по возможности тщательнее изучить местность, где предстояло действовать. Заранее определяли предметы, способные служить ориентирами в темноте. Учились наблюдательности. Например, видишь дом — запоминай, сколько окон, дверей, что вокруг него: колодец,

дерево. Обрати внимание, какой забор, калитка. В решающую минуту все может пригодиться.

Помню такой прием командира. Проходит мимо нас боец из соседней части. Степанов указывает на него:

— Видели? Кто расскажет его приметы?

Мы снисходительно улыбаемся — подумаешь, какая сложность, — и наперебой начинаем выкрикивать, кто что заметил.

— Нет, товарищи, так не годится, — останавливает нас Степанов. — Все приметы надо распределить по частям: голова, плечи, пояс, ноги. А затем по этим приметам делать выводы. Что же касается этого бойца, то он прежде всего разгильдяй.

— Почему? — удивляемся мы.

— Все по тем же приметам. Смотрите, обмундирование подогнано плохо, ремень висит ниже брюха, лицо небритое.

Наконец подготовка была закончена. Командир роты лейтенант Бурнос поставил задачу: выйти к селу Волгово, занятому немцами, изучить поведение противника в разные периоды суток, взять контрольного пленного.

Ночью предстояло идти на задание. Августовские сумерки уже опустились на землю, когда к нам заглянул политрук Габов. Сбросил сырую плащ-накидку, присел, угостил "Беломором". Завязалась беседа. Габов рассказал о новостях, поинтересовался, как наше самочувствие, давно ли получали письма из дома. Одно его присутствие бодрило, настраивало на успех. Уходя, со всеми попрощался за руку. И, уже совсем собравшись покинуть нас, вдруг обернулся и обратился к Вадиму Авакяну:

— А скажи-ка, в чем сила разведчика?

— Сила разведчика — в смелых, решительных действиях и в скрытности, — вытянувшись по стойке смирно, отрапортовал Вадим.

Габов улыбнулся: — Я верю в вашу сегодняшнюю удачу, — и скрылся в темноте.

— А сейчас всем спать! — приказал Степанов после ухода политрука. — Разведка любит голову трезвую, тело отдохнувшее.

Но за два часа особенно не выспишься. В 24.00 подъем. Степанов торопил. Уточнил боевую задачу. Еще раз проверил подгонку снаряжения: ничего не должно бряцать и стучать. Документы (партийные билеты, солдатские книжки, письма) переданы на

хранение политруку Габову: если убьют — разведчик безымянен. Срезаны петлицы, сняты знаки различия. Все чисто выбриты, в свежих подворотничках. Ежели доведется встретиться, пусть враг увидит советских воинов подтянутыми и опрятными. Перед самым выходом около получаса посидели в темной землянке, обтерли лицо и шею мокрым полотенцем. Все это, как известно, способствует улучшению ночного зрения.

Перед тем как тронуться в путь, Степанов обратился к разведчикам:

— Если кто-то не уверен в себе, скажите об этом сейчас.

Все молчали.

— Ну что ж. Молодцы! — довольно улыбнулся командир. — Тогда — вперед!

Время выхода на задание было выбрано не случайно. Уже несколько дней шли затяжные морозящие дожди. Земля разбухла от влаги. “Самое время в разведку идти, — решил Степанов. — Гитлеровцы привыкли только по асфальтированным дорогам ходить, а нам такая погода как раз на руку”.

И вот мы идем лесом, соблюдая полную тишину. Часто останавливаемся, сверяем по карте маршрут. Не видно ни зги. Не ровен час, напорешься на засаду. Лейтенант и это предусмотрел. Группа следует в боевом порядке, который обеспечивает надежное круговое наблюдение: головной дозор, охранение, группа прикрытия и в центре — ядро. Это позволяет быстро занять круговую оборону и отразить внезапное нападение врага.

Идем друг за другом в сплошной темноте. Идущий в голове колонны держит вытянутыми вперед руки. Каска надвинута пониже, чтобы не впился в глаз торчащий на пути острый сук.

Сначала головным попробовал идти я. Но оказалось, вести колонну — это совсем не то, что пробираться по лесу в одиночку. Пока шаришь руками и пытаешься разобрать, что впереди — яма или пень, — сзади поджимают, тронулся — задние оторвались, ждать надо. Вскоре меня сменил Иван Хабаров. С ним движение наладилось. Бывалый лесник, он великолепно ориентировался ночью в лесу, вел людей размеренным ровным шагом.

Накрапывает дождь. Поругиваем про себя погоду, фрицев, которые спокойно спят себе, лишь изредка постреливают ракетами. А мы тут — ползи в грязи, мокни ... Дождь, хоть и союзник разведчику, но все же мешает — идти тяжело.

Проходим лес, небольшое болото и снова лес. Наконец делаем остановку. Прислушиваемся, осматриваем местность: справа — сломанная береза, слева — вывернутый пенек, а дальше — крутой спуск.

На рассвете вышли к поляне. Внезапно замираем — по цепочке шепотом понеслось: “Стой!” Это Женя Гагарин заметил тонкую проволоку, протянутую в траве. Минное поле! Безобидная лесная полянка таила в себе смерть. Степанов объясняет: мины натяжного действия, заденешь натянутую, как струна, проволоку — ахнет взрыв.

— Теперь только бы пробраться через поле, а там мы в безопасности. Немцы считают, что здесь никто не пройдет, — шепотом говорит лейтенант, осторожно прижимая пальцами проволоку к земле. Все аккуратно перешагивают через нее и след в след преодолевают коварное место.

Теперь мы далеко на территории, занятой врагом. Бесшумно продолжаем идти вперед. Вдруг над нами с криком взлетает стайка сорок.

— Заметили? — спрашивает лейтенант.

Все молчат.

— Посмотрите внимательно.

— Сороки взлетели, — неуверенно начинает Каукин.

— Молодец. А как они поднялись?

— С гомоном, — без запинки отвечает Каукин.

— Опять правильно. А что это может означать?

Тот не находит ответа.

— Запомните, — объясняет Степанов, — при приближении людей птицы обычно взлетают с криком. Если немцы знают птичьи повадки, то поймут, что в лесу люди.

Лейтенант приказывает нам рассредоточиться, и мы продолжаем путь тремя группами. Вскоре сороки отстали.

А мы все идем и идем. Вечереет. И только когда почти стемнело, раскинулось перед нами село с таким прекрасным названием — Волгово. Обидно стало. Наше русское село, а мы вынуждены пробираться к нему тайком.

Лейтенант Степанов приказывает мне и Жене Гагарину незаметно проникнуть в село, узнать, есть ли там немцы. Идем осторожно огородами, стараясь быть незамеченными, чутко прислушиваемся к каждому шороху. На пустынной улице подходим к третьему от края дому (у первого немцы обычно ставили часовых), и я тихонько стучу в окно. Тишина. Стучу еще раз.

В окне появляется морщинистое, бородатое лицо. Мы жестами просим открыть дверь. Старик колеблется.

Тогда Женя сдергивает с головы капюшон плащ-палатки — так, чтобы видна была красная звездочка на пилотке. Подходит ближе к окну.

Стукнула щеколда. Старик тихо приоткрыл дверь, выглянул наружу и осторожно вышел. Спросил встревоженно:

— Вам чего?

— Немцы есть в селе, дед?

— А как же! Полно. У меня их в доме штук пятнадцать...

Гагарин рванулся было за гранатой. Я схватил его за руку.

— Ты что!

Тот виновато вздохнул и продолжал спрашивать:

— Штаб их в школе?

— В середке села. Машин там полно ... — Старик испуганно осматривается по сторонам. — Да уходите вы поскорей!..

Лейтенант Степанов решил сам взглянуть на штаб. Вместе с ним кроме нас с Женей пошли Федор Бурцев, Константин Каукин, Михаил Зимбулатов и Петр Букань.

Пробираемся скрытно. Повсюду видны следы недавних боев. Многие дворы сожжены дотла. На площади возле большого дома — множество машин и мотоциклов, несколько танков. Стоят часовые.

Пересчитываем все, что видим. Внимательно оглядываем дом. Проверяем, как и когда сменяется охрана. Незаметно наступило утро. И теперь нам стали хорошо видны множество объявлений, наклеенных на стенах домов и заборах. В одних жителей предупреждали, что не сдавшие любое оружие, в том числе охотничьи ружья, подлежат расстрелу. В других расстрелом грозили тем, кто "содействует партизанам". Подлежали расстрелу также нарушители комендантского часа. Тут же висела сводка немецкого командования, где сообщалось, что Ленинград взят. Москва окружена.

Вот гады, фашисты! Но нам пора уходить. Мы возвращаемся в лес.

В течение всего дня вели наблюдение за противником. Полученные сведения лейтенант наносил на карту, добиваясь максимальной точности.

В полдень из села стали доноситься крики и причитания. Замычали коровы, закудахтали куры. Нам видно, как немецкие солдаты грузят на машины мешки с мукой и картофелем, привязывают к подводам коров, гоняются за курами. Тащат девушек в сарай. Прикладами бьют женщин, которые, обняв свою кормилицу — козу или корову, умоляют не забирать ее. Пока жив, не забуду: здоровый верзила ударил пожилую женщину — она упала, а гитлеровский подонок продолжал пинать ее, лежащую на земле, тяжелыми коваными сапогами. Уж на что Федя Бурцев спокойный и хладнокровный, но и он не выдержал, щелкнул затвором.

— Отставить, — тихо скомандовал Степанов. — Нервишки шалят? Где же твое самообладание? — А у самого желваки заходили под скулами.

Прошел день, над лесом опустились сумерки. Дозорные доложили командиру о подозрительном оживлении немцев. Лейтенант приказал нам с Гагариным снова пробраться на окраину Волгова и выяснить, что там происходит. Вся группа залегла, готовая в любую минуту прикрыть нас огнем.

Скрываясь за деревьями и кустами, пробрались к огородам. Притаились. Вдруг видим: в нашу сторону направляется старик с топором на плече. В нескольких шагах от нас остановился, жадно затянулся сигаркой.

— Узнаешь? Ночной знакомый, — шепчет мне Женька.

Настороженно оглянувшись по сторонам, старик бросил окурочек, старательно затоптал его и, сплюнув, решительно направился к лесу.

— Стой! — тихо, почти шепотом, скомандовал Гагарин! — И не пикни!

Старик сначала вздрогнул от неожиданности, а потом посмотрел на нас и спокойно проговорил:

— А я и не больно-то испугался. Много вас тут шляется! Всех бояться, так и без дров останешься.

— Не хитри, дед! — перебил его Гагарин. — Ночью в лес за дровами не ходят. Говори, куда направился?

Старик молчал.

— Не признаешь, отец? — вступил в разговор я. — Помнишь, ночью приходили? Обещали еще прийти. Вот и свиделись.

— А как же, помню, — закивал бородач.

— Куда же ты собрался?

— Да говорю же, в лес. Немцы велели дрова подрубить для бани, — махнул он рукой в сторону села. — Моются, поганые.

Вместе со стариком мы пробрались поближе, и он показал нам баню — перед ней толпились гитлеровские солдаты. Вокруг ходили трое часовых. Пока мы изучали обстановку, один из них вышел из-за угла, вытянул вперед автомат и дал несколько коротких очередей в темноту — так, на всякий случай. Женька и я едва успели упасть на землю — пули просвистели у нас над головой.

...На опушке леса мы простились с нашим провожатым и, вернувшись к своим, доложили обо всем Степанову. Тот обрадовался. Сказал, что баня — это прекрасно. Есть возможность захватить немцев врасплох, забрать документы и немецкое обмундирование, а может быть, удастся и “языка” взять.

...Подкрались бесшумно. Как раз в это время подошла новая партия желающих попариться: десятка два немецких солдат. Часть из них зашла в баню, остальные остались ждать своей очереди: сидели на дровах, курили, двое играли на губных гармошках.

А я смотрел на этих “мирных” фрицев, и сердце мое наполнялось ненавистью. Потому что вот именно эти чистоплотные музыкальные немцы сегодня днем на моих глазах били прикладами и коваными сапогами беззащитных женщин, а несколько дней назад зверски замучили и расстреляли двух наших курсантов Ивана Цукура и Василия Чеплю.

Вот как это было...

Командиру 1-й роты лейтенанту Бурносу было приказано провести разведку боем в селе Волгово.

Выполнив боевую задачу, рота начала отход. Одно отделение курсантов было выделено для прикрытия. В ходе боя Цукур и Чепля оказались отрезанными от своих. Тяжело раненных немцы схватили и отправили в свой штаб в село Волгово. Едва пленные пришли в себя, начались допросы и пытки. Но, верные Военной присяге, курсанты-пограничники не сказали ни слова.

На казнь фашисты согнали чуть ли не все село.

Они стояли рядом, украинец и русский. Рослый и стройный Иван Цукур, бывший донецкий шахтер, и коренастый добродушный Василий Чепля, в недавнем прошлом школьный учитель. Истерзанные жестокими пытками, раненые еле держались на ногах. На них не

было живого места. Лицо — сплошное кровавое месиво, перебиты руки. Разодранная в клочья одежда едва прикрывала тело. Но держались ребята гордо, смело глядели в лицо палачам. Собравшись с последними силами, Цукур выкрикнул:

— Смерть фашистам, победа будет за нами!

— Смерть!.. — только и успел вымолвить Василий.

Сраженные десятками пуль, они упали бездыханные.

Но и на этом фашисты не успокоились. Они подвесили тела расстрелянных к дереву и, гогоча, принялись палить по ним из автоматов. Кто-то из жителей села не выдержал, закричал. И тогда автоматная очередь полоснула по толпе...

Вот такие ужасные подробности о трагической гибели мужественных курсантов-пограничников мы узнали от жителей Волгова.

Когда, по нашим расчетам, вошедшие в баню успели раздеться, Степанов из пистолета уложил одного “гармониста”. Автоматные очереди Авакяна и Каукина скосили двух часовых. Солдаты, сидевшие перед баней, кинулись врассыпную. Но далеко убежать им не дали меткие выстрелы Кондратенко и Терехова. Букань бросил в окно бани противотанковую гранату. Раздались грохот и крики. Уцелевшие фашисты нагишом повыскакивали из бани, пытаясь укрыться за соседними домами. Мало кому удалось это сделать: их настигали пули Гагарина и Зимбулатова.

Заметив убегающего солдата, Вадим Авакян догнал фашиста, прыгнул на него, выхватил автомат и оглушил ударом приклада. Подоспевший Кондратенко скрутил немцу руки, вставил кляп в горло, чтобы не кричал.

Степанов дал сигнал, и мы направились к лесу, подталкивая яростно отбивавшегося фашиста.

Задание выполнено. Пора было в обратный путь.

В эти дни в лесах, вдалеке от Кингисеппского шоссе, скрывалось много советских людей. Это были беженцы, пробиравшиеся на восток. Женщины с грудными младенцами на руках, старики, дети. Измученные голодом, тяжелой дорогой, частыми бомбежками, некоторые из них оставались в попадавшихся на пути деревеньках. Другие продолжали упорно идти дальше.

Встречались в лесах и военные — те, кто попал в окружение и пробивался к своим. Они не бросали оружия и не снимали военной формы. Оказавшись недосыгаемыми для приказа и оставшись один на один со своей совестью, которая и была теперь для них единственным командиром, они, не теряя веры в победу, продолжали бороться.

Были, как ни горько говорить об этом, и такие, кто, переодевшись в гражданское, торопливо закапывал в землю партийный билет, удостоверение личности и красноармейскую книжку, теряя вместе с документами и свою честь.

Да, разных людей можно было встретить в ленинградских лесах в августе сорок первого. Одного из них я запомнил на всю жизнь.

...Мы вышли из рощи и, как только начали спускаться в овраг, сразу увидели его: на поваленной сосне спиной к нам, не шевелясь, сидел человек в военной форме. Степанов окликнул незнакомца. Тот, не торопясь, словно нехотя, поднялся и, прихрамывая, двинулся навстречу.

Что-то странное было во всем его облике. Немолодой, лицо — темное от загара, заросшее рыжеватой щетиной, взгляд потухших глаз устремлен куда-то вдаль. Три кубика в петлицах указывали на звание старшего лейтенанта.

Так и обратился к нему Степанов.

— Ну что, товарищ старший лейтенант, — сказал он, безуспешно пытаясь перехватить взгляд незнакомца, — плохи дела?

Тот не ответил, даже не шелохнулся. Точно не слышал слов.

— Чего же вы молчите? Вы что, решили в этом овраге переждать войну? — продолжал Степанов.

Странный старший лейтенант еще с минуту постоял молча, как будто что-то вспоминая, и затем так же молча повернулся и медленно зашагал, не останавливаясь и не оглядываясь, через овраг к небольшому осиннику.

Наш командир приказал двоим следовать за ним. Но вскоре, не выдержав, пошли и все остальные.

По склону оврага мы поднялись наверх и увидели четыре металлических изуродованных остова. По некоторым деталям можно было догадаться, что это были семидесятимиллиметровые пушки. Видимо, их взорвали, чтобы не достались врагу. Рядом лежали погибшие красноармейцы.

— Вот... Смотрите... — медленно, с трудом шевеля губами, проговорил старший лейтенант.

Мы стояли онемев, потрясенные увиденным. И вдруг в оглушительной тишине раздались странные клокочущие звуки. Все оглянулись. Это рыдал старший лейтенант. Закрыв лицо руками, он плакал навзрыд, как ребенок.

Степанов подошел к артиллеристу, обнял его.

— Ну же, успокойтесь, товарищ старший лейтенант. Мы поняли... Вы со своими батарейцами стояли насмерть, бились до последнего снаряда...

Без приказа, не сговариваясь, курсанты принялись рыть братскую могилу. Захоронив погибших, снова тронулись в путь. Вместе с нами шел командир героев-артиллеристов, павших смертью храбрых.

Первым заметил колонну Вадим Авакян. По пустынной дороге под охраной гитлеровцев с овчарками шли, тяжело передвигая ноги, женщины с детьми, пожилые мужчины.

Авакян доложил об увиденном командиру. Лейтенант принял решение освободить наших людей.

Мы все несказанно обрадовались этому, хотя задача была не из легких. Берясь за ее выполнение, лейтенант рисковал, ставил под угрозу жизнь подчиненных и свою, конечно. Но, оказись каждый из нашей группы на месте Степанова, он поступил бы так же.

Двое наших — Майдигов и Шовкопляс, скрываясь за кустами и деревьями, забежали вперед и пересекли дорогу. Остальные, перебегая от дерева к дереву, стали подбираться к колонне.

Вот раздались первые выстрелы. Это Степанов с Каукиным напали на конвойных сзади. Гитлеровцы заметались, открыли беспорядочную стрельбу. Пленные бросились на землю, защищаясь от пуль. И тут грохнуло впереди. Молодцы Майдигов и Шовкопляс: солдаты головной охраны уничтожены! Мы с Бурцевым выскочили справа — в упор застрелили двух конвоиров.

К несчастью, автоматчиков, шедших по левую сторону дороги, сразу же уничтожить не удалось. То ли немцы здесь оказались более бдительными, то ли наши ребята замешкались. И тогда, пытаясь спасти свою жизнь, конвоиры сделали то, на что способны были только фашисты. Они открыли огонь по безоружным пленным.

Надо было что-то делать. Не смотреть же, как обезумевшие гитлеровцы расстреливают женщин и детей.

Саенко и Терехов мгновенно принимают решение. Резко поднявшись с земли, они побежали, отвлекая внимание немцев. Теперь фашистские пули летят только в них. Ребята бегут, падают, снова бегут... Вот ранило Саенко, Терехову пуля впилась в плечо. Но на помощь приходят остальные разведчики. И вскоре с немцами покончено.

Однако праздновать победу было рано. Немецкие овчарки! Мы совсем забыли про них, полагая, что, напуганные стрельбой, они сами разбегутся. Не тут-то было. Обнюхав убитых хозяев, восемь псов со вздыбленной шерстью яростно кинулись на нас.

Мы растерялись. С детства знали: собака — друг человека. Любили этих прекрасных, сильных животных. А тут — убивать...

Поняв, что дело может плохо кончиться, Степанов закричал:

— Стреляйте! Что вы сопли распустили, стреляйте!

Обидно услышать такое от командира. И хотя жаль нам было овчарок, другого выхода не оставалось. Собаки были расстреляны в упор.

Получившие свободу пленники со слезами на глазах бросились к нам. Обнимали и целовали, все еще не веря в свое спасение.

Степанов приказал обыскать трупы гитлеровцев, забрать документы, оружие. Выполняя эту неприятную работу, вспомнил слова нашего старшины Николая Матвеева: загляни фрицу в карман и узнаешь, что у него в голове. В портсигаре, который я вытащил у фашиста, лежали два золотых кольца, перстень и... четырнадцать золотых зубов. У меня аж мороз по коже пробежал. С кого же сняты эти кольца? И у кого вырваны зубы?

Но и это было не все. В дорогом кожаном портмоне я обнаружил фотографию. На переднем плане обнаженные тела двух русских девушек со следами пыток. А вокруг шестеро фашистских офицеров, в том числе и убитый. Немцы весело улыбались, позируя перед фотоаппаратом. Каждый держал в поднятой руке продолговатую бутылку с пивом.

Да, прав наш старшина!

Однако долго оставаться на дороге было нельзя. В любой момент фашисты могли обнаружить нас. Прихватив трофейные автоматы, вместе с освобожденными мы скрылись в лесу. Надо было торопиться. Добытые разведанные и захваченного немца следовало

как можно быстрее доставить в штаб. Иначе сведения устареют, и все наши труды пойдут насмарку. И лишь стемнело, мы продолжили свой путь.

Перед рассветом достигли переднего края. Оставалось преодолеть последние метры — и мы у своих. Но до чего же трудны были эти последние метры! Ведь вместе с нами, выбиваясь из последних сил, шли недавние пленники.

Выбрав удобный момент, мы все же прорвались через вражеское боевое охранение и вскоре прибыли в расположение батальона.

Уже светало, когда чумазый, смертельно усталый Степанов докладывал комбату Шорину:

— Товарищ майор, боевое задание выполнено! “Язык” доставлен!

ПОБЕДА РАЗУМА

Слава о курсантах и командирах пограничного училища разнеслась по всему фронту. О нас неоднократно писала армейская газета “На разгром врага”. С особой гордостью курсанты-пограничники читали строки в газете Ленинградского фронта “На страже Родины”: “Геройские подвиги совершают шоринцы, уничтожая подлых фашистских псов на подступах к городу великого Ленина. Надо учиться у шоринцев находчивости и смелости в разведке, мастерству владения боевой техникой, твердости духа и храбрости. Огромный урок фашистам наносят контратаки шоринцев. Бесстрашный командир курсантского батальона всегда впереди бойцов. Личным примером воспитывает он в них презрение к смерти, волю к победе...”

Немцы, почувствовав на себе силу “сталинских юнкеров” — так они называли нас, курсантов-пограничников, — объявили о награде в 25 тысяч рублей за голову майора Шорина. В то же самое время на соседних участках фронта они распускали слухи о гибели шоринцев, о переходе их командира на сторону германских вооруженных сил. Мы поняли: немцы боятся нас.

В последних числах августа 8-я армия с боями отходила по побережью Финского залива. На Петергофское шоссе она должна была выйти в районе Копорья. Других путей не было: кругом леса и болота. Зная это и стремясь отрезать пути отхода 8-й армии, немцы сосредоточили свои силы в районе Котлы, Копорье. Дорогу на Копорье прикрывала 2-я дивизия народного ополчения. Она оборонялась упорно, но все же вынуждена была отступить. И тогда командование приняло решение перебросить под Копорье батальон курсантов-пограничников.

30 августа майор Шорин расформировал полк, передав ополченцев командиру 1-й дивизии народного ополчения.

Тяжелым было расставание. За две недели жесточайших боев мы сроднились друг с другом. Многие ополченцы просили зачислить

их в состав батальона. Шорину и самому нелегко было разлучаться с этими людьми, в мужестве и стойкости которых он не раз мог лично убедиться. Но приказ есть приказ. И Шорин отвечал им:

— Бейте фашистов здесь. Бейте умно и крепко. Чем лучше будете это делать, тем быстрее встретимся в Берлине.

... Выполняя приказ командования, мы совершили трудный ночной марш, пройдя шестьдесят километров. Помню, идем молча. Курить нельзя. Подсвечивать дорогу — тоже. А темнота — хоть глаз выколи. Идущие впереди почему-то то и дело останавливаются, задние, не видя этого, наталкиваются на них. Случалось, между ротами образовывались большие разрывы, и тогда отставшим приходилось догонять ушедших бегом. А ведь ой как нелегко бежать с полной солдатской выкладкой. Через плечо, крест накрест, две ленты с патронами, на поясе — третья. Тут же подвешена лопата, за поясом — четыре гранаты, за спиной — туго набитый ранец. А некоторым приходилось тащить пулеметы, легкие минометы.

... Чмокает под ногами сотен людей болотная жижа. Моросит бесконечный нудный дождик. Душной глыбой наваливается на тебя усталость, и ты засыпаешь под мерное шлепанье, но продолжаешь идти, автоматически переставляя ноги.

Хорошо, что замыкающим в нашей 1-й роте шел политрук Габов. Он был вынослив, в самой тяжелой обстановке умел сохранять самообладание. Казалось, ему вообще не ведомо чувство усталости. Шутил, подбадривал отстающих, помогал раненым нести их ношу. И если рота не растянулась, никто не отстал и все дошли вовремя в указанный срок, то только благодаря политруку Габову.

Рано утром 31 августа мы прибыли в район севернее Юрьева. И сразу же, без передышки, уставшие и насквозь промокшие, приступили к оборудованию окопов и огневых точек.

После ночного марш-броска с трудом удерживаешь в руках лопату. А наш командир взвода лейтенант Степанов все повторяет:

— Глубже окапывайся! Глубже!

А как глубже? Земля насквозь пропитана водой, не земля, а сплошное болото. Смотрю на ребят. Все держатся молодцом, бодры, не унывают. И я продолжаю орудовать лопатой, стараясь не думать о предстоящем бое. А мрачные мысли все лезут в голову. Останусь

ли жив? А почему именно меня непременно должны убить? Но ведь кто-то обязательно погибнет...

Когда меня спрашивают, страшно ли на войне, я честно признаюсь — страшно. Ведь смерть постоянно рядом с тобой. Мгновение — и все — нет тебя больше на белом свете. Тебя, которому отроду всего двадцать лет...

Страшны ошеломляющий огонь вражеских минометов, густые разрывы тяжелых снарядов, ночная бомбежка, страшен грохочущий танк, прущий на твой окоп... Но самое страшное — потеря боевых друзей. Только что твой товарищ был рядом. Вы болтали и смеялись, он хлопал тебя по плечу, показывал снимок невесты. И вот, бездыханный, лежит он, неловко подмяв под себя ногу. Жизнь покинула его.

Однако нет животного страха перед смертью. Есть только жажда жизни, стремление побороть смерть, дожить до победы, есть неистребимое желание убить врага — в этом залог твоей жизни.

Вот о чем думал я, встречая в полувырытом окопе наступающий день, последний летний день сорок первого года.

Мы усердно рыли окопы, не зная, что еще рано утром, до восхода солнца, из штаба 2-й дивизии народного ополчения прибыл офицер связи и вручил Шорину приказ генерал-майора Любовцева. Батальону была поставлена задача фронтальной контратакой остановить противника, наступающего в направлении Кербуково — Заринская, и очистить от немцев северный берег реки Ламошки.

...Изучив приказ, Шорин не спеша выбрался из штабного блиндажа на свежий воздух. Моросивший всю ночь дождь прекратился. Часовой в плащ-палатке мерно вышагивал взад и вперед. Тихо шумел лес. Светало.

“Что же, Шорин, — мысленно обратился майор сам к себе, — теперь твое дело — как можно лучше выполнить полученный приказ. Обдумать замысел боя, провести рекогносцировку местности, поставить задачи командирам рот. Да-да! Выполнять приказ! И нечего тут раздумывать!” — строго сказал он себе.

Край неба на востоке становился все светлее. Под напором несильного, но упрямого ветерка низкие серые тучи расплзались на клочья и медленно, будто нехотя, уплывали за горизонт.

“Может, сегодня дождя не будет”, — подумал Шорин. В эти мгновения ему трудно было признаться даже самому себе в том, что приказ Любовцева был... неправильным. А ведь он это понял почти сразу же... Спокойно! Надо взять себя в руки и, не торопясь, трезво и хладнокровно все обдумать.

Изъян приказа — и Шорин тут же увидел его — заключался в том, что комбату предписывалось контратаковать противника с фронта. Это могло привести к неоправданно большим потерям, так как по разведанным навстречу батальону выдвигался полк пехоты, усиленный танками и артиллерией. Силы слишком неравны. К тому же за головным полком немцев шли другие части дивизии.

Нет-нет, контратаковать противника с фронта решительно было нельзя. Это означало угробить батальон. На открытой местности он был у немцев как на ладони. Что же делать? Вести оборонительные действия? Но и это был не выход. А если... Если контратаковать, но не в лоб, а с левого фланга, прикрываясь лесом? Да, именно так! Контратака с фланга! Почему? Да потому что противник не ожидает отсюда удара, потому что лесная местность облегчает действия атакующих. И, кроме того, двигаясь в колонне, немцы не успевали развернуться и подставляли под удар свой слабый фланг. Батальон получал возможность расчленил противника и уничтожить его по частям.

Таков был замысел майора. С одной стороны, конечно, весьма дерзкий, но с другой — вполне реальный, так как учитывал все особенности сложившейся боевой обстановки.

Шорин глубоко вздохнул, посмотрел вверх: ай, да упрямый ветерок! Над головой комбата почти совсем очищенное от туч голубело родное северное небо.

“Нет, не будет сегодня дождя”, — решил Шорин.

По дороге в штаб дивизии Шорин думал о трудном разговоре, который ему предстоял. Нынешний комдив генерал-майор Любовцев был недавно назначен на эту должность. До него дивизией командовал Герой Советского Союза полковник Угрюмов, получивший Золотую Звезду в советско-финляндской войне. Шорин хорошо знал Угрюмова и всегда находил с ним общий язык.

Но после отступления 2-й дивизии народного ополчения под Кингисеппом, когда патриотично настроенные, но необученные и плохо вооруженные добровольцы не выдержали натиска превосходящих сил противника, прибывший в дивизию Ворошилов отстранил Угрюмова от должности, обвинив его в неумелом руководстве. И теперь Шорину предстояла встреча с новым комдивом, лично которого он не знал, но о крутом характере которого был наслышан.

Волновался комбат не напрасно...

В 1972 году мне удалось от самого Любовцева, генерал-майора в отставке, узнать детали его тогдашнего разговора с Шориным. Дело в том, что в "Военно-историческом журнале" была опубликована моя статья об этом бое, завизированная Любовцевым. И я отправился к нему домой, чтобы подарить один экземпляр журнала.

Мы долго беседовали. Генерал не скрывал своего удивления и восхищения по поводу принятого Шориным решения.

— До сих пор не пойму, как он рискнул явиться ко мне для обсуждения приказа. Я ведь уж было нажал сигнальную кнопку, чтобы вызвать сотрудников особого отдела. Да. Собирался отдать его под трибунал, — улыбнулся генерал. — Но потом решил все же выслушать этого дерзкого комбата.

— Вы где учились, товарищ майор? — спрашиваю.

— Закончил Краснознаменную военную академию имени Фрунзе.

— Вот карта. Слушаю вас, докладывайте.

— Батальон, — начал комбат, — слишком удален от переднего края. Фронтальная лобовая контратака, да еще на открытой местности, успеха не сулит. Фашисты сразу увидят, что перед ними всего один батальон, и легко сомнут его танками. Предлагаю: выдвинуть батальон ближе к переднему краю и контратаковать не в лоб, а с левого фланга, в лесу у деревни Ирогоща, и далее наступать в тыл противнику, то есть угрожать ему окружением. Вокруг Ирогощи леса, и немцам трудно будет разобратся, что за силы вклинились в их тыл. Кроме того, фашисты в лесу воевать не умеют, а для пограничников — это дело привычное.

— Я очень внимательно еще раз посмотрел на карту и понял, что дерзкий майор прав, — продолжал генерал. — Но тогда следовало отменить свой приказ...

Любовцев замолчал, мысленно перенесясь в далекий сорок первый. Конечно же ему нелегко было принять такое решение, задевающее его самолюбие. В течение нескольких секунд комдив взвешивал ситуацию. На одной чаше весов лежало его генеральское самолюбие, на другой — успех боя, жизни сотен людей. Вторая чаша перетянула.

Резко оторвавшись от карты и бросив сердитый взгляд на Шорина, Любовцев согласно кивнул:

— Хорошо, будь по-вашему. Предложения принимаю. Даю вам последние десять танков из своего резерва. Да, сколько в батальоне коммунистов?

— Все! — с гордостью ответил Шорин.

— Тогда я уверен в успехе. — Любовцев крепко пожал Шорину руку.

Окрыленный разговором с комдивом, Шорин возвратился к себе и принялся вычерчивать схему предстоящего боя.

...Вот она передо мной, выполненная с профессиональной военной тщательностью “Схема контратаки 1-го батальона ВПУ у деревни Ирогоща 31 августа 1941 г.”. Зеленые полукружья леса и крапинки кустарника; южнее — голубые извивы реки Ламошки; устремленные на север густо-синие стрелы фашистских войск, вплотную придвинувшихся к Копорью — ключевой позиции на шоссе, ведущем в Ленинград; а юго-восточнее, в лесу, — красные значки курсантских рот пограничников, с фланга наносящих кинжальный удар по врагу.

Схему в свое время прислал мне из Саратова Николай Александрович Шорин — тогда уже полковник в отставке. Он сам написал объяснение, причем левой рукой, правую потерял в бою, не под Ирогощей — позже.

Обсуждая с комдивом предстоящий бой, Шорин не спросил его о численности наступающего врага. Это было не принято. Да, как правило, никто в точности и не знал таких сведений. Комбат только подумал: “Кто же может наступать на фронте в шесть километров? Понятно — усиленная дивизия, а то и больше”.

Из записок майора Шорина:

“Сам собой встал вопрос: как построить боевой порядок? Мне было ясно: после того, как батальон пойдет в контратаку, немцы подтянут находящиеся поблизости части. Поэтому для развития успеха необходимо иметь

солидный резерв. И я решил в первый эшелон выделить не две трети сил, как рекомендовали уставы, а только две роты — 3-ю и 4-ю, придав им по пять танков. 1-ю и 2-ю роты держать во втором эшелоне и вводить их в бой в зависимости от обстановки”.

Во второй половине того же дня батальон скрытно занял исходные позиции в лесу под Ирогошей. С нами шли быстроходные БТ-7. Машины эти имели тонкую броню, бензиновый мотор и легко загорались в бою, за что их и прозвали “спичечными коробками”. Но мы все равно были безумно рады — у нас есть танки!

... Комбат подошел к строю курсантов 1-й роты.

— Товарищи, нужно немедленно взять “языка”, но сделать это надо так, чтобы немцы ничего не заподозрили. Противник не знает о нашем прибытии и не ждет удара. Добровольцы есть?

...Нет-нет, дорогой читатель, не верь, что после этих слов все, как один, делают шаг вперед. Это не так. Задание трудное. Нужно взвесить свои силы, убедить самого себя, что ты сможешь это сделать. Сможешь лучше других. Поэтому некоторое время все стоят молча. Затем несколько человек выходят из строя.

Стоявший ближе всех к Шорину смуглый, тонкий Пайлак Захарян обратился к комбату:

— Товарищ майор, разрешите мне и моим друзьям выполнить задание. Сработаем без осечки. План операции могу доложить немедленно. — В черных глазах Захаряна сверкнули озорные огоньки.

— Докладывайте!

Пайлак подошел поближе к Шорину и стал, горячо жестикулируя, вполголоса объяснять ему свой замысел.

— Молодец, действуйте! — улыбнулся комбат.

...Группа вышла на берег речушки. Захарян выбрал для каждого позицию в густых зарослях кустарника, условился о сигналах взаимодействия. Долго ждать не пришлось. Вскоре к месту засады приблизились два ничего не подозревающих немца. В руках они тащили бак с картофелем. И только подошли к воде, как раздался шипящий голос Пайлака:

— Хенде хох!

Один из немцев от неожиданности потерял равновесие и плюхнулся в воду, другой, бросив бак, уцепился за бревно,

переброшенное через речонку. От страха фрицы потеряли дар речи: со всех сторон на них смотрели дула автоматов.

Через некоторое время радостный Пайлак докладывал комбату:

— Товарищ майор, ваш приказ выполнен. Захвачены два “языка”, — и в его глазах опять сверкали озорные огоньки.

— Спасибо, товарищи, за службу. Объявляю вам благодарность.

— Служим Советскому Союзу!

Пойманные немцы не упрямылись и сразу же выложили все, как на исповеди. И теперь Шорин окончательно убедился в правильности своих предположений и верности расчетов. Перед батальоном стояла свежая пехотная дивизия, недавно прибывшая из Франции. Пленные показали также, что Ирогоща занята 271-м пехотным полком, имеющим задачу наступать на Кербуково с целью дальнейшего охвата Копорья с востока. Рассказали немцы и о расположении своих огневых средств.

Да, силы были слишком не равны! После кровопролитных августовских боев в батальоне оставалось всего 500 человек.

Части гитлеровской дивизии, прорвав в центре оборону ополченцев, ничего не подозревая, продолжали широким фронтом продвигаться вперед. До Копорья и шоссе на Ленинград им оставалось не так уж много. Насели они и на флангах, готовые зажать Копорье в клещи.

Правильность замысла Шорина подтвердилась! Немцы так и не заметили выдвижение батальона — лес надежно укрыл пограничников. Мы начали готовиться к контратаке.

Незадолго до боя в окопы нашей 1-й роты пришел комиссар Василий Луканин. Мы всегда ждали комиссара и очень обрадовались его появлению. Он был спокоен и уверен в себе. И эти уверенность и спокойствие каким-то образом передавались всем, кто с ним общался. Слабый становился сильнее, робкий — отважней. А уж силе воли, которая была у Луканина, мог позавидовать каждый.

Комиссар коротко рассказал о положении на фронтах. Оно было тяжелым.

— Но не унывать! — Луканин обвел присутствующих уверенным и решительным взглядом. — Не унывать! — повторил он. — Временному преимуществу фашистов скоро придет конец!

Затем началось обсуждение предстоящего боя.

Чего мы ждали от комиссара? Может быть, каких-то особенных слов, которые могли помочь нам в предстоящем бою?

Но “особенных” слов Луканин не произносил, а говорил просто и понятно:

— Судьбу любого боя и в конечном счете войны решают люди, сильные духом, сражающиеся за правое дело. Скоро мы пойдем в бой. Все вместе. Кто-то погибнет. Если действовать будем дружно, стремительно и напористо, раненых и убитых будет меньше. Замешкаемся под огнем — потери возрастут. Запомните закон пехотинца: как можно быстрее добежать до врага и убить его. Не удастся убить — он убьет тебя. На войне так: или ты врага, или враг тебя.

Мы внимательно слушали комиссара, стараясь не пропустить ни одного слова, потому что уважали его и гордились им. О бесстрашии Луканина в батальоне заговорили с первых дней войны. Некоторые даже считали, что он заговорен. Действительно, наш комиссар никогда не гнул головы под вражескими пулями, не прятался от снарядов и мин. Не соглашался заменить повседневную форму с яркими красными звездами на рукавах на полевую. И вообще он всячески демонстрировал свое презрение к смерти.

Однако это не было пустой бравадой.

— Помните, чтобы добиться успеха, одной смелости недостаточно, — напутствовал нас Луканин. — Главное — не терять головы, действовать хладнокровно, уверенно и разумно.

А в конце беседы комиссар сказал:

— О нашем батальоне гитлеровцы уже наслышаны — знают цену “сталинским юнкерам”. Мы неплохо сражались на Кингисеппском шоссе. И сейчас опять у немцев на пути. Невелик городок Копорье, да славен. Семьсот лет ему. Когда-то был крепостью, и наши предки защищали здесь новгородские земли от набегов завоевателей. Так выстоим же и мы, советские курсанты!

“Какой прекрасный человек наш комиссар! — думал я о Луканине. — В бою он всегда впереди. И сейчас вот, поговорил — и у нас словно сил прибавилось и в бой идти не страшно”.

Мог ли я тогда думать, что никогда больше не увижу Василия Ивановича.

Суть атаки нам разъяснили заранее: в бою за шоссе на Ленинград батальон наносит решающий удар. Мы ощущали тот особый подъем,

который бывает, когда солдат уверен в успехе. Сейчас мы их опрокинем! Погоним!..

В 17.00 майор Шорин дал сигнал на контратаку. В небо взвилась ракета. Танки, за ними первый эшелон батальона — 3-я и 4-я роты — ринулись к Ирогоще. Учитывая, что бой будет проходить на местности, покрытой кустарником и деревьями, которые резко снижают обзор, Шорин для лучшего управления подразделениями решил занять место в машине командира танковой роты.

Удар во фланг подразделениям противника был настолько стремительным и внезапным, что фашисты сначала растерялись и не смогли сразу оказать значительного сопротивления. Они беспорядочно носились по поляне, пытаясь развернуть орудия в нашу сторону, но падали, скошенные меткими выстрелами.

Однако вскоре гитлеровцы пришли в себя и им удалось перегруппироваться для организованного отпора. На северной окраине деревни, где действовала 4-я рота лейтенанта Гамаюнова, на цепи атакующих обрушился шквал пулеметного и автоматного огня. Пограничники залегли. Увидев, что атака 4-й роты захлебнулась, Шорин без промедления ввел в бой часть сил второго эшелона и приказал усилить огонь из танков по пулеметным точкам противника. Повторная атака прошла успешно, и курсанты ворвались в деревню. Боясь окружения, немцы начали с боем отходить от Ирогощи в направлении дороги Копорье — Ламоха.

Бой шел в перелеске. Сплошного фронта не было. Отдельным группам врага удавалось просочиться в тыл пограничников. В итоге подразделения обеих сторон перемешались, то и дело переходили в штыковую. Такая тактика ведения боя оказалась выгодной для нас. Во-первых, курсанты прекрасно владели приемами рукопашной, во-вторых, немцы лишились главного преимущества — применить авиацию и артиллерию они уже не могли.

Тогда командир немецкой дивизии начал переправлять свои резервы из-за реки Ламошки и тут же бросать их в бой. В ответ Шорин ввел в сражение 1-ю и 2-ю роты. Схватка разгорелась с новой силой.

Внезапный огонь группы фашистских автоматчиков, укрывшихся в высохшей промоине, заставил залечь курсантов 2-го взвода 3-й роты. Ливень пуль не давал поднять головы.

Кузьма Андриюшенко вызвался уничтожить фашистов. Дерзкий план его заключался в том, чтобы обойти немцев и напасть на них с тыла. Верный друг Кузьмы Алексей Муратов прикрывал его сзади.

Скрываясь в кустарнике, Андриюшенко подполз чуть ли не к самой промонне: семь немцев лежали цепью шагах в десяти — пятнадцати друг от друга. Одной гранатой их не убить. И всех разом не перестреляешь... Эх, была не была! Пригнувшись, Кузьма выпрыгнул из кустов, молниеносно взмахнул винтовкой, вонзив штык в спину одному из автоматчиков, и быстро скрылся обратно. Перебежал на другую сторону. Тот же стремительный бросок, взмах винтовкой — и снова прыжок в кусты. Движения его были скупы и точны. Точно он отработывал на чучелах приемы штыкового боя.

В трескучем шуме перестрелки фашисты не сразу поняли, что происходит и отчего один за другим умолкают автоматы их соседей. На это и рассчитывал Кузьма. И только когда немцев осталось всего двое, они догадались оглянуться. Увидев у себя за спиной курсанта-пограничника, солдаты на мгновение застыли от ужаса и, уже ничего не соображая, бросились со всех ног к лесу. Кузьма, не прицеливаясь, выстрелил пару раз в сторону улепетывающих немцев и, не давая им опомниться, что есть силы рявкнул:

— Стой! Штреке ваффен! Бросай оружие!..

Стрельба замолкла. И в наступившей тишине перед изумленными курсантами на краю промоины возникла фигура Андриюшенко. А рядом с ним — никто не верил своим глазам — стояли, подняв руки, два пленных немца.

Вскоре после этого боя Кузьма Андриюшенко, в прошлом таежный охотник, был тяжело ранен и эвакуирован в ленинградский госпиталь. В наш батальон он уже не вернулся. Жив ли сегодня храбрый пограничник? Если да, пусть знает: подвиг его не забыт однополчанами.

Гитлеровцы оборонялись упорно, непрерывно контратаковали, обрушивая на роты плотный автоматный и пулеметный огонь. Но курсанты настойчиво продвигались вперед. Только вперед! Только бы разбить врага!

Собрав силы, фашисты поднялись в новую контратаку. Им удалось прорваться в стыке 3-й и 4-й рот. Командир 3-й роты лейтенант Щетинкин с отделением управления оказались

окруженными. И немцы начали забрасывать их гранатами. Уже наученные в предыдущих боях, курсанты ловили их на лету и возвращали обратно. Это была настоящая “игра с огнем”, но ни одна вражеская граната не взорвалась в руках пограничников.

Лейтенанта Щетинкина тяжело ранило. К нему на выручку поспешили Алексей Муратов и Петр Меньшиков. Николай Романчиков — опытный боец, участник боев с белофиннами, прикрывал ребят огнем из ручного пулемета. Курсанты штыками проложили себе путь и вынесли раненого командира с поля боя. Трое суток лейтенант не приходил в сознание. Врачи извлекли из его тела двадцать восемь осколков.

Критическое положение сложилось и на участке 4-й роты. В напряженной схватке погиб ее командир лейтенант Гамаюнов, был тяжело ранен политрук Лекомцев, убиты все взводные. Оставшись без командиров, под шквальным огнем противника рота залегла. И казалось, нет в мире такой силы, которая в эти минуты могла бы поднять прикипшие к земле курсантские цепи. Но такая сила нашлась. И была она сосредоточена в одном человеке — комиссаре батальона Луканине. Он знал, что на войне нет ничего хуже нерешительности, понимал, что в сложившейся ситуации нерешительность равнозначна гибели и есть только один выход — стремительный бросок вперед.

— Слу-у-шай мою команд-у! — вдруг зазвенел обычно негромкий голос комиссара. — За мной, товарищи! Впере-е-д! — И Луканин первым вскочил с автоматом в руках. А за ним вся рота, оторвавшись от земли, стремительно бросилась на немцев. Впереди, у всех на виду, бежал в атаку комиссар.

« По лесу загрохотало раскатистое “ура” попережку с отборным матом, без которого в таком бою не обойтись. Все слилось в сплошной, нарастающий гул — бодрящий и подхлестывающий. И казалось, будто вместе с людьми, помогая им и подталкивая их вперед, движется огромная волна, которую уже ничто не может остановить, даже мощная стена встречного огня.

Вот до опорного пункта противника осталось всего сто метров, вот уже пятьдесят...

“Еще совсем немного, и мы...” — успел подумать бежавший впереди Луканин, как вдруг огненная струя трассирующих пуль ударила по нему. И он рухнул наземь, перерезанный пулеметной

очередью. Владимир Пономарев и Тимофей Наливайченко, бежавшие рядом, бросились к комиссару, но было уже поздно.

Гибель Луканина видели все курсанты, но она не остановила их, не вызвала растерянности. Потеря человека, которого все так любили, вызвала новый прилив ненависти к врагу. И с удесятенной силой пограничники бросились в атаку. Они дрались так, как будто бы Луканин не погиб, как будто оставался среди них. И комиссар мог гордиться ими!

Вскоре на помощь 4-й роте подоспели подразделения лейтенанта Бурноса и старшего лейтенанта Семина. Этого немцы не ожидали. Преследуемые атакующими, они никак не успевали собрать в один кулак свои силы и были вынуждены обороняться разрозненными группами.

Наш взвод вместе со всеми продолжал атаковать противника. Мы бежали, петляя между дымящимися воронками. Спасаясь от осколков, падали то в лужи, то на изрытую снарядами землю. Поднимались и снова бежали, стараясь не обращать внимания на отвратительный, леденящий душу вой вражеских мин.

Справа застрочил пулемет Буканя, не давая фашистам высунуться из окопов. Воспользовавшись этим, мы рванулись к первой траншее врага — перебежками от одной воронки к другой.

Случайно я оказался в одной воронке со Степановым.

— Цел? Не задело? — с дружеской озабоченностью спросил он. — Тогда вперед! — И, выскочив первым, побежал дальше.

Находясь впереди взвода, в пылу атаки наш командир не заметил, что выстрелы со стороны немцев вдруг прекратились. В бою такое внезапное прекращение огня всегдастораживает — значит, противник задумал какую-то хитрость. В таких случаях следовало остановиться и разобраться в обстановке. Но наш взвод продолжал бежать вперед.

Мы проскочили небольшую поляну и углубились в густые заросли кустарника. Я бежал вслед за взводным. Ветки больно хлестали по лицу. Вдруг навстречу блеснула яркая вспышка, затем еще одна... Пулемет! Так и есть — фрицы заманили нас в ловушку. Раздумывать было некогда. Я выхватил "лимонку" и с силой швырнул ее туда, откуда снова полыхнуло огнем. Раздался взрыв. Пулемет умолк.

...Атака пограничников была яростной и мощной. Всюду неприятеля настигали пули, гранаты и штыки. Вдоль фронта наших наступающих цепей пронесся танк БТ-7. Крышка люка откинута.

Из башни видна высунувшаяся наполовину фигура Шорина. Он руководит боем, как и задумал, из этого подвижного КП — машины командира приданной нам танковой роты.

Увидев комбата, мы почувствовали новый прилив сил.

А Шорин мчится вдоль цепей, командуя:

— Первой роте — смелее, прямо! Вторая рота — обходить противника слева!

И рота старшего лейтенанта Семина с приданными танками устремляется вперед, четко выполняя маневр. У фашистов не было здесь противотанковых пушек. Неожиданное появление в их тылу нашей роты с танками вызывает среди немцев панику. Они бегут, в страхе крича:

— Гренцсолдатен!

Улучив момент, вперед выдвинулись Сорокин и Букань. Укрывшись в брошенных немцами окопах, они расстреливают фашистских автоматчиков перекрестным огнем из пулеметов.

Пайлак Захарян, достав где-то небольшой красный флажок, прикрепил его к штыку и, высоко подняв вверх, несет, как воинский стяг. Вражеская пуля смертельно ранит его. Букань и Сорокин бросаются на помощь товарищу. Через силу улыбаясь им, он кричит:

— Ну в чем дело, ребята? Видите, я еще не умер. Не гоже живому пограничнику отдавать свое знамя.

Пайлак поднялся, с трудом сделал еще несколько шагов. И, чувствуя, как смертельная пелена застилает глаза, прошептал запекшимися губами Сорокину:

— Возьми...

И лишь передав винтовку с флажком, упал мертвый.

Пример героя рождает героев. Павел Сорокин, крепко ухватив винтовку с красным флажком, вырвался вперед. За ним побежали Букань, Хабаров, Шовкопляс и другие наши ребята. Они выбили гитлеровцев из окопов на окраине деревни и ударили в спину тем, которые пытались оказать отпор наступающей 4-й роте.

Мы с Каукиным засели в окопе на фланге и стали внимательно наблюдать за местностью, поджидая немцев.

— Вот они, — показал Константин. Десятка два гитлеровцев пробирались к нам по заросшей кустарником ложине.

* Пограничники!

— Многовато.

— И мы не одни, — улыбнулся Каукин. — У нас отличный помощник. — Он ласково погладил пулемет и прицелился.

— Высоко берешь, — поправляю его.

— А у меня правило такое. Бью всегда по голове. Без нее ноги заблудятся.

И то верно. Чего это я вздумал учить Каукина — лучшего пулеметчика батальона?

К девятнадцати часам батальон вышел на опушку леса. Впереди виднелась дорога, спускавшаяся к Ламошке. Стремясь во что бы то ни стало удержать эту дорогу, немцы подтянули со стороны Ивановского и Заринского двенадцать легких танков и минометы. Это была самая сильная контратака гитлеровцев. Бой достиг высочайшего напряжения. Вот-вот должен был наступить перелом: либо они, либо мы.

Из записок майора Шорина:

“Я развернул свои девять танков на опушке (один уже сгорел). Туда же выдвинулись 4, 2 и 3-я роты. Лес и кусты хорошо маскировали — в этом у нас было большое преимущество. Немцам же пришлось наступать по открытому полю.

Наши танки открыли огонь из пушек по вражеским машинам, а из пулеметов стали поливать пехоту. Не доходя до перелеска метров триста, фашистские танки остановились и открыли ответный огонь.

Минут десять продолжалась огневая дуэль между танками. Мы потеряли шесть машин, немцы — семь. Оставшиеся пять фашистских танков не выдержали, повернули обратно, за ними начала отходить и пехота.

Итак, шесть наших танков сгорели. В голове мелькнуло: “Следующий — мой”. Я не мог больше находиться в этом “спичечном коробке”. Да и необходимости в этом уже не было. Невдалеке на опушке залегла 4-я рота: вела огонь по атакующим немцам. Там я и решил приземлиться.

— Как только выберетесь из танка — вас убьют. Видите же, что творится! — пытался остановить меня командир танковой роты.

— Пусть убьют, но на свежем воздухе, а гореть в твоём танке не желаю, — настаивал я на своем.

— А мне что делать?

— Собери уцелевшие машины, становись на опушке вон той рощи и поддерживай нас огнем с места. Вперед больше не выдвигайся.

Когда танк оказался в расположении 4-й роты, я выскочил из него и упал на землю рядом с курсантами”.

Пограничники рвались в атаку, но Шорин приказал вести огонь с места. Слишком неравными были силы: много убитых и раненых, осталось всего три танка. И выведи Шорин курсантские роты из кустарника и перелесков на чистое поле, фашисты сразу увидели бы, как мало тех, перед кем они вынуждены отступать.

Позднее газета Ленинградского фронта “На страже Родины” напишет об этом бое: “Контратака бойцов батальона Шорина в районе Ирогочи была сокрушительной. Бойцы выбили немцев с занимаемых ими позиций, уничтожив при этом 280 фашистов. В бою шоринцы захватили многочисленные трофеи”.

А в это время по дороге от Копорья к реке Ламошке шли сплошным потоком немецкие танки, орудия и автомашины с пехотой — гитлеровцы отходили.

Тогда мы не знали, чем вызван столь поспешный отход. Только позже стали известны причины отступления немцев. Командир 93-й пехотной дивизии, узнав, что русские при поддержке танков атаковали в районе Ирогочи 271-й пехотный полк, решил, что у него в тылу находятся крупные силы. Фашисты, привыкшие до сих пор брать других в окружение, психологически оказались не подготовленными к тому, что могут сами оказаться в таком же положении. И тогда немецкий генерал принял, как ему казалось, правильное, а на самом деле абсолютно неверное решение: прекратить наступление, отойти от Копорья за реку Ламошку и занять оборону на ее левом берегу.

Более суток потребовалось гитлеровцам, чтобы разобраться в обстановке и затем ценой новых потерь пробиваться к Копорью. За это время тыловые части 8-й армии успели отойти по Петергофскому шоссе к Ленинграду, предотвратив опасность оказаться отрезанными от основных сил Ленинградского фронта.

То, что было не под силу уразуметь фашистскому генералу, с абсолютной точностью вычислил майор Шорин, предлагая свой план генералу Любовцеву, войска которого умело использовали момент и перешли в контратаку по всему фронту обороны дивизии.

ЗАСАДА

Серьезные неприятности доставляли нашим войскам засылаемые в ближние и дальние тылы Красной Армии шпионы и диверсанты. Фашисты, готовясь к войне с Советским Союзом, создали стройную систему подготовки агентов. В разведшколах учились выходцы из семей русских эмигрантов, члены националистических организаций Западной Украины, Прибалтики, Польши и даже уголовники. Все они, естественно, хорошо владели русским языком. С началом войны в школы стали вербовать также добровольцев из попавших в плен солдат Красной Армии.

В течение трех недель будущих шпионов обучали радиodelу, топографии, способам сбора агентурных сведений о нашей армии. Их снабжали фиктивными документами, всевозможными бланками, большими суммами денег, картами, радиостанциями, нашим оружием и формой бойцов и командиров Красной Армии.

Агенты собирали сведения о дислокации советских войск, о скоплении танков и артиллерии, о прибытии пополнения. Занимались они и диверсионной деятельностью: сеяли панику, распространяли ложные слухи, нарушали линии связи, нападали ночью на штабы и отдельных командиров.

Для охраны тыла в нашем батальоне были созданы группы патрулирования. В них входили наиболее подготовленные и сообразительные курсанты. Лучшими командирами этих групп считались Наливайченко, Муратов и Зимбулатов, в будущем ставшие отличными контрразведчиками.

А задержанных было немало. Как правило, немецкие агенты действовали в одиночку или парами. Иногда же в наши тылы пробирались целые группы немцев из регулярных частей. Стоял сентябрь 1941 года, и фашисты вели себя вызывающе, если не сказать, нахально.

Помню, как-то раз сидим мы в первой траншее, изучаем местность предстоящих действий. Вдруг слышим окрик часового Крутиева:

— Стой! Кто идет?

— Свои. Раненый я, иду в медсанбат, пропусти служивый, — жалобно отвечал незнакомец.

— Пропуск!

— Какой пропуск? Говорю, ранен! Не видишь, что ли? (Дело шло к вечеру, но было еще светло.) — Незнакомый показывает левую руку.

— Стой! Стрелять буду! — Крутиев звякнул затвором, направил автомат в сторону идущего.

Тот, видя решительность часового, остановился, но продолжал упрашивать, чтобы его пропустили, жаловался на боль, потерю крови. Лейтенант Степанов послал Бурцева разобраться. Тот привел раненого к нам. Рана действительно была серьезной: разорвана область левого предплечья, рука висела на шейной повязке.

Пока санитарструктор осматривал рану, накладывал новую повязку, незнакомец рассказывал, что был в разведке, внезапно в трех шагах от него разорвалась мина, и он лишь по счастливой случайности остался жив.

Степанову, да и не только ему, этот человек показался подозрительным. Мы знали, что разведчики 1062-го стрелкового полка — бывшие моряки. Поэтому они всегда ходили с распахнутым воротом гимнастерки, чтобы было видно тельняшку. У незнакомца же воротник был наглухо застегнут, да и все обмундирование на нем было новехонькое, словно только что со склада.

Насторожила нас и его чрезмерная упитанность. Разведчиков, правда, кормили лучше всех остальных, но и у них в это время паек был скудноват, а у этого аж щеки лоснились от жира. А самое главное — и об этом все хорошо знали, — на нашем участке в эти дни никаких разведывательных операций не проводилось.

Личные документы у этого человека были в порядке. Судя по записи в красноармейской книжке он служил в 1062-м стрелковом полку.

Внимательно взглянув на раненого, Степанов спросил:

— Когда вас ранило? Как фамилия командира полка?

Отведя в сторону беспокойно бегающие глаза, незнакомец назвал день и фамилию командира и тут же заторопился:

— Спасибо, товарищ командир, за помощь. Разрешите идти, мне нужно в медсанбат и госпиталь.

— Куда же вы? Сейчас уже темно. Вот дождемся утра, дадим вам провожатого, и он доведет вас до медсанбата. Вы же знаете, на фронте не положено ходить в одиночку, тем более раненым.

— Нет, я уж пойду, рана болит.

Он встал, собираясь уйти. Пришлось задержать его. При обыске нашли пистолет ТТ, большую сумму советских денег, карту Ленинградской области и какие-то таблицы.

В вещевом мешке лежал большой кусок сала, топленое сливочное масло в литровой банке, сахар и буханка свежего хлеба ненашей выпечки.

Еще некоторое время, уже почувствовав, что разоблачен, он пытался отпираться. Но когда лейтенант пригрозил ему пистолетом, не выдержал, расплакался. Судорожно всхлипывая, умолял не расстреливать, просил отправить к нашим контрразведчикам, клялся, что расскажет им все и о разведшколе, в которой учился, и о ее воспитанниках.

Степанов задал задержанному несколько вопросов. Из его ответов мы узнали, что он должен был определиться в госпиталь, вылечиться, потом добиться направления в другую часть радистом, а там, войдя в доверие, установить связь с фашистской разведкой и работать по ее заданию. Документы, которые использовал вражеский лазутчик, принадлежали погибшему разведчику из 1062-го стрелкового полка. Следует добавить, что неудачливый агент мог пройти в наш тыл, минуя боевое охранение, по болотам. Но немцы решили, что правдоподобнее будет, если его приведут в медсанбат красноармейцы. Вроде все продумано! Но, как говорится, номер не прошел. Курсанты доставили шпиона в штаб нашего батальона и там передали, куда положено.

Переночевав в траншее, на следующий день мы продолжили изучение местности. Степанов и командир отделения разведки Бурцев определили место и способ действий каждого разведчика при движении, в засаде и при случайной встрече с противником.

После ужина курсанты получили разрешение немного вздремнуть. Мне почему-то не спалось. Увидел я, что не спал и Сережа Кондратенко. Приладив на каске тетрадный листок, он что-то старательно писал. время от времени слюнявя химический карандаш. Лицо его сияло счастливой улыбкой. Видно, сейчас он находился далеко-далеко и от нашего переднего края и от всей войны. Увлеченный своим занятием, Сергей даже не заметил, как я к нему подошел.

— Стихи сочиняешь?

Он слегка вздрогнул от неожиданности, поднял голову, посмотрел на меня, все еще улыбаясь своим мыслям.

— Нет, по части стихов я не мастак. Просто письмо пишу...
Марийке...

— И о чем же ты пишешь своей Марийке?

— Да так, обо всем...

— А она красивая, твоя Марийка?

— Очень, — оживился Сергей. — Ты знаешь, она лучше всех. —
Его глаза вспыхнули пламенем.

Он хотел еще что-то добавить, но именно в этот момент подошел Степанов.

— Жаль хлопцев, но давай, Кондратенко, поднимай разведчиков.
Пора. — Лейтенант зябко поежился.

Через минуту все были готовы.

— Командованию стало известно, — начал комвзвода, — что лесом по болотной тропе в наш тыл по ночам проходят группы фашистских солдат. Они устраивают диверсии, нападают на штабы. Ваша задача — перекрыть тропу вот здесь. — Он показал место на карте. — Будьте внимательны и осторожны. Ночь все-таки, ну и немцы в разведку дураков не посылают. — Лейтенант сделал паузу, взглянул на нас, как бы оценивая степень спокойствия, и добавил: — Зря не рискуйте, тут с умом действовать надо, со смекалкой. Умереть на фронте — не хитрая штука. Важнее — жить и побеждать.

Болото мы знали хорошо. Знали и тропинку, проходившую по нему. Едва приметной змейкой извивалась она меж больших мшистых кочек, среди густого кустарника, огибая заполненные ржавой водой "продушины" — коварные и самые топкие места. По этой-то тайной болотной тропе и повел сержант Федор Бурцев нашу группу в засаду.

И вот, растянувшись цепочкой, мы идем, с трудом передвигаясь, вперед. Ноги вязнут в болотной жиже, острые сучья рвут маскхалаты. Впереди — дозорный Алексей Крутиев, за ним — командир группы сержант Федор Бурцев. Я шел третьим. Иван Коровин и Сергей Кондратенко замыкали группу. Идем молча, ни на миг не снимая рук с висящих на шее автоматов.

Ночью в лесистой местности легко заблудиться. Поэтому по команде Бурцева через каждые сто шагов останавливаемся. И Бурцев,

подсвечивая фонариком, сверяется с картой. И снова чавкает болото под ногами.

Внезапно идущий впереди Федор поворачивается ко мне.

— А знаешь, Коля, — говорит он тихим, но взволнованным голосом, — я понял...

На секунду он замолкает. Молчу и я. Не перебиваю. Понимаю, что он хочет сказать что-то очень важное для него самого.

— Не хочу, чтобы звучало напыщенно, — продолжал Федор, — но... Вот, слушай... Храбрые — бессмертны. Они так хотят победы, что готовы за нее умереть. То есть и за ту жизнь, которая будет после войны, за будущее. Так вот, я думаю, если ты погиб в бою, то навеки останешься в той, будущей, жизни... Если продолжается она так, как хотел, то, значит, и ты продолжаешься...

Мне трудно что-то сказать в ответ, вдруг запершило в горле, и я лишь молча, на ходу пожимаю Федору руку...

Кажется, целую вечность мы идем в темноте по этой скользкой болотной трясине. Наконец Бурцев предупреждает:

— Приближаемся к цели, теперь не разговаривать, не курить, шагать за мной след в след. Дышать разрешаю, — шутит он, стрелять по моей команде.

Продвигаемся осторожно, почти бесшумно. Ноги начинают дрожать — дает о себе знать усталость. То и дело глубоко вязнем в болотной жиже, часто останавливаемся. Осмотримся минуту-две, вслушаемся в темноту, проверим, где находимся, и шагаем дальше.

Ночь до неузнаваемости изменила очертания предметов. За каждым кустом чудится притаившийся враг. Нервы напряжены до предела.

Неожиданно показалось, что кто-то промелькнул впереди. Я шепотом спрашиваю Бурцева, не заметил ли он чего. Тот отрицательно покачал головой. Значит, померещилось. Но на душе неспокойно. Затаив дыхание, прислушиваюсь, пытаюсь уловить хоть какой-нибудь шорох или звук. Но кругом тихо.

Через некоторое время мы пришли туда, где нам приказано устроить засаду. Расчистили перед собой местность, чтобы улучшить обзор и легче было стрелять по противнику. Подготовили к бою оружие. Устроили себе "перину" из хвойных веток и залегли. В центре — Бурцев. Он опытный пограничник: все видит и слышит за сто километров. С таким командиром не пропадешь. Справа — Алексей Крутиев и я. Слева — Сергей Кондратенко и Иван Коровин.

— Сигналом будет моя автоматная очередь, — напоминает Бурцев.

Позицию Федор выбрал выгодную. Мы находимся как раз на том месте, где обязательно должны пройти немцы. Другого пути у них нет. Нас пятеро. Сколько будет фашистов — неизвестно. Но на нашей стороне инициатива, возможность использовать фактор внезапности. И мы уж эту возможность не упустим, господа фрицы, будьте спокойны!

Лежим тихонько, переговариваясь шепотом. Федор Бурцев вспомнил статью, недавно прочитанную им в старом журнале “Красноармеец”.

— Полезные вещи пишут иногда. Но немало и чепухи. Раньше как-то не замечалось. Война — пробный камень для военных теорий, и многие из них, скажу, пробы не выдерживают. — Бурцев помолчал, словно раздумывая, а потом обратился ко мне: — Николай, давай и мы напишем потом книгу о войне.

— Да ну тебя, Федя! Наше дело солдатское, а не писательское.

— Почему же? Мы воюем, бьем фрицев, у нас есть что сказать.

— Конечно, — решил я успокоить друга, — напишем, именно мы. А кто же еще? Дай только срок. Победим и обязательно напишем обо всем.

Но судьба рассудила по-другому. И когда я пишу эти строки, то уже знаю: Федор Бурцев их никогда не прочтет.

...Уже половина ночи прошла. Сыро. Высоко в небе натужно гудят фашистские самолеты, летящие бомбить Ленинград. Над головой раздается знакомый свистящий звук пролетающего снаряда.

Немцы издали строчат из пулеметов трассирующими пулями. Ярко светятся в темноте полосы бегущих огоньков. Зрелище, скажу вам, красивое, если бы не смерть, которую несут они.

Хрустнула надломленная ветка. Где-то рядом взлетела птица, издав крыльями глухой хлопок. Слышно, как поскуливает лиса. И вдруг ни с того ни с сего падает с треском дерево — аж сердце екнуло. Что это?

Путаясь в лесных зарослях, к нам приближался красавец лось. Подойдя поближе, остановился. Постоял, в упор посмотрел на нас и, вдруг повернув голову назад, шустро сиганул в кусты. С чего бы это? Тотчас получаем ответ — раздался осторожный хруст, в просветах между деревьями замелькали силуэты гитлеровцев. Их много, идут прямо на нас. Спокойно! Главное не спугнуть их раньше времени. Понимаю, что теперь наша сила действительно во внезапности удара.

В это время из-за туч выползла луна, озарив местность призрачным светом, и нам стали видны автоматы на груди фашистских солдат. Диверсанты шли уверенно, быстро. Вот под их ногами зачавкало болото, и они ловко стали перепрыгивать с кочки на кочку.

Странно, почему Бурцев не подает сигнала? В волнении беспокойно оглядываюсь на него. А он лежит, словно окаменел, и смотрит на приближающихся фашистов. В нетерпении толкаю его ногой. Но Федор не торопится. Лишь минутой позже он поднимает автомат. Огонь!

Начали и мы. Коровин и Крутиев успели бросить по две гранаты. Гитлеровцы сразу же заметались, ответили беспорядочной стрельбой. Раздались крики раненых. За несколько минут половина фашистских солдат была перебита. Пытавшиеся спастись бегством попадали в топкие «продушины».

— Стой! — крикнул Бурцев. — Так мы их всех перебьем. «Языка» надо взять!

Крутиев кинулся к ближайшему немцу, которого уже затягивало в трясику. Распластавшись на тропе, Алексей схватил его за волосы и стал тянуть, пытаясь вырвать из цепких лап болота. Тот орал благим матом от ужаса и боли. Мы поспешили Крутиеву на помощь.

В это время откуда ни возьмись вынырнул еще один солдат. Держась обеими руками за ствол автомата, он размахнулся, намереваясь ударить Кондратенко по голове. Коровин мигом отбил этот удар, а Бурцев всадил в фашиста автоматную очередь. Затем общими усилиями мы все же выдернули первого немца из болота.

Схватка закончилась. Наступил рассвет. Мы присели отдохнуть. Закурили, разговорились.

— Почему ты так долго не подавал сигнала? — спросил я Бурцева.

— Не знаю, как и ответить ... Мы уже не первый день воюем, сколько атак отбили, сколько фашистов побили. Но все это в групповом бою. От чьей пули упал враг — неизвестно. Вот мне и захотелось так ударить, чтобы увидеть своими глазами, как фашист упадет от моей пули, понимаешь, моей! Больше ни о чем и не думал...

Кондратенко стал благодарить Коровина и Бурцева:

— Спасибо, ребята! Здорово вы этого буйвола... не то мне бы хана. Напишу Марийке, как вы меня спасли, обязательно напишу!

Возвращаясь в подразделение, уже у своего переднего края едва не наткнулись на вражескую разведку. Она двигалась с нашей стороны: пять фашистов тащили на веревке связанного красноармейца.

Во рту кляп, лицо все в крови. Он шел хромя, постоянно спотыкаясь и падая. Немцы били его каблуками, заставляли подниматься и волокли дальше. Хорошо, что мы не успели выйти из леса, а фашисты только переходили через поляну. Укрывшись за деревьями и положив на землю “языка”, стали ждать их приближения. Надо было ударить наверняка, чтобы уничтожить всех сразу.

...Когда до немцев остается уже метров пятьдесят, Бурцев медленно поднимает правую руку и тут же резко опускает ее — сигнал к нападению! Мы дружно ударили каждый по своей цели. Все кончилось быстро.

Развязав нашего парня, мы были потрясены. Как он еще мог идти! У него была сломана правая нога и, кроме того, вывихнута рука, выбиты зубы. На избитом теле не было живого места. Он даже стонать не мог — лишь часто дышал. Оказав первую помощь, мы быстро соорудили носилки и, положив на них красноармейца, поспешили к себе в часть.

Благополучно добравшись до своих, повели обер-ефрейтора (в таком звании был пленный немец) в землянку Шорина на допрос. Перед входом в нее сидел фашистский солдат, захваченный группой Матвеева. Увидев обер-ефрейтора, он вскочил и выбросил вперед правую руку:

— Хайль Гитлер!

— Вот это дисциплина! — присвистнул Коровин.

— Рисуются, гады! — усмехнулся Федор Бурцев. — Дурочку валяют. Посмотрим, вспомнят ли свое “хайль”, когда мы придем в Берлин.

Может быть, сейчас это покажется кому-нибудь невероятным, но действительно — в тяжелейшем сорок первом, постоянно отступая, мы верили в победу, думали о Берлине.

А Победа была еще так далека от нас, Победа с большой буквы! Но, веря в нее даже в самые суровые, самые мрачные и невыносимо тяжелые дни, мы одерживали над врагом маленькие победы “местного значения”, приближая тем самым конец войны.

— Ну а ты отвоевался, дядя! Давай вперед, вояка! — И Бурцев подтолкнул остановившегося обер-ефрейтора к входу в землянку.

ПРЕДАТЕЛЬ

В начале сентября наш батальон вел бои у деревень Петровицы и Долгая Нива. И хотя не так много времени прошло с того момента, как вступили мы в наш первый бой, но уже многое успели пережить. И самое тяжелое — горечь отступления, гибель товарищей и любимых командиров.

И все же, несмотря на все ужасы войны, человек и на фронте оставался человеком. Не черствело солдатское сердце, все так же тянулось ко всему чистому, светлому и прекрасному на земле!

Вот письмо, которое написал курсант 2-й роты нашего батальона Николай Ханькин. Ему не суждено было дожить до мирных дней. Но так и не отправленное его письмо сохранилось в архиве.

“Ночью нечаятая ружейная и пулеметная перестрелка. Изредка с глухим резонансом гукнет пушка. Разрыв — и снова тишина; периодически фашисты освещают белыми ракетами передний край своей обороны. В ночном небе рокочут наши самолеты — ночные бомбардировщики. Бывает, прожужжит неприятельский, выдавая себя характерным прерывистым звуком, знакомым опытному фронтовику. И снова тишина.

Несмотря на огонь и смерть, приятно услышать пение птиц. Вспоминал мирные ночи. Очень хочется снова попасть в свои родные края!”

...В эти дни дозорные задержали в лесу неизвестную девушку и привели ее к майору Шорину. Она назвалась Ириной и сообщила, что ее отец назначен старостой в селе Волгово.

— Мой отец продался фашистам, — с плачем рассказывала девушка, — он верно служит им. Уже выдал всех коммунистов, составил списки активистов по всем окрестным деревням. Фашисты по его спискам хватают людей. Вчера к нему опять приходил немецкий офицер. Робертом звать, хорошо говорит по-русски. А как ушел Роберт, отец велел мне идти в лес, разузнать, где стоят советские бойцы в зеленых фуражках да сколько у них пушек

и танков. За эти сведения Роберт обещал отцу много денег. Я стала отказываться, плакать. Как же мне, комсомолке?.. Он пригрозил выдать меня фашистам... Я решила не спорить: вдруг встречу наших...

Я заметил: девушка отца называла только "он". Этим она как бы отделяла его от себя: предательство — от верности, подлость — от порядочности. То и дело ее глаза застилали слезы, и, когда, смахнув их, она глядела на Шорина, в ее взгляде было столько муки, что комбату становилось не по себе.

— Молодец, правильно сделала, — выслушав девушку, сказал майор и осторожно, словно ребенка, погладил ее по голове. Он велел накормить Ирину, дать ей отдохнуть. И вызвал лейтенанта Григорьева.

— Подбери ребят. Пойдете в Волгово и уберете предателя-старосту.

— Есть, убрать старосту!

— Больно прытко рапортуешь, дело трудное, Борис. Сумеешь?

— Так ведь надо, Николай Александрович.

— Надо! — тяжело вздохнул Шорин, вспомнив страдающие глаза Ирины.

Григорьев подобрал шесть человек, и они начали готовиться к выходу: времени мало, а успеть надо многое.

О том, как была проведена операция, рассказывал позднее один из ее участников — курсант Фролков:

“Отправились налегке, взяли по пять гранат и по два подсумка с патронами, впереди шли дозорные. К вечеру прошли нейтральную полосу, углубились в лес.

С рассветом подошли к селу. Залегли. Стали изучать обстановку, намечать путь, как бы нам незаметнее пробраться ночью в село. Немцев на улицах было мало, наверное, в домах отсиживались.

Как стемнело, пробрались в село, вошли в дом старосты, а его самого там и не оказалось. Что делать? Неужели уходить с пустыми руками? А может, загулял староста и вернется позднее? Устроили возле дома засаду. Долго ждали. Вот уж и ночь подходит к концу, а хозяина все нет. Надо было что-то предпринимать. А что? Уйти на день в лес, а к ночи опять вернуться?

Наконец после некоторых споров лейтенант принял решение разделить на две группы. Одна расположилась в сарае, другая — в маленькой бане. У каждой из этих построек свои преимущества: из

бани видны подходы к дому со стороны огорода, а из сарая — со стороны улицы”.

И тут Степан Крупский заметил немцев.

“Смотрю в щель сарая, — вспоминал Степан, — и вижу: совсем рядом стоит фашистский офицер, такой наглый, самоуверенный. С ним пятеро солдат. У меня все внутри похолодело. Попались, думаю.

И тут откуда ни возьмись появляется большущая белая курица. Идет себе спокойно, на фрицев никакого внимания. А как же — она здесь хозяйка!

Немцы аж рты от удивления пораскрывали. Потом бросились нахалку ловить. Но птичка оказалась опытная. Видно, не раз попадала в такие переплеты. Увертывается, да так ловко. Немцы — за ней, она — от них. Цирк, да и только!

Ну а когда над несчастной нависла угроза окружения, она — шмыг, прямо к нам в сарай. Нас это, разумеется, совсем не обрадовало. Затихли, ждем, когда появятся куриные преследователи. И точно. Только курица успела зарыться в солому, причем почти под носом у Стародымова, вбегает немец. Лицо все в рыжей щетине, пилотка до ушей натянута. В общем, вид жутко воинственный.

Выхватил фриц из кармана фонарик и давай им по всему сараю шарить. Мы замерли, даже дышать перестали. Ну а курица — она и есть курица. Заквохтала, глупая птица. Солдат обрадовался, подкрался к куче соломы, давай ее руками разгребать. Только, думаю, не раскопал бы он вместо курицы нашего Стародымова. К счастью, обошлось. Рыжий схватил беднягу птичку и, довольный, выскочил с добычей из сарая. Вскоре ушли и остальные”.

“Нам предстояло скрываться целый день, — вспоминал Фролков. — Время тянулось еле-еле. Всем стало казаться, что ночь никогда не наступит. К вечеру стали одолевать вялость и сонливость. Уже ничего не хотелось — уйти бы, и все. Черт побрал бы этого старосту!

Григорьев заметил перемену в нашем настроении, понял — сказывается нервное перенапряжение. Приказывает каждому присесть по пятьдесят раз. При этом, пока один приседает, другой должен считать. Я никогда так много не приседал. Когда закончил, был мокрый, словно меня обдали водой из ведра. Но, к своему удивлению, почувствовал облегчение. Прилив бодрости ощутили и все остальные.

“Процедура” была проведена вовремя. Потому что в этот момент мы увидели немцев. Их было шестеро. С ними мужчина в гражданском — широкоплечий, невысокого роста, именно такой, каким и обрисовала его Ирина. Они направились к дому. Четверо немцев и староста вошли внутрь, а двое остались на улице для охраны.

Ближе всех к часовым оказались Ханькин и Стародымов. Неужели, думаю, ребята не догадаются снять их? Догадались. Сверкнули ножи. С часовыми покончено. Лейтенант оставляет меня и Крупского на улице прикрывать их, а сам с группой врывается в дом. Четверо сидящих за столом немцев вскакивают и какое-то мгновение смотрят на вошедших. Григорьев дает из автомата две очереди с таким расчетом, чтобы не убить старосту. Затем все бросаются на оставшихся в живых. Короткая схватка — и в руках ребят связанные староста и немецкий офицер. Их вытащили на улицу. Фашист оказался раненым в голову и руку.

— Выстрелы слышно было? — спросил меня Григорьев.

— Да, — ответил я.

— Это плохо. Надо скорее уходить. А с тобой что? — обратился он к Стародымову, который морщился и махал рукой. — Ранен?

— Да нет, вот этот укусил, — объяснил Александр. — А еще офицер. Это когда я ему кляп в рот загонял.

Едва успели покинуть село, как там поднялся переполох. Офицер и староста стали упираться, надеясь, что их отобьют. Пришлось тащить пленных силой, поэтому шли слишком медленно. Не успели пройти и полкилометра, как раздались выстрелы. Немцы палили наугад во все стороны. Мы быстрее в лес — туда фашисты не рискнут сунуться, тем более в темноте.

Зашли подальше в чащу, решили сделать короткую остановку. Вынули кляп у пленного офицера — пусть подышит. Он вдруг, к нашему удивлению, заговорил по-русски:

— Напрасно ведете, все равно ничего не скажу. И вам однозначно капут. Лучше вернемся обратно — вы сдадитесь в плен, я гарантирую вам жизнь...

— Ах ты, падло! — взорвался наш лейтенант. — Да я тебе сейчас за такие предложения так рожу разрисую! — Он поднял над головой автомат и сделал вид, что хочет ударить немца. Тот в страхе отшатнулся. Мы хохочем: боится все-таки...”

...Пленного немецкого офицера допрашивал майор Шорин. Он сидел на пне спиленной березы в каске и накинутой на широкие плечи плащ-накидке. Знаков различия было не видно. Немец отвечать не торопился. Оценивающим взглядом окинул комбата, пытаясь догадаться, кто перед ним. Шорин тоже не спешил. Спокойно достал пачку “Казбека”, вытащил папиросу, постучал ею о коробку и, ловко щелкнув трофейной зажигалкой, закурил. Офицер тут же вытянулся в струнку, аж кресты зазвенели. Сообразил, что “Казбек” младшие командиры не курят.

— Каково политико-моральное состояние германской армии? — начал допрос Шорин.

— Настроение у солдат и офицеров боевое, скоро мы победим!

— Как встретит немецкий народ Красную Армию, если она через некоторое время вступит на немецкую территорию? — задал новый вопрос комбат и спокойно затянулся папиросой.

Фашист побагровел, от охватившего его возмущения не мог вымолвить ни слова. Его всего трясло.

Шорин же, задавая такой вопрос немецкому офицеру, не только хотел умерить нахальную самоуверенность гитлеровца. Несмотря на все неудачи, обрушившиеся на наши войска, комбат твердо верил, что через некоторое время мы перейдем в наступление. Эту веру он хотел передать и нам.

— За что вам дали Железный крест? — продолжил допрос Шорин.

— За войну с Польшей.

— А этот орден?

— За Францию, — горделиво улыбнулся офицер.

— А что вам дали за Россию?

Фашист, опустив голову, молчит. И вдруг взрывается в истерике. Показывая окровавленную голову и простреленную правую руку, кричит:

— Вот что дали за Россию! Вот. Вот что дали!..

В полевой сумке офицера был обнаружен лист бумаги с перечнем цифр и населенных пунктов.

— Что означают эти цифры? — интересуется Шорин.

Немец прочитал: — “Первого августа — Кингисепп, третьего августа — Болгово, пятого августа — Ропша, седьмого августа — Красное Село, девятого августа — Урицк, пятнадцатого августа — Ленинград”, — и с радостью пояснил: — Это и есть приказ фюрера! Наше расписание! Когда и какие населенные пункты мы должны захватить!

Глаза Шорина засверкали гневом:

— Опаздывает твой фюрер! По советскому календарю сегодня пятое сентября. Подвела вас немецкая точность. И запомни: никогда фашистам не бывать в Ленинграде! Запомни, никогда!

Я впервые присутствовал на допросе гитлеровского офицера. Меня поразила его нахальная самоуверенность. Думаю, именно потому, что он был воспитан в полном пренебрежении к нам и уверен в молниеносной победе, до него никак не могло дойти, что он попал в плен. Такого просто не могло быть. Поэтому больше всего он сокрушался о том, что в селе Волгово осталось много хороших вещей, принадлежавших ему.

Ирина рассказала нам: немцы грабят население оккупированных сел и городов. Но вот девать награбленное некуда. Тогда они и придумали. Раздавали наворованное добро по домам на хранение под расписку. Номера домов записывали, за пропажу вещей грозили расстрелом. Нужно быть фашистом, чтобы додуматься до такой гнусности: ограбить вас и вам же сдать ваши вещи на хранение.

В те трагические дни войны, после первых наших неудач и поражений, когда Гитлер планировал свои боевые операции не то что по дням, а чуть ли не по часам, было приятно сознавать, как трещит его график на нашем участке фронта. Трещит по всем швам. Ведь согласно фашистскому регламенту на захват Ленинграда отводилась неделя. И что же? Где сейчас топчется вражеская армия? Тогда, так же как и сейчас, была принята такая формула: «фашисты не прошли». А я думаю, правильнее было бы сказать: их не пустили воины Советской Армии, все те, кто стоял насмерть.

...При обыске у старосты в кармане обнаружили листовки с изображением Якова Джугашвили — сына Сталина. Таких листовок гитлеровцы сбрасывали с самолетов очень много. Вот предатель и запасся ими, чтобы раздавать другим.

— Братцы! — упав на колени, плачущим голосом вопил староста.
— Не виноват! Не казните!

— Молчи, иуда! — сплюнул ему под ноги Шорин.

Тот, всхлипывая, съежился.

Я очень хорошо помню эту листовку с портретом советского командира-артиллериста.

Что знали мы о Якове Джугашвили и вообще о семье Сталина? Ничего. Это в наше время стали появляться материалы, рассказывающие о судьбе старшего сына Сталина.

Родился Яков в 1907 году в Грузии. Его мать, Екатерина Сванидзе, умерла двадцатидвухлетней, оставив восьмимесячного сына на воспитание своей старшей сестре. В 1921 году Яков переезжает в Москву в новую семью отца. После учебы в Московском институте железнодорожного транспорта, выполняя пожелание отца, поступает в Артиллерийскую академию имени Ф.Э.Дзержинского, которую оканчивает в мае 1941 года.

Когда началась война, Яков добился отправки на фронт. В июле шли тяжелые бои на витебском направлении. Фашистские танковые армии рвали наш Западный фронт на части. Советские войска мужественно сражались, нанося по врагу контрудары. В одном из таких тяжелых боев участвовал и 14-й артиллерийский полк 122-миллиметровых гаубиц, где командиром батареи служил старший лейтенант Яков Джугашвили.

В многодневных и непрерывных боях с немцами погибали целые части. Была разбита и батарея Якова Джугашвили, а ее комбат на двадцать пятый день войны попал в плен. Вначале немцы не знали, что это сын Сталина. Но потом один из военнопленных выдал его.

Фашисты предложили Якову написать письмо семье — отказался, предложили передать по радио послание домой — тоже отказ. А когда намекнули насчет агитационной листовки с призывом к воинам Красной Армии сдаваться в плен — презрительно усмехнулся в ответ. И все же гитлеровцы листовку сфабриковали, поместив на ней сделанную скрытой камерой во время допроса фотографию Якова.

Вот дословный текст этой фальшивки:

“В июле 1941 года старший лейтенант и командир батареи Яков Джугашвили писал своему отцу Иосифу Сталину: “Дорогой отец, я нахожусь в плену. Я здоров. Скоро меня переведут в офицерский лагерь в Германии. Обращение хорошее. Желаю тебе здоровья. Привет всем, Яша!”

Следуйте примеру сына Сталина! Он сдался в плен. Он жив и чувствует себя прекрасно. Зачем же вы хотите идти на смерть, когда даже сын высшего начальника сдался в плен? Мир измученной Родине. Штык в землю!”

Мы и тогда не верили этой фальшивке. Знали: не мог сын Сталина так поступить. Не мог, как бы ни пытали его. Теперь документально

подтверждено. Да, Яков Иосифович Джугашвили 16 июля 1941 года под Витебском в бессознательном состоянии был захвачен в плен. Допрос начался 18 июля 1941 года вечером в штабе фельдмаршала Клюге. Его вели кадровые фашистские разведчики. Под столом был спрятан магнитофон. Сначала выпытывали обстоятельства пленения.

— Вы сдались добровольно или вас захватили силой?

— Нет, не добровольно. Меня взяли силой. Откровенно говоря, я застрелился бы, если бы своевременно обнаружил, что полностью изолирован от своих.

— Считаете ли вы плен позором?

— Да, считаю позором.

— С отцом о чем-либо говорили в самый канун войны?

— Да, последний раз двадцать второго июня.

— Что сказал вам отец при расставании двадцать второго июня?

— Сказал: иди и сражайся.

— Считаете ли вы, что ваши войска еще имеют шанс на победу в этой войне?

— Да, считаю. Борьба будет продолжаться.

— А что произойдет, если мы вскоре займем Москву, обратим в бегство вашу власть и возьмем все под свое управление?

— Не могу себе такого представить.

— А ведь мы уже недалеко от Москвы, так почему же не представить, что мы ее захватим?

— Позвольте контрвопрос: а если вы сами будете окружены? Уже бывали случаи, что ваши части, прорвав наши боевые порядки, были позже окружены и уничтожены.

— Для чего в Красной Армии комиссары? Каковы у них задачи?

— Обеспечивать боевой дух и политическое руководство.

В другой раз уже в штаб-квартире группы войск фельдмаршала Бока в конце допроса Якова спросили:

— Итак, вы заявляете, что не верите в победу Германии?

— Нет, не верю, — ответил Яков.

Для него начались дни, месяцы и годы скитания по разным концлагерям. Фашисты не раз предлагали сыну Сталина изменить Родине и перейти к ним на службу. Позже они даже хотели обменять его на Паулюса. Будучи советским воином, Яков Джугашвили остался верен Военной присяге. 14 апреля 1943 года он был расстрелян в концлагере Заксенхаузен.

За мужественное поведение в плену Яков Иосифович Джугашвили в 1977 году посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

Я не случайно вспомнил о Якове Джугашвили. Как ни старались фашисты подорвать нашу веру в Сталина, убедить нас в том, что его сын у них в плену, мы были уверены: Сталин, именно он и никто другой, приведет нас к победе. Настолько высок был тогда его авторитет.

В самые трудные дни, когда немцы подходили к Москве, Сталин оставался в столице. И мы под Ленинградом знали: он на посту, он на работе и, значит, враг будет остановлен и уничтожен.

Я, так же как и другие советские люди, верил Сталину. Не буду поэтому сегодня задним числом говорить, будто всегда считал его преступником. Нет, мне тогда, как и многим, казалось, что Сталин — личность исключительная, гениальная.

Четыре долгих года его имя вело нас в бой. До самого Берлина. И я покривил бы душой, сказав, что это было не так.

Да, мы шли в бой с именем Сталина, потому что оно олицетворяло для нас Родину, Отечество. Теперь культ личности Сталина развеян, преступления его известны. Но живо родное Отечество, во имя которого и шли мы в бой, которое наш народ защищал от врага. И я горжусь, что в это трудное время был вместе со своим народом.

А с комсомолкой Ириной мы встретились еще раз в конце сентября 1944 года в городе Таллине. Она воевала в составе одного из партизанских отрядов. Сразу узнала меня и очень обрадовалась встрече. В середине разговора к нам подошел высокий, красивый блондин-эстонец. Тоже партизан. Ирина представила парня как своего жениха. К сожалению, я вскоре забыл его фамилию. Но до сих пор помню, какими счастливыми были глаза Ирины, как радостно она улыбалась. Даже орден Красной Звезды на ее ладно сшитой гимнастерке показался мне необыкновенно ярким. Больше я Ирину не встречал. Где она? Жива ли? Может быть, прочтет эти строки и напишет мне. Отзовись, Ирина.

ЗАКОН АТАКИ

И снова мы на марше.

Погода вновь не балует нас. Дождь льет и льет. Вымокли до нитки, на ногах пудовой тяжестью налипла грязь. Опять по лесным дорогам мы идем на восток в арьергарде отходящих войск. Задача — за ночь преодолеть полсотни километров и занять оборону у села Гостилицы, перекрыв шоссе, ведущее к Петергофу. Сразу после марша беремся за лопаты. Подправляем траншеи и окопы, вырытые на околице Гостилиц частями, которые стояли здесь до нас.

Не успели закончить работу, как к обходившему позиции Шорину подбежал взволнованный курсант Александр Салобаев:

— Товарищ майор, по шоссе идут танки, а за ними пехота...

“Танки! Танки!” — встревоженно пронеслось по окопам.

Командир роты лейтенант Бурнос обходит притихших курсантов:

— Чего приуныли? Чай не впервой.

Человек редкой доброты, заботливый командир, Бурнос, как никто другой, понимал курсантов. И если остальные требовали от нас прежде всего смелости, решительности, отваги, то Бурнос, словно врач, заботился в первую очередь о наших нервах.

“Не нервничать, товарищи курсанты, — повторял он, — нервозность ослабляет душевные силы”.

И он был прав, наш добрейший командир. Если ты спокоен, то и действуешь уверенно. Не дрожит твоя рука, точно в цель летит граната, меткая пуля разит врага. Хладнокровие — половина успеха в бою.

...Смотрим на Бурноса, и его выдержка и спокойствие передаются нам: готовим связки гранат, бутылки с горючей смесью. Действительно, не в первый же раз прут на наши окопы ненавистные железные коробки с ломаными крестами!

Трудно подсчитать, сколько раз в тот день немцы атаковали позиции батальона, непрерывно обстреливая нас из орудий и минометов. Один из снарядов попал в пулеметный окоп. Павел

Теплых был убит. Контузило Ивана Топиху. Из ушей у него хлынула кровь, и он перестал слышать. Василий Майдигов тоже был контужен, но, преодолевая боль, продолжал упорно вести огонь. Ему помогал Топиха...

Батальон упорно отбивался. Мы теряли наших товарищей. Но мысли об отходе не было ни у кого. Знали: за нами в селе Гостилицы не успевшие эвакуироваться госпитали с ранеными, тыловые подразделения, за нами — Ленинград!

С одним из госпиталей, находившихся в Гостилицах, должен был уехать и Евгений Гагарин. В последнем бою он чуть не сгорел заживо. Пытаясь уничтожить фашистский танк, Женя схватил две бутылки с горючей смесью и выскочил ему навстречу. Но едва замахнулся, как в одну из бутылок попал осколок. Гагарина обдало горящими брызгами. Мгновенно вспыхнула одежда. Несмотря на это, словно не замечая охватившего его пламени, Женька живым факелом рванулся к танку и метнул в него вторую бутылку. Вражеская машина запылала.

Мы со всех ног кинулись к товарищу. Песком, одеждой, руками принялись сбивать с него пламя, а потом сильно обгоревшего, чуть живого отнесли в медсанбат.

И вот перед самым боем Женька Гагарин вдруг неожиданно появился среди нас. Весь в бинтах, с незажившими ранами, но бодрый и счастливый. “Я вернулся!” — радостно сказал он нам.

Бесконечный бой продолжался. Гитлеровцы вплотную подступили к нашим окопам, а у нас уже нет патронов, кончились гранаты...

— В штыки! — прозвучала команда комбата.

Вместе с остальными, схватив винтовку убитого товарища, поднялся во весь рост и Женя Гагарин.

Мы и на этот раз отбили атаку. Но многих не досчитались. Погиб и Женя Гагарин. В тот день, 7 сентября 1941 года, ему исполнилось ровно двадцать лет.

И не будь этой проклятой войны, он, конечно, дожил бы до того апрельского дня, когда его однофамилец Юрий Гагарин первым среди людей планеты взлетел в космос. Я представляю себе, как радовался бы наш Женька. Уж он обязательно сказал бы с улыбкой: “Мы, Гагарины, все такие!”

Что мы успели узнать о Жене Гагарине до войны? Москвич, служил на дальневосточной границе. В наше училище был направлен как отличник пограничной службы. Увлекался поэзией. Без памяти любил Москву. “Нет, этого не опишешь! Это надо видеть собственными глазами!” — восклицал он, рассказывая о любимом городе, и его синие глаза светились восторгом.

Немало лет прошло с тех пор, многое стерлось в памяти. Но Женю Гагарина буду помнить всегда. Снова и снова сквозь полувековую толщу времени вижу радостное лицо друга. “Я вернулся!” — кричит он мне.

Знаменитые Порожки. Навсегда запомнили курсанты название этой ничем не примечательной деревни, которая в начале осени сорок первого года неожиданно приобрела важное значение для воюющих сторон. Захват этого населенного пункта открывал противнику путь на Петергоф и оттуда на Ленинград.

8 сентября ценою больших потерь немцам удалось занять Порожки. Угроза захвата Ленинграда стала реальной.

Решением Военного совета Ленинградского фронта многие тысячи горожан были мобилизованы на строительство внутренней (городской) зоны обороны.

Сталин направил командующему Балтийским флотом вице-адмиралу Трибуцу телеграмму с приказанием заминировать корабли и уничтожить их, если не будет другого выхода. А начальнику инженерных войск Ленинградского фронта полковнику Бычевскому было передано постановление Военного совета — подготовить к разрушению Ленинградский железнодорожный узел.

В срочном порядке формировались морские бригады. С Карельского перешейка в состав 42-й армии перебрасывались некоторые части.

Наш батальон в это время находился в районе деревни Большие Илики. Ему была поставлена задача: ночью по лесам и болотам совершить двадцатикилометровый марш, выйти во фланг наступающей немецкой части в районе Порожек и вместе с 1062-м стрелковым полком 281-й дивизии решительной атакой овладеть деревней.

Задача была не из легких. Жители Ленинграда, готовясь к обороне города, вырыли вокруг Порожек глубокие траншеи, противотанковый ров, построили много дзотов. Вот эти-то хорошо подготовленные

оборонительные сооружения и заняли немцы. И выбить их оттуда — все прекрасно понимали это — будет нелегко.

И вот идем. Снова ночь и липкая грязь под ногами. Думаем о предстоящем бое, о тяжелом положении на Ленинградском фронте.

И вдруг внезапная радостная весть — наши взяли Ельню! Только что радист Василий Гнатишин принял сводку Советского Информбюро о разгроме ельнинской группировки противника. Город Ельня освобожден, уничтожено пятьдесят тысяч солдат и офицеров фашистской армии. И самое главное — план противника с ходу пробиться к Москве сорван.

После войны я узнал, что командовал войсками 24-й армии Резервного фронта, разгромившей ельнинскую группировку противника, тридцатидевятилетний генерал-майор погранвойск Константин Иванович Ракутин. Путь генерала Ракутина к Ельне был нелегким. Бывший деревенский паренек, он прошел гражданскую, прослужил около восьми лет на дальневосточной границе и вскоре после окончания Военной академии им М.В.Фрунзе был назначен начальником войск Прибалтийского пограничного округа. На этом посту Ракутин и встретил войну. Командуя 24-й армией, генерал Ракутин именно здесь, в Смоленском сражении, сумел проявить свои лучшие командирские качества.

Скупой похвалы удостоился он в «Воспоминаниях» Георгия Константиновича Жукова, который командовал в то время Резервным фронтом.

«В штаб 24-й армии, — пишет Жуков, — приехали поздно вечером. Нас встретили командарм К.И.Ракутин и командующие родами войск. К.И.Ракутина я раньше не знал. Доклад его об обстановке и расположении войск армии произвел на меня хорошее впечатление».

К сожалению, рано оборвалась жизнь талантливого командарма. Он погиб в октябре 1941 года, когда выводил войска армии из окружения в районе Вязьмы.

Над головой низко висело хмурое сентябрьское небо, словно из сита, без конца сеял надоевший мелкий дождь.

Уже близко Порожки. Но скрытно подобраться к ним было невозможно. Впереди — чистое поле, поросшее мелкой травой, за ним, метрах в четырехстах, прямо перед деревней, — линия траншей и блиндажей.

Шорин решил идти в атаку с восточной стороны, где к Порожкам примыкала роща. Это был единственный путь, позволявший скрытно приблизиться к переднему краю противника.

— Наступать надо, во-первых, безостановочно, а во-вторых, молча, без выстрелов, — сказал комбат комиссару.

— Психическая атака, что ли? — усмехнулся тот.

— Скорее психологическая, — ответил Шорин. — Еще Михаил Васильевич Фрунзе говорил об этом. Помнишь? Нападение всегда действует угнетающе на противника уже одним тем, что обнаруживается воля более сильная. На это и рассчитываю. Фашисты уже около месяца топчутся на месте. Несут потери. Моральная стойкость немцев подавлена. Так что при виде бегущих в атаку и не стреляющих бойцов могут не выдержать.

— А если выдержат? — не унимался комиссар.

— Тогда плохо. Будем уничтожены все до одного. Поэтому прошу тебя, Василий Михайлович, разъяснить ребятам, что нас ждет и в чем наш долг. Иди вместе с политруками к курсантам и скажи им самое главное. Нам необходима эта победа. Как воздух, необходима, чтобы задержать фашистов хотя бы на сутки, — Ленинград в опасности.

В это время на командный пункт батальона прибыл член Военного совета 8-й армии дивизионный комиссар Чухнов. Я ждал приказа на наступление, чтобы передать его командиру роты, и слышал, как Чухнов сообщил Шорину и Образцову о том, что новый командующий Ленинградским фронтом генерал армии Жуков приказал, чтобы лично командующий 8-й армией генерал-майор Щербаков и все его генералы повели полки в атаку. Сам Чухнов должен был возглавить атаку 1062-го стрелкового полка 281-й дивизии, наступавшей правее нас.

Позже, уже после войны, сам Щербаков так объяснял причины, заставившие Жукова отдать такой приказ.

Войска 8-й армии, начав боевой путь от границ, сделали немало, чтобы сорвать планы немецкого командования. Однако силы армии иссякли. Она вынуждена была отходить.

Прибывавшие в армию с проверкой не всегда вникали в обстановку. Они лишь метали громы и молнии в адрес командиров дивизий и самого командарма. Дескать, плохо управляют войсками, не видят поля боя и прочее. И докладывали все это наверх.

Очевидно, полагал Щербаков, на основании такой необъективной и недостоверной информации Жуков и издал свой приказ.

...Приближалось время атаки. Каждый знал, в чем состоит замысел комбата, понимали, что бой предстоит особенный.

Последние минуты перед атакой... Кажется, что время остановилось. Скорей бы... Стараясь унять охватившее меня волнение, вспоминаю, чему учил молодых бойцов перед боем Константин Каукин.

“Когда наступаешь — не сучивайся, держись от соседа на шесть — восемь шагов. Безостановочно продвигайся вперед и по команде на ходу веди огонь. Стреляй спокойно и метко”.

А в конце беседы сказал:

“Не страшись смерти, и смерть будет бояться тебя. Идешь в бой — твердо верь в победу. В народе правильно говорят: смелого пуля боится, смелого штык не берет!”

Наконец подан сигнал “В атаку!”. Мы двинулись ползком вперед. Быстро работаю локтями и слежу краешком глаза за политруком Габовым. Он энергично ползет по-пластунски, опережая всех. Вдруг слышу его глуховатый голос:

— Вперед, ребята, вперед! Долго ползать по сырой земле нельзя — еще простудимся.

Вот это да! Он еще находит силы шутить! Даже на душе полегчало. И уже не холодом, а горячим потом покрывается тело.

Ползут, ползут... 1-я и 2-я роты, маскируясь в невысокой траве. Командир батальона — со 2-й ротой.

Немцы, видимо, почуяли неладное и, как только мы появились на опушке рощи, открыли минометный огонь, как раз когда мы выскочили на открытое место. Все кругом простреливается. Но чему-чему, а ползанию по-пластунски мы научились здорово — сразу же вышли из-под обстрела. И опять вперед: быстро, бесшумно, скрытно, так, чтобы слиться с землей, стать ее частицей, как та кочка, камень или пучок травы.

До противника остается метров двести. Немцы усиливают огонь. Бьют пулеметы и минометы. Строчат автоматные очереди.

Я ползу, цепляясь руками за кочки и коряги. “Быстрее! — подгоняю сам себя. — Еще быстрее!” Гимнастерка, брюки, даже pilotка пропитались жидкой грязью, в сапогах хлюпает вода, руки покрылись ссадинами и царапинами.

Внезапно мне кажется, что я один ползу по раскисшей осенней земле. Остановился на мгновение. Не поднимая головы, осмотрелся. Нет, все в порядке. Рядом мои товарищи: Сорокин, Авакян и другие.

Левее вижу, как ползком продвигается взвод лейтенанта Логинова, справа — рота лейтенанта Парахалина.

Вперед! И я снова энергично заработал локтями.

Через минуту казавшееся пустынным поле вдруг оживает. Поднятые с земли единой волей командира, роты бегут вперед! Слышу, что-то кричит курсантам лейтенант Степанов. Нас точно кнутом подстегивает пулеметный огонь противника. Вперед!

Рядом застонал раненый. Но нельзя задерживаться, даже возле раненых. Таков жестокий закон атаки. Раненые сами окажут друг другу первую помощь. Уж потом подспеют санитары. А убитых... Убитых подберут специальные команды. Сейчас главное — быстрее достичь цели, уничтожить врага, иначе он не пощадит нас.

Я согласен с Александром Васильевичем Суворовым, который учил: “Побив врага, вспомни о раненых. Кто о них хлопчет во время боя и оставляет ряды, — плохой солдат, а не сердобольный человек. Не товарищи ему дороги, своя шкура ему дорога. Побьешь — всем будет хорошо — и здоровым и раненым!”

Лейтенант Бурнос бежал впереди всех. Он хорошо видел нависшую над его ротой “раму” — фашистский самолет-разведчик. Бурнос по опыту знал, что опасаться “рамы” нечего — без поддержки своих истребителей она на снижение не пойдет и на одиночные цели боеприпасы тратить не станет, и поэтому старался внимания на фашиста не обращать.

Но что-то на сей раз взбрело в голову гитлеровскому летчику. То ли слепая ненависть к русским руководила им, то ли легкой добычей показался ему бегущий впереди всех боец, только не пожалел он для одного лейтенанта целой кассеты.

Бурнос упал, попытался подняться, но тут его накрыла вражеская мина — прямое попадание! Жгучая боль пронзила наши сердца. Прощай, Дмитрий Григорьевич!

Вместо погибшего Бурноса во главе роты стал политрук Габов. Почувствовав ответственность за людей, за судьбу боя, он преобразился на наших глазах. Даже как будто ростом еще выше стал.

Откровенно говоря, мы не ожидали, что Габов будет вот так спокойно и уверенно отдавать команды, действовать четко и грамотно. Он руководил ротой так, как будто делал это всю жизнь.

Справа от нас шли в наступление ополченцы 281-й стрелковой дивизии. Ими командовал наш преподаватель тактики и топографии старший лейтенант Харин. Коренастый, даже немного полноватый, он резко выделялся среди ополченцев своей формой пограничника, и поэтому, наверное, оказался удобной мишенью для немцев. Его вскоре ранило. Но и раненый, Харин не покинул поля боя. Он был единственным командиром среди ополченцев и понимал, что заменить его некем.

С правого фланга по нашей роте ударил из амбразуры фашистского дзота крупнокалиберный пулемет. Курсанты залегли. Наступление замедлилось. Надо было во что бы то ни стало уничтожить врага — метнуть в дзот гранату. Но как пробежать под огнем эти несколько десятков начиненных смертью метров? Кто рискнет? У кого хватит мужества?

Первым вскочил Филипп Гречко. Оказавшись ближе всех к пулемету, он молниеносно преодолел опасный участок и бросил в дзот гранату. Перед амбразурой взметнулся столб земли. Молчание... и новая вспышка огня — дзот уцелел. Филипп бросился к пулемету со второй гранатой, не обращая внимания на огонь. До огневой точки остается несколько метров. И тут Гречко резануло свинцовой струей в грудь. Собрав последние силы, он делает шаг, другой... Раздается взрыв, все окутывается дымом. Вражеский пулемет замолк.

На амбразуре дзота осталось лежать распластанное, изрешеченное пулями и осколками тело Филиппа Гречко.

Мы смотрели молча, потрясенные самоотверженным поступком товарища. Вот как надо ненавидеть врага. Вот как надо защищать Родину!

До войны мы пели: "И когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой..." На деле все оказалось иначе. Были дезертиры, предатели, самострелы и те, кто ловко устраивались в тылах и там получали ордена.

Но были и такие люди, как Филипп Гречко. Это о них мы говорим — герои! Ими гордились, с них брали пример. Благодаря им становились лучше, храбрее, благороднее.

...Подвиг Филиппа Гречко словно вдохнул в нас новые силы. Рота рванула вперед. Под шквальный огонь пулеметов, под разрывы мин, навстречу врагу.

Немало еще будет сражений в моей фронтовой судьбе. Многие забудутся, но этот дерзкий бой у деревни Порожки я запомню на всю жизнь.

Когда первые цепи приблизились к траншеям противника, прозвучал голос нашего комбата:

— За мной! Бегом!

И в едином порыве ринулся на фашистов курсантский батальон. Уже ничто не могло остановить его. Гитлеровцы почувствовали это. Произошло то, на что рассчитывал Шорин. Ощувив мощь стремительно надвигающейся силы, не просто физической, но силы высшего порядка, немцы оцепенели от ужаса. Перестав стрелять, смотрели они, как бегут и бегут без единого выстрела курсанты-пограничники. Все ближе и ближе!

И немцы не выдержали. Заметались по траншее, в панике бросились в деревню.

Только теперь был подан долгожданный сигнал. “Огонь!” — волной прокатилось по цепям. Тут уж мы не поспешили: ни на пули, ни на гранаты. Сметая уцелевших фашистов, курсантские роты ворвались в Порожки и вскоре вышли на ее противоположную окраину. Немцы, побросав оружие, бежали.

Бегущий враг. Это вообще самое прекрасное зрелище, а в ту нелегкую осень сорок первого — тем более.

В освобожденной от немцев деревне мы обнаружили полусгоревший сарай, а в нем обуглившиеся трупы пятнадцати наших раненых красноармейцев. Чтобы обреченные на мучительную смерть жертвы не смогли выбраться наружу, гитлеровцы замкнули ворота тяжелым амбарным замком. Нет, нельзя было назвать людьми тех, кто совершил это чудовищное преступление! В бессильном гневе сжимая кулаки, глядели мы на погибших.

— Поклянемся, товарищи, — гневно воскликнул Габов, — поклянемся, боевые друзья, что никогда не простим им этого страшного злодеяния!

— Клянемся! — отвечали курсанты. — Клянемся! Отомстим за всех погибших!

В нашей Советской Армии, как и в дореволюционной Российской, было совсем иное отношение к пленным. Никогда русские войска не пятнали себя зверствами, издевательствами над пленными. Кровь можно проливать лишь в бою — таков

был неписанный, но свято соблюдавшийся закон. У фашистов же такие понятия, как порядочность, человечность, отсутствовали.

Думаю, что вряд ли фашисты так зверствовали бы, зная, что их не минует возмездие. Но они слепо верили своему фюреру, были убеждены: пройдет всего несколько недель и фашистская Германия победит Советский Союз. Легкие победы, одержанные вермахтом над Польшей, Францией и другими странами Западной Европы, подтверждали правильность их убеждений. И только Советская Армия смогла доказать, как они заблуждались.

В этом бою у деревни Порожки погибло 26 наших боевых товарищей. Среди них командир 1-й роты лейтенант Дмитрий Бурнос, мои товарищи курсанты Степан Московец, Василий Кузнецов, Петр Кардашев. Многие получили ранения.

Был ранен и наш командир взвода лейтенант Степанов. Как это случилось, никто не видел. Лишь когда батальон ворвался в деревню, я заметил, что Степанов бежит, странно пошатываясь. Увидел его мертвенно-бледное лицо и пропитанный кровью рукав гимнастерки. Подхватив командира, отвел его в укрытие, хотел вспороть рукав. Он остановил меня:

— Не надо, наложи только жгут... Возле плеча...

Оказалось, лейтенант был ранен разрывной пулей в правую руку.

Немного отдохнув, мы отправились к медпункту. Там работали наши славные девушки-сандружинницы: Вера Царева, Катя Алексеева, Аня Дюкова, Зоя Чередникова и Аня Славнова. А руководил этой девичьей командой военфельдшер батальона Абрам Найвельт.

Для Найвельта муки и страдания раненого были и его сердечной болью. Всегда, где бой, где кромешный ад и огонь, там он и его люди. Проявляя чудеса врачевания, вырывали они раненых из цепких лап смерти.

Никогда не бывало у нас такого, чтобы раненый не был своевременно эвакуирован с поля боя. Только одному Богу было известно, откуда Найвельт доставал лошадей. А его знаменитые собственной конструкции одноконные вьючные носилки на седле!

К ним надежно и удобно крепили раненого. Лошадь с такими носилками заменяла, как правило, четырех человек. А что такое для взвода четыре человека — знает каждый фронтовик.

Я и сейчас часто вспоминаю нашего Найвельта, особенно посещая различные лечебные заведения. Удивительно, сколько в нем было доброты, чуткости, внимания. Их хватало на всех раненых. Никогда наш военфельдшер не суетился, не спешил попусту, но и на завтра ничего не оставлял.

В надежные руки Найвельта я и передал своего командира.

На прощание, перед отправкой в госпиталь, Степанов подарил мне свой пистолет ТТ и планшет. До конца войны провоевал я с оружием командира и очень гордился этим.

“Неужели когда-то мы недолюбливали Степанова?” — думал я, возвращаясь из медпункта. Нет, такого и быть не могло. Не верилось, что когда-то нашего командира Шорин отчитывал за высокомерное отношение к курсантам. Как давно это было... Еще до войны.

А теперь? Да мы просто души не чаяли в нашем взводном. Ни с каким начальством не посчитается из-за подчиненного. За ним — как за каменной стеной. Умел слушать и слышать другого. Отцом родным был для курсантов. А самому всего 22 года. Поблажки нам не давал, был строг и принципиален. Но в бою за подчиненных не прятался, всегда шел впереди.

Эталон честности и воинской доблести был для нас лейтенант. Хотелось подражать ему, все делать, как он. Наверное, о таких, как Степанов, говорил Максим Горький: “Около хорошего человека потрешься — как медная копейка о серебро — и сам за двугривенный сойдешь”.

Что стало с Александром Христофоровичем Степановым, как сложилась его дальнейшая судьба, мне удалось узнать лишь спустя много лет...

Думал о нашем взводном, о том, как старались мы брать с него пример, и вспомнил курсанта Мишу Реву. Во всех боях он участвовал, бывал в разведке, не раз сходил с врагом в рукопашной, вступал в единоборство с танком. И никогда не осторожничал, не прятался за спины товарищей. Всегда старался взвалить на себя ношу потяжелее, шел туда, где опаснее.

Провожая Миханла на фронт, молоденькая жена его Аня, совсем еще девчонка, приговаривала сквозь слезы:

— Ты не бойся, ты воюй спокойно, я буду тебя ждать.

Михаил часто писал молодой жене, используя каждую свободную минутку. И от нее получал много писем. Почти в каждом Аня просила Михаила побережь себя, быть поосторожней. Ему были приятны эти слова жены. Значит, любит, волнуется за его жизнь. Но выполнить ее просьбу не мог.

“Ты, Аня, все пишешь мне, чтобы я в бою был поосторожнее, — отвечал Михаил. — Пойми меня, пожалуйста, правильно. Это невозможно. Я командир отделения. А с кого же будут брать пример курсанты, если командир начнет прятаться в воронках. Нет, я не могу так поступать. Беру пример с нашего комбата Шорина. Он всегда думает прежде всего о других и о победе в бою, а не о том, как бы спасти свою шкуру!”

Бой у деревни Порожки стал для Михаила Ревы последним. В кармане гимнастерки мы нашли неотправленное письмо жене.

“На мою долю выпало большое счастье — защищать город Ленина, — писал Михаил. — Если надо будет отдать жизнь во имя выполнения поставленной командованием задачи, я отдам ее с гордостью.

Очень часто вспоминаю тебя, дорогая. Часто стоишь перед моими глазами. Я не представляю будущего без тебя. Береги нашего сына”.

Анна Григорьевна Рева не вышла больше замуж, осталась навсегда верна своей единственной любви. И так же навсегда остались в сердце Михаила слова ее последнего письма:

“Любимый мой! Мишенька! Я жду тебя. Лишь бы ты вернулся! Каким угодно. Без рук, без ног, но лишь бы живой!”

Середина сентября. Обстановка под Ленинградом продолжала оставаться тяжелой. Наши войска отражали натиск 4-й танковой группы и 18-й армии немцев, штурмом пытавшихся взять город. Воины Ленинградского фронта и Балтийского флота, проявляя невиданное мужество и упорство, делали все для того, чтобы не допустить противника к городу.

И все же под ударами врага наши войска отступали, оставляя позицию за позицией. Порой отступление приобретало хронический характер, особенно когда происходил самовольный отход, а командиры проявляли нерешительность, не препятствуя уходу бойцов с поля боя.

Новый командующий фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков, сменивший маршала Советского Союза Клементя Ефремовича Ворошилова, считал обстановку критической, но полагал, что еще не все потеряно. Во что бы то ни стало следовало добиться психологического перелома в войсках.

Первым шагом к такому перелому стал приказ Военного совета Ленинградского фронта от 17 сентября 1941 года. Приказ был кратким, но емким!

“1. Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинградского рубежа... Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, оборонявшему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу.

2. Настоящий приказ командному и политическому составу объявить под расписку. Рядовому составу широко разъяснить”.

Вот такой был приказ.

На фронте в каждом приказе “клекот”. Потому что фронт — это совсем другой, сдвинутый мир. И то, что фронтовику кажется естественным, потому что он каждый день и каждую ночь смотрит смерти в глаза, вне фронтовой полосы, а тем более в мирное время, уже представляется жестоким.

Сейчас иногда слышим: какие рукопашные? Вы что, сдурели — грудью на пулеметы? Происходит дегероизация войны, в которой мы одержали величайшую из побед. Дегероизация — явление опасное, потому что в конце концов воспитание на антигероях приводит к антипатриотизму. Темное будущее у государства, в котором так воспитывается подрастающее поколение.

Но, конечно, дело не ограничилось только суровым приказом. Были усилены оборонительные работы во фронтовом масштабе: отрывались траншеи полного профиля, сосредоточивались крупные артиллерийские группировки на основных направлениях наступления немцев. Для стрельбы прямой наводкой по танкам впервые в истории Отечественной войны применялись зенитные орудия. Ленинградцы, работая день и ночь, пополняли войска оружием и боеприпасами. И это были еще не все меры, принимаемые Военным советом. Поредевшие в боях части усиливались за счет сокращения штабов, тыловых подразделений.

Многие раненые воины, досрочно выписываясь из госпиталей, спешили на передовую.

В результате оборона приняла затяжной и упорный характер. Противник нес большие потери.

Фашистское командование, убедившись в прочности обороны советских войск и провале замысла захватить Ленинград с ходу, перебросило свою танковую группу под Москву.

Вот такую роль сыграл жестокий приказ командующего фронтом. Не выполнить его было нельзя. Мне самому довелось быть свидетелем того, как расстреляли несколько человек, нарушивших этот приказ. Тяжелое, жуткое зрелище. Не берусь судить, насколько справедливыми были эти очень строгие меры. Знаю только, что они заставляли людей перебороть себя, подавить страх, найти нужные силы, обрести волю, чтобы не поддаться панике и достойно выполнить свой солдатский долг.

ЭКЗАМЕН СДАНИ

Закончился еще один боевой день. Сидим в землянке. Вспоминаем, как недавно фашисты решили воздействовать на нас не силой оружия, а словом.

Сначала усиленное динамиком прозвучало:

— Сейчас перед вами выступит ваш курсант Константин Каукин.

И затем мы слышали рассказ с биографией Каукина: где родился, каким военкоматом призывался, в какой части служил. В конце о том, какой замечательный прием ему оказали фашисты, как здорово его кормят, и о том, что самое лучшее для всех нас — последовать примеру Каукина, добровольно перейти на их сторону...

Самым смешным было то, что это выступление Каукина, сидя рядом с нами, слушал сам... Каукин. Его гневу и удивлению не было предела. Стали разбираться что к чему. Тут-то и выяснилось, что еще в боях за Порожки у Кости осколком вырвало карман гимнастерки, где хранилась красноармейская книжка. Утерянным документом и воспользовались фашистские провокаторы.

Мы снова и снова вспоминали рассерженное лицо нашего товарища, свое недоумение. И как мы то принимались ругать немцев, то подшучивали над раздвоившимся Каукиным.

Внезапно резко отлетает в сторону плащ-палатка, прикрывающая вход, и в проеме появляется высокая фигура Алексея Габова, недавно назначенного командиром роты вместо погибшего лейтенанта Бурноса. Габов входит в землянку и некоторое время стоит согнувшись, глядя на нас большими серыми глазами. В землянке наступает тишина. Слышен лишь треск сучьев в маленькой печурке. Потом он проходит и садится у огня.

— Завтра предстоит разведка, ребята. — Голос у ротного мягкий, грудной. — Противник что-то затевает. Торопится в Ленинград. Видно, готовится к новому штурму. Нужен "язык". Командир отделения задачу уже получил.

Последние слова относились ко мне. Да, я теперь командовал отделением. Все ребята как на подбор: Майдииков, Басов, Букань, Авакян, Кочерыжкин и Сорокин. Дружные, смекалистые, не раз

бывали в огненных переплетах. Завтра предстоит трудный день, и Габов пришел поговорить с нами перед заданием. Таков его командирский стиль — обсудить со всеми в деталях предстоящую операцию. Не потому, что не доверяет мне. Просто считает это своим долгом.

Алексей Аристархович показал наш путь по карте и предупредил:

— Дело предстоит очень серьезное и опасное. Кто хочет, может отказаться. В разведку, как вы знаете, ходят на добровольных началах.

Отказавшихся не было.

Еще некоторое время обсуждали детали предстоящего задания. Затем Габов обратился к Коле Кочерыжкину и Яше Басову:

— Я сегодня с партгором Саенко о вас разговаривал.

Ребята недоуменно посмотрели друг на друга.

— Чего переглядываетесь? Забыли? Я насчет того, не истек ли у вас кандидатский стаж? Не пора ли вам вступить в партию?

Яков застенчиво ответил:

— Мы хотели просить у вас рекомендации после возвращения из разведки.

Габов закурил свой неизменный “Беломор”, угостил нас. Землянку заволокло папиросным дымком. Вынув из планшетки аккуратно сложенные вдвое листы бумаги, протянул ребятам.

— Надеюсь, не подведете.

Те развернули листки, быстро прочли их и чуть ни хором взволнованно ответили:

— Вот, спасибо... Не подведем.

— Хорошо. А пока отдыхайте.

Командир роты повернулся ко мне:

— Еще раз напоминаю: внезапность действует на врага ошеломляюще, особенно ночью. И не торопитесь, не суетитесь зря. Торопливость нужна — вы знаете где. Действовать спокойно, хладнокровно, смело. Ясно?

— Постараемся, — ответил я.

...На землю опустилась холодная и сырая сентябрьская ночь, закрыв всю землю черным покрывалом. И тут же над нашим передним краем повисли осветительные ракеты. Этот фейерверк всегда вызывал досаду: мы-то себе не могли такого позволить. А уж сейчас вообще

ни к чему было это освещение. Но к полуночи ракеты стали вспыхивать все реже, и мы, соблюдая меры предосторожности, двинулись вперед.

Сначала шли лесом, след в след, с боковым охранением и дозорными. Одетые в маскхалаты, сливаемся с темными стволами деревьев. Как ни стараемся, размокшая грязь хлюпает под ногами, и, кажется, так громко, что слышно за сто километров. За опушкой подошли к проволочному заграждению. Ночь лунная, светлая — видно все как на ладони. Пришлось подождать, пока луна скроется за тучей.

И как только стало темно, Авакян и Сорокин, мастера по саперному делу, быстро и ловко перерезали проволоку, разминировали проход, и мы осторожно двинулись дальше.

Теперь дело за нашими артиллеристами, которые должны в заранее установленное время открыть отвлекающий огонь. Пока он длится, мы должны обойти немецкую траншею и выйти на врага с тыла, откуда, конечно же, нас не ждут.

Зная, когда гитлеровцы меняют часовых, мы вошли в первую траншею. В это время наши артиллеристы открыли отсечный огонь. Первая траншея оказалась незанятой. Осторожно пробираемся ко второй. Она привела нас к полуразрушенному дому, под которым была оборудована огневая точка. Часовой заметил нас, окликнул, лягнул затвором. Мы не ответили и не спеша повернули по траншее вправо. Обошлось! Немец, видимо, принял нас за своих и не стал поднимать тревогу.

Продвигаемся вперед, чувствуя каждой клеточкой тела, как воздух наэлектризован опасностью. Идущий впереди Петр Букань заметил на бруствере ручной пулемет. Около него стояли два немца и, повернувшись в нашу сторону, сосредоточенно всматривались в темноту: видимо, что-то их насторожило. Букань метнул гранату. Кочерыжкин дал очередь из автомата. Кажется, гитлеровцы не услышали ни гранаты, ни автомата. Все потонуло в грохоте разрывов артиллерийских снарядов. Двигаемся дальше. Все чаще обращаю внимание на Николая Кочерыжкина. Что-то он слишком ухарствует. Обычно осторожный, Николай рвется вперед, не замечая ни свиста пуль, ни воя мин, ни разрывов снарядов. Несколько раз его осыпало землей, но он лишь отряхнулся — и снова вперед. Оторвавшись от нас, Николай не заметил, как оказался один в каком-то ходе сообщения.

— Хальт! Хенде хох!

Вдруг прямо перед Кочерыжкиным вырос фашист, потом еще один. Но Николай не растерялся. Делая вид, что сдается, он поднял левую руку вверх, а правой быстро выбросил вперед автомат и дал короткую очередь. Одного свалил сразу, но другой успел все же выстрелить. Пуля пробила Николаю левую руку.

...Вражеская оборона оживала. Справа застрекотали пулеметы, слева ударили автоматы. Бесперывно вспыхивали ракеты. В их сполохах мы увидели горбатый дзот с двумя конусообразными амбразурами, из которых рывкали крупнокалиберные пулеметы. Басов кинулся туда. Ему навстречу выскочил немец, на бегу вскидывая автомат. Но Басов опередил его, скосив автоматной очередью.

В это время Сорокин тащил захваченного в соседнем дзоте “языка”. Вставить ему в рот кляп не успел, и фашист кричал что есть мочи, отчаянно отбиваясь и кусаясь. Только уткнувшийся в грудь ППШ заставил его замолчать. Немец покорно вылез из траншеи и побежал вместе с нами. Гитлеровцы всполошились, открыли огонь. Я оглянулся вокруг: вот это да! И слева, и справа, и сзади — везде немцы!

Темное небо пересекают полосы трассирующих пуль. Прямо фейерверк какой-то! Куда идти — сразу не сообразишь: кругом все заминировано. А тут еще немцы орут: “Аус! Сдавайся!” Но это не входило в наши планы!

Басов швыряет гранату, и под прикрытием огня нашей артиллерии мы выбираемся из огненного пекла.

...Боевое задание выполнили. Вдобавок уложили несколько десятков фашистских вояк. Только вот Николай... Не уберегли мы товарища! Сначала его ранило в руку, а затем еще раз в живот... разрывной пулей. Он упал на землю, корчась от невыносимой боли. Даже застонать было нельзя — иначе немцы обнаружат. И Кочерыжкин, чтобы не закричать, до крови искусал здоровую руку. Через некоторое время к нему подбежал Вадим Авакян.

— Потерпи, Коля! Ну потерпи еще немножко. Ну потерпи, дорогой, сейчас ребята вернутся.

Николай еще крепче сжал зубы, пересиливая нестерпимую боль, и потерял сознание. Не слышал он, как ударили наши автоматы, не

видел, как взлетел на воздух фашистский дзот. Очнулся от легкого покачивания. Соорудив из плащ-палатки носилки, мы старались идти как можно осторожнее и в то же время быстро. Вот так и вернулись к себе, неся на руках смертельно раненного товарища. Пленный немец испуганно смотрел то на разведчиков, то на Николая, который уже перестал стонать.

Ребята осторожно положили носилки на землю. Опустившись на колени и склонясь над умирающим, Вадим Авакян просил товарища:

— Ну чего же ты, Коля, молчишь, теперь можно... Давай! Ты слышишь? Теперь можно кричать, родной... Ну покричи... — Он умоляюще смотрел в открытые глаза Кочерыжкина, которые уже начинало затягивать предсмертной пеленой. Николай молчал. Потом произнес одними губами:

— Не могу...

Голова его откинулась набок.

Утром парторг роты Николай Саенко назначил партийное собрание. Едва расселись в траншее, как дозорные просигналили: "Немцы!".

— Вот, подонки! — зло выругался Яков Басов. — Собрание не дадут провести по-человечески.

— По местам! — раздалась команда Габова.

Гитлеровцев, которые пытались приблизиться к нашим окопам, встретил плотный огонь пулеметов и автоматов.

Басов, оказавшийся на самом "бойком" месте, стрелял без передышки. Рядом поливали немцев из ручного пулемета два Николая — Столяр и Мизинов. Вскоре у Якова вышли все патроны. Замолчал и соседний пулемет. Оба пулеметчика были убиты. Фашисты, решив, что теперь им бояться нечего, полезли вперед.

"Ну нет, рановато вы обрадовались", — подумал про себя Яков. Припав к земле, ящерицей он молниеносно преодолел расстояние, отделявшее его от умолкшего пулемета. И вновь свинцовые очереди начали косить фашистов.

Атака была отбита, но только направились к траншее продолжить собрание — снова немцы.

Теперь они наступали справа, шли развернутым строем.

— Ни шагу назад! Стрелять по целям, цели по выбору, — прозвучала команда Габова.

Захлебнулась и вторая атака фашистов. Но, только отбив третью, мы смогли все же начать собрание.

Саенко зачитал заявление о приеме в партию Николая Кочерыжкина: “Прошу принять меня в Коммунистическую партию. Клянусь, что буду свято выполнять любую боевую задачу. Отдам всю свою энергию, свои знания и саму жизнь для блага Родины. А если погибну, прошу считать меня коммунистом”.

— Товарищи! — начинает Саенко и после паузы продолжает: — Хочу посоветоваться с вами, как быть. Можем ли мы принимать в члены партии воина, который, уходя в бой, просил считать его коммунистом, но погиб? Уставом такого не предусмотрено. Я полагаю, что мы вправе это сделать.

Решение приняли единогласно: “Слушали: заявление о приеме в ВКП(б) Кочерыжкина Николая Петровича, погибшего в борьбе с врагом социалистической Родины... Учитывая, что он желал бороться коммунистом, Кочерыжкина Николая Петровича считать членом ВКП(б) с момента подачи им заявления, то есть с 20 сентября 1941 года”.

На этом же собрании приняли в партию и Якова Басова.

Подходили к концу наши курсантские фронтовые будни. Позади остались пятьдесят боевых дней, которые многому нас научили. В тяжелейших сражениях мы выдержали свой главный экзамен.

3 октября 1941 года в Таменгенском лесу близ Порожек, сидя на пнях и поваленных деревьях, командиры и политработники батальона писали боевые характеристики, которые были одновременно и аттестациями на присвоение нам воинских званий.

Потом мы передадим позиции сменившим нас подразделениям и нас отправят в тылы 8-й армии. Мы долго будем с удовольствием париться в бане, но, лежа в чистом белье на мягких постелях, так и не сможем всю ночь сомкнуть глаз. Наверное, с непривычки.

А на следующий день член Военного совета 8-й армии дивизионный комиссар Чухнов поздравит нас с окончанием училища и присвоением званий политруков.

Я получу назначение в батарею минометного дивизиона полка Ораниенбаумом. Впереди у меня будет немало трудных боев. В

сентябре 1942 года стану командиром артиллерийской батареи и вместе с ней дойду до Берлина.

Все это будет потом...

А пока в Таменгенском лесу, пропахшем дымом и порохом недавних сражений, наши командиры выставляли нам, тем, кто остался в живых, оценки за экзамен, который мы сдавали на поле боя. И оценки эти были высокими.

О мужестве и стойкости курсантов-пограничников в те дни писали все фронтовые газеты. Наши действия были высоко оценены командованием фронта.

“Подвиг курсантов, — писал в 1945 году член Военного совета Кузнецов, — трудно переоценить. Задержав продвижение немцев на Кингисеппском шоссе, они дали возможность отходящим частям Красной Армии перегруппировать свои силы и подготовиться к борьбе на новых, более выгодных рубежах”.

К концу сентября фронт на подступах к Ленинграду стабилизировался. Немцы блокировали город, но захватить его у них уже не было сил! У стен Ленинграда фашистские войска, выдохшись, остановились. Последние пять-шесть километров пригородов оказались для гитлеровцев непреодолимыми. А остановили их солдаты 1941 года, в том числе и мои товарищи — курсанты-пограничники.

ПОСЛЕДНИЕ ШАГИ К ПОБЕДЕ

Берлин...
О нем мечтали все, кто воевал. Покончить с фашистским зверем в его логове — к этому стремились мы четыре долгих тяжелых года. Мне повезло — я дошел до Берлина, дошел до Победы, понимая, что она, эта Победа, наша общая: живых и погибших, тех, кто дожил, и тех, кто навечно остался лежать в братских могилах на полях сражений.

Вместе со стрелковыми частями мы, артиллеристы, после нелегких боев пробились к Висле севернее Грауденца.

Лес подступает к самому берегу. Гитлеровцы сидят тихо. За рекой чувствуют себя в безопасности. Из-за деревьев глядим на Вислу. Она здесь широкая — метров четыреста. Сейчас это белая, снежная равнина — сплошной лед, но после оттепели он не надежен — человека-то еле выдерживает, а о технике и говорить нечего. Необходим мост. А чтобы его построить, нужно захватить плацдарм на противоположном берегу.

Скрытно совершив ночью вдоль фронта марш-бросок на юг от Грауденца, к рассвету вышли к реке в районе населенного пункта Братвин. Командир батальона капитан Леладзе, прибывший сюда еще вчера днем, внимательно изучал западный берег реки, сверяясь по карте.

Решено сделать ставку на внезапность. Пойдем без артподготовки и, по возможности, без единого выстрела.

Вдруг сразу потемнело, повалил густой мокрый снег. За сплошной плотной белизной ничего не видно. Гитлеровцы, словно предчувствуя недоброе, мечут в снежную завесу ракету за ракетой, обстреливают из пулеметов и орудий наш берег. От зажигательных снарядов вспыхивает соседнее селение. Зарево пожара прибавляет оранжевой краски в марлево-мутную круговерть.

Тут и там снаряды пробивают лед, обдавая нас фонтанами воды и градом ледяных осколков. Тонко пищат на излете пули, оставляя рыхлые тонкие бороздки на снегу.

Бойцы обходят вражескую огневую завесу справа и слева. Подтаявший лед хрупок, часто проваливается под ногами. Окунувшемуся тут же помогают выбраться из холодной купели, и он снова бежит вперед.

Вот и берег. Гитлеровцы по-прежнему нас не замечают. Командир отделения разведки Воцлав Гильбурд на бегу падает в глубокую траншею, засыпанную мокрым снегом.

— Осторожно, товарищ капитан. — Подает мне руку, помогает сползти в узкую щель. — Немцы о нас позаботились. Черта с два им нас отсюда выбить. Минутку...

Неподалеку вспыхнула и погасла полоска неяркого света.

“А ведь это их дот”, — догадывается Гильбурд. И ползет в сторону вспыхнувшей полосы. Подкравшись к доту, рвет на себя дверь, бросает гранату, сам отскакивает в сторону. Глухой взрыв. Для верности дал внутрь дота длинную очередь из автомата. Тишина.

— Ну вот и теплое укрытие готово, есть возможность погреться, ежели ноги выше пояса замочил.

Теперь уже по всему берегу трещали автоматы и пулеметы, рвались гранаты.

Пехотинцы и артиллеристы действуют решительно и дерзко. Первую траншею захватываем сходу. Гитлеровцы ошеломлены. Обезумевшие, исполошенные пленные показывают, что нас тьма — крупные силы. На самом деле нас меньше роты.

В ту ночь нам пришлось еще и много поработать. Труженики войны — ничего не поделаешь. Иначе нельзя. Долбим мерзлую землю, углубляем окопы. Подтаскиваем боеприпасы. От ломов, кирок и лопат горят руки. Но все понимают: чем глубже мы зароемся, тем надежнее укроет нас земля, тем легче держаться.

На рассвете враг решил вернуть позицию. От разрывов снарядов и мин наш пяточок скрывается в огне и дыму. Прервалась проволочная связь. Все переговоры ведем по радио. Рация доносит издали глуховатый голос командира полка подполковника Робермана:

— Товарищи, дорогие мои, держитесь любой ценой!

Я передаю координаты целей, по которым батареи ведут огонь. Корректировать его мешает дым.

...Сколько отбили атак, никто не считал. Фашисты пытаются разбить сооружаемую через Вислу переправу. Наши саперные части

трудятся под сплошным огнем. А мы должны во что бы то ни стало удержать этот крохотный клочок земли, называемый на военном языке плацдармом. Как только наступает короткое затишье, хватаемся за лопаты, чтобы еще основательнее врыться в землю.

После очередной бомбежки, когда, казалось, небо перемешалось с землей, снова двинулись на нас вражеские танки. Теперь они шли вдоль реки, прикрываясь дамбой.

Моя батарея сосредоточивает огонь в глубине обороны противника, мешая ему подтягивать свежие силы. Одному танку все же удалось прорваться. Сминая кусты, он остервенело утюжит окопы. К нему бросаются сержанты Юсупов и Гильбурд. Залегли. Понимают: промахнешься — раздавит, как те кусты. Плотнo, всем телом прижимаясь к почерневшему снегу, подползли к гремящему чудовищу. Выждали, пока развернется к ним кормой, а потом одновременно метнули гранаты.

Позже разведчики, забавляя друзей, долго спорили между собой, кто лучше “врезал” фашисту. Юсупов уверял, что он бил “прямо под дых”, а Гильбурд — “под девятое ребро”... Их не без юмора рассудил санинструктор. С высоты медицинского авторитета он заявил, что “под дых” и “под девятое ребро” — это одно и то же. Спорщики смутились. Потом Юсупов нашелся:

— Зачем так говоришь?.. Неправильно говоришь!.. У человека это, может, одно и то же, а у танка совсем другая анатомия. Когда Гитлер их сюда отправлял, он специально предупреждал: “Смотрите, фрицы, чтобы вам Юсупов “под дых” не врезал”.

Смеются разведчики. Смеется санинструктор. Уж больно “авторитетная” ссылка у Юсупова. Гильбурд поднимает руки вверх.

Положение на плацдарме, или, как его называли солдаты, пятачке, оставалось тяжелым: впереди — враг, справа, слева — враг, а сзади — река. Фашисты не давали покоя, пытались сбросить нас в Вислу. То шли в яростные атаки, то бомбили с воздуха, то обстреливали из орудий и минометов. Мы несли большие потери. В батальоне не осталось офицеров.

Отбили очередную вражескую атаку.

Обхожу окопы. Людей у нас совсем мало. И очень плохо с боеприпасами. Дым ветром сносит в сторону. Смотрю на реку. Весь лед побит снарядами. Когда чуть стихает бой, доносится стук

топоров — саперы продолжают строить мост, уже довели до середины реки. Под снарядами, под огнем крупнокалиберных пулеметов тянут мост к пяточку, который мы стараемся изо всех сил удерживать.

Жду новой атаки. Уже давно заметил, что противник действует по шаблону: сначала — авиационный удар, затем — артиллерийская подготовка, потом — танки и пехота. Ага, вот и “юнкеры”. Отбомбились. Пошел плотный шквал снарядов и мин. Не заставил себя ждать и “зверинец”: “тигры”, “пантеры”, “эlefанты” (“слоны”). За ними — пехота. Гитлеровцы идут с двух направлений — прямо по фронту и справа по флангу. Все ближе и ближе надрывный рев моторов. Танки и самоходки передвигаются перекатами: две-три машины останавливаются и ведут огонь, прикрывая идущих вперед. Затем меняются ролями. Докладываю командующему полка обстановку.

— Товарищ капитан! — вклинивается радист Иван Шавшин. — Командир полка сообщил: на нас работает весь полк.

— Передайте это всем, — приказываю Шавшину. — Пусть все знают, что нас поддерживает целый артиллерийский полк, а артиллеристы никогда не подводили.

Тем временем думаю, что делать. Решаю пока не стрелять. Пусть фашисты считают, что мы все уничтожены. Пусть идут гурьбой. Тут мы их и накроем.

— Без моей команды не стрелять! — передаю по цепи.

Вражеские танки и пехота приближаются к пристрелянному нами рубежу.

Пора!..

Подаю команду:

— “Заря”, “Заря”! Я — “Радуга”. НЗО* — “Береза”. Огонь!

Проходит пятнадцать-шестнадцать секунд, и пудовые снаряды начинают свистеть над нашими головами. Перед вражескими танками черной стеной поднялась земля.

Отбили и эту атаку. Следующую гитлеровцы начали уже в сумерках. Нам удалось прицельным огнем уничтожить фашистских офицеров, шедших в цепях. Обычно после этого гитлеровские солдаты терялись, а тут продолжали лезть напролом.

В горячке боя я забыл, что из офицеров батальона на плацдарме никого не осталось, и я по привычке обращался к своим разведчикам-

* НЗО — неподвижный заградительный огонь.

артиллеристам, но пехотинцы все же поняли, что делать, и мои команды считали адресованными и им.

Держать весь плацдарм у нас уже не хватает сил. Собираю оставшихся. Знаю: гранат у нас по две на брата, патроны на исходе, иссякли и трофейные боеприпасы. Надежда — на артиллерию.

И снова идут на нас танки. Ставлю одну огневую завесу, вторую. Больше нельзя: танки совсем близко.

— Гранаты к бою!

Сидеть у радики не имеет смысла. Тоже беру гранаты и бутылки с горючей смесью. Выбираюсь из окопа и тут же падаю — ногу пронзила невыносимая боль. Ползу к ближайшей воронке, чтобы укрыться. Она полна воды — чуть не захлебнулся. По воде бегут мелкие круглые волны — дрожит земля. Выглядываю. На меня ползет огромная машина с толстым стволом пушки — “элефант”. Жутко смотреть в жерло направленного на тебя орудия. Но пугаться некогда — одна мысль сверлит: лишь бы не промазать. Метил под днище. Но когда граната еще была в воздухе, понял, что промазал. Тут же швыряю бутылку, вторую. На этот раз попал. Горящая машина ползет на меня, наваливается. Лежу в воде. Она шипит, пузырится. Кажется, всем телом ощущаю тяжесть “эlefанта”. Когда он переполз воронку, кидаю последнюю противотанковую гранату — и прямо под гусеницу. “Элефант”, неистово ревя, закрутился волчком. Внутри начали взрываться снаряды.

Я переползаю в траншею. В трех десятках шагов немецкие автоматчики. Отбиваться уже нечем. Тратим последние патроны. Все!

Наступает та единственная, отчаянная минута в бою, когда твою жизнь и жизнь твоих подчиненных решает одно слово — твое командирское слово. Но ты не имеешь права произнести его, не спросив солдат.

— Ну что, ребята! Остается одно...

— Огонь на себя? — догадывается Юсупов.

Темно, глаз не видно. А так хотелось бы сейчас заглянуть в них. Сержант Воцлав Гильбурд глухо произносит:

— Правильно! Давайте, товарищ комбат! Шиш им, а не плацдарм.

Иван Шавшин, еще ночью радовавшийся, что не утонул в Висле, отчаянно бросает:

— Помирать, так с музыкой!

И я как можно сдержаннее говорю Шавшину:

— Передайте “Заре”: НЗО — я, четыре снаряда беглым!

“НЗО — я” — пароль артиллеристов на самый крайний случай. По нему вызывают на себя огонь своей артиллерии.

Пока Шавшин передает по радио мою команду, вытаскиваю из кобуры пистолет и сую за пазуху полушубка.

— Товарищ комбат! — кричит Иван Шавшин. — “Заря” не хочет принимать.

— Что? — Выхватываю у раненого радиста микрофон, прижимаю наушник. Слышу голос командира полка:

— “Радуга”! В чем дело? Кто передает? Повторите!

Понятно. В эфире носилось так много ложных приказов, передаваемых фашистами на русском языке, что Роберман просто нам не верит. Требуется: назовите себя.

Открытым текстом передаю:

— Товарищ подполковник. Говорит Калуцкий. НЗО — я! Быстрее огонь на меня!

И подполковник все понял. Слышу, как он по телефону скомандовал:

— Полк! Четыре снаряда — по Калуцкому... Беглый огонь!

И мне:

— Укройтесь получше.

— Всем в укрытие! — кричу бойцам. — Раненых укройте надежнее. Скорчившись, сидим на дне траншеи.

Грохот. Снаряды падают почти одновременно. Разрывы сливаются в сплошной оглушающий гул. Несколько снарядов разорвались рядом, большинство впереди, с перелетом.

Фашисты застигнуты врасплох. Что они сейчас предпримут? Когда грохнул последний, запоздавший снаряд, выглядываю из окопа. Цепь гитлеровцев поредела. Но ефрейторы гонят их вперед. И я снова подаю команду:

— Прицел — меньше два. Огонь!

Закачались стенки окопов, сыплется за ворот мерзлая земля. Двадцать секунд грохота. Полуоглушенные гитлеровцы горохом сыплются к нам в окопы, ища спасения. Встречаем прикладами, саперными лопатками.

На траншею напал танк. Башня повернулась. Длинный ствол орудия будто норовит пронзить тебя. Из-за танка выглядывают темные искаженные лица фашистов.

— Огонь! — успеваю крикнуть в микрофон.

В последнюю секунду представляю своих товарищей на огневых

позициях: как они заряжают гаубицы, проверяют наводку, стреляют и, быть может, плачут при этом. Хочу крикнуть в микрофон: “Стреляйте! Стреляйте!”, но не успеваю — внезапно сознание покидает меня и я проваливаюсь в темноту.

Над нашей позицией всюду бушевал огненный вал. По только что построенному мосту шли советские танки, пушки, пехота. Немцы отступали.

Но я не видел всего этого. Меня не было. Очнулся в медсанбате. Открыв глаза, увидел склонившихся надо мной людей. Их лица выражали радость и изумление, словно я воскрес из мертвых. А ведь меня действительно не в переносном, а в прямом смысле слова вытащили из могилы.

...Старшина батареи Василий Георгиевич Капустин переправился через Вислу утром. Наши части уже расширяли плацдарм. Над разрушенными окопами застыли вражеские танки, лежали убитые автоматчики.

— Где Калужский? — спросил Капустин у санитаров.

— В воронке. Все погибшие там, — ответили ему. — Еще не закапывали, не успели.

— Ордена сняли? Партийный билет сохранили?

Санитары виновато пожали плечами: мол, до этого ли?

Старшина в сердцах выругался:

— Вы что, порядка не знаете? — и зашагал к могиле.

Все убитые были уложены на дно огромной воронки. Кто-то уже закидал их мерзлой землей, перемешанной с комьями снега. Солдаты из похоронной команды спешили скорее закончить свою печальную работу. Опустившись в воронку, Капустин отыскал меня среди других погибших защитников плацдарма. Стал шарить по карманам и вдруг с удивлением почувствовал, что тело, как он считал, умершего еще теплое. Приложил ухо к сердцу — бьется!

— Эй, сюда! — закричал Капустин во все легкие. — Сюда! Он живой! Живой!

Я оказался контуженным, получил множество осколочных ран, к счастью, мелких. В медсанбате задержался ненадолго и снова вернулся в свою часть. Командир полка крепко обнял меня, с радостью сообщил, что все артиллеристы, которые были со мной, живы, уже воюют.

— Свои снаряды, как видите, нас шадят, — улыбался подполковник. — А врагу ваше “НЗО — я” обошлось дорого: огнем нашей артиллерии сожжено три танка, три самоходных орудия, уничтожено сто тридцать гитлеровцев.

После войны политракторник Дзнеладзе прислал мне часть своего фронтового дневника. Там я нашел запись допроса немецкого командира батальона 83-й пехотной дивизии, взятого в плен на Висле. Допрос вел Дзнеладзе, переводил Гильбурд.

— Где ваш батальон?

— Батальон уничтожен! Покажите мне командира вашего батальона, который был в населенном пункте Братвин на правом берегу реки Висла.

— Его здесь нет. Зачем он вам?

— У этого командира непобедимая пехота. Они умирали под танками, но не отступали.

— Разве ваша пехота хуже? — спросил Дзнеладзе у пленного.

— Немцы — прирожденные солдаты, но... — обер-лейтенант замялся, — но у вас комиссары.

— Ну и что из этого?

— Они умеют заставлять солдат побеждать.

— Скажите, почему раньше не сдались в плен?

— Я боялся. Говорят, вы расстреливаете пленных.

— Теперь вы этому не верите?

— Нет.

— Отчего же?

— У вас победы. Вы радуетесь. Когда человек радуется, он становится добрее.

— Выходит, когда мы войдем в Берлин, то так подобраем, что будем с фашистами обниматься, как братья.

— Вам не бывать в Берлине! — выкрикнул пленный.

— Вы лично, во всяком случае, уже никак не сможете помешать нам это сделать. — спокойно сказал Дзнеладзе.

Наступление продолжалось.

У пленного среди других документов было обнаружено неотправленное письмо матери.

“Все дороги и населенные пункты забиты немецкими беженцами, везде стоит невообразимая паника, — писал обер-лейтенант. — Войска фюрера все время бомбят русские самолеты. Ведет точный огонь их тяжелая артиллерия. И откуда русские берут столько военной

техники? Откуда это все в крестьянской, неграмотной и нищей стране? Откуда у них такая силища на четвертом году войны?"

Все чаще и чаще пленные задавали нам такие вопросы. Сейчас много пишут о причинах нашего отступления в начале войны. А вот почему мы дошли до Берлина, откуда взялась у нас такая могучая военная мощь — об этом рассуждают меньше. Мне кажется это неправильным, несправедливым.

... Наверное, сколько буду жить, столько буду помнить три боя — три из множества: свой самый первый — у Русских Анташей, бой на Вислинском плацдарме, который чуть не оказался для меня последним, и сражение за Берлин.

Как же мы радовались, вступив в немецкую столицу.

Дошли! До Берлина дошли!

... Бои уже шли на подступах к рейхстагу. Немцы сопротивлялись с отчаянием обреченных. Берлинский воздух был пропитан дымом и гарью. На улицах германской столицы бушевали пожары. Возле одного из полыхавших домов я заметил советского офицера. Он принимал у солдата передаваемые по цепочке ведра и плескал воду в окна, откуда выбивались языки оранжевого пламени. От мокрой одежды его валил пар, лицо покраснело от жара. Рядом металась старушка немка, плача и причитая: "О майн гот!", "Гитлер — швайн!"

Я внимательнее присмотрелся к офицеру, ведущему сражение с огнем. Ну, конечно же, я не ошибся. Это был Яшка! Подбежав, я начал с силой оттаскивать его от горящего дома.

— Ты что, Яков, сгореть решил? Пойдем отсюда! Сумасшедший!

Это был мой давний товарищ, с которым мы вместе воевали еще под Петергофом, Яков Басов. Расстались в сорок первом, а снова встретиться довелось уже в сорок пятом у Зеловских высот. Когда во время рекогносцировки гитлеровцы обстреляли нас из минометов, мы попрыгали в траншею и только один из офицеров остался на открытом месте. Я выскочил из укрытия и столкнул его в траншею. Он застонал.

— Ранено? — спрашиваю.

— У меня нога деревянная. Подвернулась проклятая.

Он сел, поправил протез.

И только тут, внимательно всмотревшись в искаженное болью лицо, я узнал своего товарища.

— Яша! Басов!

Мы по-братски обнялись.

Потом долго сидели в землянке. Вспоминали первые бои, рассказывали друг другу о себе. Тогда-то я и услышал от Якова его невеселую историю.

В 1942 году под Ленинградом Басова тяжело ранило. Ему ампутировали правую ногу и отправили долечиваться в Челябинск, где дошла до него радостная весть — освобождена Сумская область, откуда он был родом. Там в одном из сел жила его семья. Яков решил отправиться на родину. Долго добирался почти через всю страну.

Но радостной встречи с родными не вышло. Младшего брата Егора фашисты угнали в Германию. Невесту повесили за помощь партизанам. Тогда одноногий инвалид пришел в военкомат.

— Пошлите на фронт!

— Вы с ума сошли! — ответили ему.

Долго обивал пороги. Но своего добился.

Короткой была наша встреча с Яковым у Зеловских высот. И вот мы снова вместе, уже в Берлине.

...Солдаты все-таки погасили пожар. Старушка немка, прижимая руки к груди, обходила их и кланялась каждому.

— Данке! Данке шен! — благодарила она, и слезы радости катились по ее щекам.

Подошла и к нам, поклонилась. Яков с трудом поднялся с бревна.

— Лебе воль, муттер! (Будь здорова, мать!)

Мы снова уселись на бревнышко.

— Зря ты все-таки полез, с одной ногой!

— Ничего, на двух, конечно, удобнее, но я приспособился. И на одной воевать можно. — Яков достал из кармана партийный билет. — Помнишь?

В графе уплаты членских взносов знакомые росписи парторгов Рамзаева и Саенко. Чудесные ребята. Рамзаева уже нет в живых. Его партбилет мы с Басовым держали в руках в час похорон. Пуля пробила документ и вошла в сердце.

— А знаешь, — вдруг сказал Басов, — если бы Саша Рамзаев был жив, он тоже помог бы этой старушке.

— Конечно, — соглашаюсь с Яковым.

Еще некоторое время мы сидим молча. Не знаю, о чем думал Яков, а я думал, какое же надо иметь мужество, чтобы без ноги драться с врагом на переднем крае, да еще в пехоте. Такое встречал впервые.

К сожалению, это была наша последняя встреча. Когда совсем немного оставалось до Дня Победы, Якова сразила снайперская пуля фашиста.

Мне так и не удалось найти могилу Якова Басова. Думая о своем друге, вспоминаю строки поэта Сергея Орлова:

Давным-давно окончен бой.
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

В 5 часов утра 2 мая началась подготовка к штурму рейхстага. Я приказал подтянуть гаубицы поближе. Но вести огонь было нельзя. Все этажи были заняты нашими, только в подвалах находились немцы.

Уже в последний момент, когда командир полка собирался подать команду на штурм, гитлеровцы выбросили белый флаг.

В седьмом часу утра из подвалов потянулись колонны пленных. Война для нас окончилась.

По пустым комнатам и коридорам полуразрушенного рейхстага гулял ветер, выдувая едкий дым последнего сражения.

Вокруг здания толпились солдаты и офицеры, слышались смех, шутки, песни, звуки баяна. Я посмотрел на стены, здесь уже многие оставили свои автографы — мелом, углем, карандашом. Запомнились надписи: "Папа, я дошел за тебя", "Пришел из Ленинграда", "От меча и погибнет".

Задумался. Что же написать? Нашел твердый и острый камень. С трудом отыскал свободное место. Справа от главного входа в рейхстаг стояла чугунная литая фигура, изображавшая вооруженного рыцаря. Сам рыцарь и каменный постамент были изрядно посечены пулями и осколками. Вот на этом-то постаменте, ударяя изо всех сил, так что искры летели, острым камнем высек — за себя и всех друзей-пограничников — одно, самое дорогое для меня слово: "Шоринец!"

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Давно закончилась Великая Отечественная война. Прошли годы, но память еще хранит многое. Для меня в послевоенное время самым незабываемым событием был Парад Победы, состоявшийся в Москве.

Помню, в конце мая 1945 года вызвал меня неожиданно командир 1229-го гаубичного артиллерийского полка гвардии майор Иван Григорьевич Войтенко, коротко сказал: “Едешь на особое задание”. Опять, думаю, надо готовиться к бою, а кругом уже давно тишина, молчат орудия. Тревожно стало на душе. Но раз надо, значит надо. Быстро собрался в дорогу. Только в штабе фронта узнал, куда и зачем меня посылают. И радостно забилось сердце: я еду в Москву на Парад Победы! Не верилось, что после четырех лет непрерывного пребывания на фронте я, капитан, командир батареи, вдруг окажусь в столице, да еще буду принимать участие в таком знаменательном событии.

Для участия в Параде Победы было сформировано по одному сводному полку от каждого фронта, а также сводный полк Военно-Морского Флота Наркомата обороны. Кроме того, в параде принимали участие военные академии, училища и части Московского гарнизона.

Полк нашего 1-го Белорусского фронта возглавлял Герой Советского Союза генерал-лейтенант Рослый.

Каждый полк состоял из семи батальонов разных родов войск. В батальон входили две роты по сто человек, каждая из десяти отделений, во главе которых стояли офицеры.

Желающих попасть в сводный полк было много. При отборе учитывалась и внешность. Старались, чтобы все воины были статными, рослыми, стройными. В этой связи вспоминается такой эпизод.

Наш полк формировался в Карлхорсте под Берлином. Первое построение. Расстановка по ранжиру. Утро выдалось хмурым, прохладным, накрапывал мелкий дождь, поэтому мы были в плащ-накидках. Все шло нормально, но вдруг произошла заминка. Невысокого роста воин, что называется, не вписывался в общую картину.

— Не годен! — окинув его взглядом, заключил полковник. — Следующий.

— Как не годеи? — возмущился тот . — Как воевать — годеи, а на парад — не годеи.

Узнать, что происходит, подошел командир сводного полка генерал-лейтенант Рослый.

Увидев генерала, возмутитель порядка смущенно замолчал. Его лицо показалось генералу знакомым.

— Снимите плащ-накидку! — приказал он.

Тот снял. И все увидели на гимнастерке старшины Золотую Звезду Героя Советского Союза. Оказалось, это был знаменитый разведчик Николай Ходосов, отличившийся в боях за Зеловские высоты. Находясь на фронте с первых дней войны, семь раз раненный, он выделялся среди разведчиков исключительным мужеством и необычайной находчивостью. На его счету было 22 фашистских солдата и 6 офицеров, захваченных в качестве “языков”. Всем был памятен и такой курьезный случай.

Немцы в очередной раз, расположив на переднем крае громкоговорящую установку, призывали наших бойцов переходить на их сторону, обещая при этом всяческие блага. Ну, разведчики во главе с Ходосовым не выдержали и “перешли”. Совершили дерзкую вылазку, захватили в плен вещателя вместе с его аппаратурой.

Вот кто стоял сейчас перед генералом, несколько смущенный.

— Такого орла да не взять! — улыбнулся Рослый. — Зачислить немедленно в полк!

Пока шло формирование полка, жили мы в казармах инженерного училища, там, где был подписан фашистами акт о безоговорочной капитуляции германской армии. Однажды меня неожиданно вызвали в штаб полка. Прибегаю, еще не догадываясь, в чем дело. И вдруг вижу — у стола рядом с командиром полка Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. От неожиданности на долю секунды растерялся. Затем четко, как положено, доложил о своем прибытии. Жуков поздравил меня и вручил Золотую Звезду и орден Ленина. Принимая высокую награду от прославленного полководца, я так разволновался, что уронил Звезду, и, к моему стыду, Георгий Константинович поднял ее быстрее меня.

— Что же вы, — герой, а так волнуетесь, — мягко, с улыбкой произнес маршал Жуков.

...Предварительная подготовка парадного расчета проходила на плацу, где раньше маршировали гитлеровские курсанты инженерного училища.

Здесь же комплектовалась команда из двухсот человек, которые должны были бросить к подножию Мавзолея гитлеровские знамена.

Назначенные в особый батальон трофейных знамен солдаты и сержанты были страшно огорчены, когда узнали, что им предстоит нести фашистские штандарты. Они хотели быть на Красной площади со своими боевыми знаменами, под которыми вместе с товарищами били фашистскую нечисть. И это было их святое право! Не помогли никакие уговоры и разъяснения. И только когда сказали: надо, это приказ товарища Сталина, возмущение и споры утихли.

В Берлине наш сводный полк погрузился в поезд, и мы тронулись в путь.

Сколько уж лет минуло, а я, как сейчас, слышу радостный перестук колес, вижу счастливые лица солдат и офицеров. Одер, Висла, Западный Буг — такие знакомые рубежи. Только теперь “преодолеваем” их в обратном порядке. А вот, наконец, и государственная граница! На первом же полустанке солдаты высыпали из вагонов: смех, слезы радости... Девчущку-стрелочницу чуть не задушили в объятиях: каждому хотелось расцеловать русскую сестричку.

Казалось, вот теперь, когда мы уже у себя дома, можно как следует отдохнуть, отоспаться за всю войну. Но с того момента, как оказались на родной земле, никто не мог уснуть. Жадно прильнув к окнам, смотрели, как проплывают мимо нас разбитые полустанки, сгоревшие деревни, разрушенные города Белоруссии и Смоленщины, поля, на которых виднелись редкие фигуры женщин да подростков.

Запомнился старик, повстречавшийся у станции Орша. Босой, в рваной телогрейке, стоял он возле самой насыпи, провожая взглядом каждый вагон. Может быть, надеялся увидеть сына?

— А ну, отец, держи! — И из соседнего окна полетела к старику пара новеньких яловых сапог.

— Носи на здоровье! — Из другого бросили танкистскую куртку.

В Смоленске солдаты выносили жителям хлеб и консервы. Истосковавшиеся по Родине фронтовики готовы были поделиться всем, чем могли.

На всех остановках люди подходили к нашему поезду, искали своих земляков.

В Смоленске начальник станции доверительно сообщил, что скоро здесь проедут герои войны из самого Берлина. “В Москву их направили, будут на Красной площади по коврам ходить”, —

объяснил он. Мы дипломатично молчали, храня тайну, и только снисходительно улыбались в ответ.

В Москву прибыли 1 июня. Поезд остановился на окружной железной дороге, недалеко от Казанского вокзала. Отсюда строем поротно пошли в Ворошиловские казармы в Сокольниках. Море цветов и слезы в глазах людей — вот что запомнилось мне больше всего в первый день.

Сразу же началась подготовка к параду. Тренировались два раза в сутки: с пяти до девяти утра и с шести до восьми вечера. Часто занятия проходили на Тушинском аэродроме, где присутствовали многие прославленные полководцы нашей армии.

Тренировались с душой, с энтузиазмом отработывая каждое движение. Что говорить, — гордились оказанной честью. Каждый понимал, что на параде он представляет свою роту, батарею, полк, дивизию, фронт. А я, кроме того, был представителем Пограничных войск.

Вокруг нас царил необыкновенная атмосфера любви и восхищения. Все: портные, сапожники, парикмахеры — старались как-то особенно угодить нам. А фабрика “Ява” даже выпустила специально для участников парада папиросы с надписью: “Привет победителям!”

Вместе с нами тренировались и солдаты особой команды. Предлагалось множество разных вариантов, как нести и бросать фашистские знамена. Однако ни один из них не был удачным — все было слишком невыразительно. И вот в один прекрасный момент к генерал-лейтенанту Рослому подошел высокий подтянутый сержант — Степан Шинкин — полный кавалер ордена Славы.

— Разрешите попробовать? — попросил он.

— Давайте, — кивнул генерал.

Сержант схватил штандарт полка личной охраны Гитлера с черной свастикой, проволол его немного по асфальту и, сильно размахнувшись, с отвращением бросил на землю.

— Вот так надо обращаться с ними, — сказал он под громкий одобрительный смех...

23 июня на плацу перед строем полка в торжественной обстановке генерал-лейтенант Рослый объявил приказ Верховного главнокомандующего: Парад Победы был назначен на 24 июня 1945 года. Затем нам вручили недавно учрежденные медали за Победу над Германией в Великой Отечественной войне.

И вот наступил долгожданный день! Мы идем на Красную площадь! Идем по плотному живому коридору: крутом улыбки, цветы.

Раздаются приветственные возгласы, слышны фронтовые песни. На Пушкинской улице к нашему сводному полку присоединились подразделения Войска Польского со своими боевыми знаменами. Вместе с польскими друзьями громили врага, вместе пришли на Парад Победы.

...Празднично и торжественно выглядела главная площадь страны в тот незабываемый день. Огромные алые полотнища украшали здание ГУМа. Вдоль его фасада были установлены гербы всех союзных республик, а в центре — Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик.

На Красной площади и прилегающих к ней улицах и площадях ровными квадратами выстроились сводные полки.

Настроение у всех приподнятое. Даже начавший накрапывать дождь не мог его испортить. Окидывая взглядом зубчатые стены Кремля, его остроконечные башни с рубиновыми звездами на шпилях, каждый испытывал особое волнение от сопричастности к событию огромной важности.

Как много исторических событий в жизни нашего народа связано с Красной площадью!

Отсюда уходили дружины Дмитрия Донского, чтобы обессмертить себя подвигом на Куликовом поле. Мимо стен Кремля шла армия Кутузова после сражения под Бородино, в котором “русские стяжали право быть непобедимыми”. С Красной площади прямо на фронт двинулись полки 7 ноября 1941 года, когда гитлеровские войска стояли на подступах к столице.

Теперь сюда, на Красную площадь, к Мавзолею Ленина, пришли победители — посланцы всех фронтов, чтобы триумфальным шествием отметить Великую Победу. Они построились так, как стояли на полях сражений от Ледовитого океана до Черного моря — Карельский фронт, Ленинградский, Прибалтийский, затем Белорусские, Украинские. За ними сводный полк моряков — героев обороны легендарных городов, участников дерзких десантов и жарких боев на море, и морские пехотинцы — это их фашисты за бесстрашие и отчаянную дерзость прозвали “черными дьяволами”.

Заполняются трибуны, протянувшиеся вдоль Кремлевской стены. На лицах счастливые улыбки. И хотя дождь становился все сильнее, он не в силах был омрачить торжественного момента. Капли дождя смешиваются со слезами на лицах фронтовиков, слезами горечи и счастья.

Наш полк стоял напротив Мавзолея. И мне не верилось, что уже около двух месяцев нет войны, мы живы и вот... стоим на Красной площади. На трибуну Мавзолея поднялись руководители партии и правительства: Сталин, Молотов, Калинин, Ворошилов...

В 9 часов 50 минут на вороном тонконогом красавце — скакуне выехал командующий парадом Маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский. В свои неполные пятьдесят лет он сидел верхом привычно и ловко.

Десять ударов Кремлевских курантов возвещают о начале парада. Из ворот Спасской башни Кремля на белоснежном коне выезжает Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Навстречу ему устремляется Рокоссовский. В наступившей тишине звучат чеканные слова рапорта. Еще мгновение, и на Красной площади раздается троекратное солдатское "ура".

Начался объезд войск.

Запомнилось, как подъехал к нам Георгий Константинович Жуков. Видно, еще издали он узнал сводный полк своего фронта. Тепло, как-то по-отечески поздоровался, назвал нас победителями, еще несколько секунд молча постоял перед строем. Чувствовалось, что маршал волнуется так же, как и мы.

После объезда войск Жуков поднялся на трибуну и произнес короткую торжественную речь.

Затем на середину Красной площади вышел сводный военный оркестр. Что ни говори, а военная музыка — это... особенная музыка!

"Человек, у которого не забьется радостно сердце при звуках марша, при виде гордо развернутых знамен, при виде солдатского строя, у того, кто не ощущает... эстетики армии, чего-то недостает в восприятии мира" — так считает поэт Евгений Винокуров. Трудно не согласиться с ним.

Тысячи труб победоносно и ликующе пропели: "Славься!" И загрохотал в московском небе артиллерийский салют. Пятьюдесятью залпами благодарная Родина приветствовала свою армию-победительницу.

— К торжественному маршу!.. — послышалась звонкая команда Рокоссовского. И сводные полки пришли в движение.

Держа равнение на Мавзолей, шли по Красной площади те, кто бесстрашно бросался в атаки под градом вражеских пуль и осколков, таранил в небе фашистские самолеты, темными ночами пробирался в тыл противника, гусеницами своих тридцатьчетверок утюжил немецкие окопы, огнем орудий и минометов прокладывал путь к Берлину.

Шли пехотинцы, летчики, моряки, танкисты, артиллеристы. Шли

фронтовики. Они готовились к этому событию месяц и еще тысяча четыреста восемнадцать дней и ночей. И незримо шагали вместе с ними по Красной площади те, кому не довелось дожить до этого светлого дня. Шли защитники Москвы и Ленинграда, Киева, Минска и Смоленска, Сталинграда и Севастополя, Одессы и Новороссийска, Керчи и Тулы, легендарной Брестской крепости, те, кто брал Кенигсберг, Будапешт и Вену, освобождал Белград, Варшаву и Прагу, штурмовал Берлин.

Гремит оркестр. Во главе сводных полков — командующие фронтами, прославленные полководцы, одержавшие немало блистательных побед на полях сражений Великой Отечественной.

Вот и наш сводный полк, развернувшись, пошел к Мавзолею. Волнение охватывает меня. Салютую клинком, держу равнение, пытаюсь увидеть и запомнить как можно больше. Учащенно бьется сердце. Проходим Мавзолей, трибуны, заполненные нарядно одетыми людьми. Щелкают фотоаппараты. Слышатся возгласы приветствия, аплодисменты.

Каждому полку оркестр играет свой марш. В этом признание особой доблести войск каждого фронта. Вслед за торжественной музыкой Глинки звучали марш 8-й гвардейской имени Панфилова дивизии, марши гвардейцев-минометчиков, танкистов, партизан. Для полка 2-го Прибалтийского фронта исполнялась "Радость Победы", для 3-го Белорусского — марш 92-го Печерского полка, для Ленинградского — марш ленинградских гвардейских дивизий, для моряков — марш "Герой". И для нашего полка 1-го Белорусского фронта музыканты сыграли специально подготовленный марш.

Внезапно оркестр смолкает, а через мгновение наступившую тишину взрывает резкая дробь барабанов. В волнении замерли трибуны. На площади появляются двести воинов, несущих опущенные знамена поверженного врага. Лица солдат серьезные, мускулы напряжены. Поравнявшись с Мавзолеем, воины делают резкий поворот направо и швыряют гитлеровские штандарты к подножию Мавзолея.

Первым падает на кремлевскую брусчатку личный штандарт Адольфа Гитлера, летят в кучу знамена 1-го кирасирского полка, 1-го драгунского, 4-го гусарского, 9-го конно-пехотного, 10-го уланского... Былая слава и гордость поверженной Германии...

Древки глухо стучат о камень. На глазах растет груда полотнищ со свастикой.

Черные, белые, желтые с позолоченной отделкой и перевитые орденскими лентами знамена, которые некогда реяли над Парижем,

Прагой, Афинами, Белградом, Варшавой и другими европейскими столицами, те знамена, под которыми гитлеровские войска собирались церемониальным маршем пройти по Красной площади, — поверженные в прах, были брошены к подножию Мавзолея.

Мы видели на орденских лентах полковых штандартов названия наших городов: “Минск”, “Киев”, “Смоленск”. Фашисты несли смерть и порабощение. А теперь знамена гитлеровских войск брошены к сердцу русской земли, повергнуты к ногам народа-победителя.

По трибунам пронесится шквал аплодисментов — так грохочет весенняя гроза. Волнами перекачивается по площади “ура”. Дробно гремят барабаны — громче, громче, громче!

Перед Мавзолеем все растет и растет гряда предаваемых позору вражеских знамен. Пестрым тряпьем лежат они у подножия Мавзолея, как свидетельство полнейшего краха германского фашизма.

Один из тех, кому выпала не очень приятная миссия — нести поверженные фашистские штандарты, старший сержант запаса Леонид Иванович Казанов в канун сорокалетия Победы вспоминал: “Швырнул что есть силы ненавистное вражеское знамя — и стало на душе легко, словно в этот момент и кончилась война”.

...Все газеты мира тогда писали об этой, как назвал ее писатель Борис Горбатов, “политической казни фашизма”.

Ритуал позора окончен. Еще некоторое время на площади стоит тишина. И вот снова грянул оркестр. Парад продолжался. Прошли войска Московского гарнизона, рысью промчалась, вызывая восхищение, прославленная конница, прогрохотала по брусчатке боевая техника: танки, пушки, зенитки, гвардейские минометы “катюши”.

Сто двадцать коротких минут стали триумфом Победы, к которой шел советский народ долгие дни и ночи.

Быстро летит время. Неужели совсем скоро мы будем отмечать полувековой юбилей победы в Великой Отечественной войне!

Мне посчастливилось быть участником торжественного собрания в Кремлевском Дворце съездов, посвященного 40-летию Победы.

Сидя в президиуме, думал о том, что оказанная честь относится не лично ко мне, а ко всем тем, кто взрастил и закалил меня. Это дорогие мои командиры, солдаты, с кем стоял в бою плечом к плечу, славные Пограничные войска, все те, кто помог дойти мне до счастливейшего дня в моей жизни — Дня Победы!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В Ленинградской области, на священной земле, обильно политой кровью защитников города на Неве, воздвигнуты памятники курсантам-пограничникам: 1-му батальону — в деревне Большое Жабино, 2-му — в Борницах. На гранитных плитах — имена моих боевых друзей. Ежегодно в День Победы мы, ветераны, встречаемся там, где стояли насмерть в сорок первом.

Приезжают в этот день родные и близкие похороненных здесь пограничников. Долго молча стоят у дорогих могил. Украдкой смахнут слезу, положат цветы на каменные плиты и тихо уйдут, унося с собой горсть ленинградской земли.

Здесь память возвращает меня в годы фронтовой юности. Вспоминаю своих любимых командиров, боевых товарищей. Со многими из них ты, мой читатель, познакомился на страницах этой книги. И я, так же как и ты, расстался с ними в суровом сорок первом. Как сложились их дальнейшие судьбы, что стало с теми, кто дожил до победы, — об этом мой короткий рассказ.

Николай Александрович Шорин. Наш любимый комбат. Ему, обладавшему негибачимым мужеством, военным талантом, мудрому и доброму человеку, старались курсанты подражать во всем. Профессиональный военный, педагог по призванию, он оставался для нас Учителем с большой буквы и во время жестоких боев в конце лета — начале осени первого года войны.

После расформирования курсантского батальона все преподаватели училища были отозваны с фронта. Шорин по личной просьбе Жданова был оставлен в действующей армии. “Талантливый он командир, вернем после войны”, — пообещал Жданов.

Так в начале ноября 1941 года Шорин попал на Волховский фронт. Сформированный им за двое суток отдельный стрелковый полк вместе с другими частями нашей армии сдерживал жестокий натиск противника, стремящегося захватить Волховстрой. Первенец советской энергетики был спасен. Благодарные волховчане избрали Шорина почетным гражданином своего города. В декабре Шорин

был тяжело ранен, потерял правую руку. После госпиталя был направлен в Саратов, куда эвакуировалось училище, на должность заместителя начальника училища. В 1954 году училище расформировали и Шорин ушел в запас.

Николай Александрович прожил восемьдесят лет. Умирая, завещал похоронить его в пограничной форме. Волю ветерана выполнили.

Петр Михайлович Горский — начальник политотдела нашего училища, полковой комиссар. Так же как и многие другие командиры и педагоги, он учил нас прежде всего своим личным примером, считал главным добросовестное отношение к делу. “Личный пример — оружие старое, — любил повторять Горский, — но не стареющее. Уметь владеть им — большое искусство”.

Было ли обязательным присутствие начальника политотдела училища в первой цепи курсантских рот? Обстановка на передовой сложилась критическая. Начальник училища уехал. Петр Михайлович остался с курсантами. В этом поступке — весь Горский.

До конца боев он оставался со своими питомцами, разделив с ними трагическую судьбу 2-го батальона. Далее следы Горского терялись.

Но я не верил этому: такой человек не мог пропасть. Многие годы ушли на то, чтобы отыскать живых свидетелей гибели начальника политотдела училища. Теперь документально подтверждено: Петр Михайлович Горский героически погиб в боях за Родину, как верный и преданный ее сын.

Младшая дочь Петра Михайловича Горского Эльвира Петровна вспоминала: “Мама всегда ставила отца нам в пример, повторяя, что в жизни он достиг всего только благодаря большому трудолюбию, честности и бескомпромиссности.

В последнем письме, которое мы получили от отца, есть такие строчки, обращенные к маме:

“Во всех случаях надеюсь на твою закалку. Лишения для тебя не новость. Уверен, ты все перенесешь, как переносят в Великой Отечественной войне тысячи женщин. Будь стойкой до конца. Враг будет уничтожен!..”

Это письмо я храню как самую дорогую реликвию”. Старшая дочь Любовь Петровна, выходя замуж, оставила фамилию отца, и сейчас два ее сына тоже носят фамилию деда.

Вспоминаю, как перед выходом на фронт, Горский напутствовал нас:

“Сынки мои! Ведите себя на войне так, чтобы потом не было стыдно вашим внукам”.

В молодости мы все были скептиками. И только позже, спустя много лет, стал мне понятен высший смысл сказанного.

И сегодня с гордостью я говорю: “Нашему поколению не стыдно перед внуками и правнуками! Родину мы отстаили!”

Антон Афанасьевич Золотарев — командир 2-го батальона курсантов-пограничников, который шесть суток сдерживал жестокий натиск противника.

После расформирования батальона командовал под Ленинградом полком, дивизией. После войны он — начальник штаба тыла Ленинградского округа, затем — Центральной группы войск.

Сын Золотарева Владимир Антонович пошел по стопам отца — стал кадровым военным. Все три брата Антона Афанасьевича: Николай, Трофим и Иван — тоже воевали. И живыми вернулись домой.

Алексей Семенович Фролков — один из активных участников многих разведывательных операций. До сих пор удивляюсь, как только уцелела эта отчаянная голова. В начале 1941 года в Ленинграде формировался из пограничников-коммунистов отдельный полк для прорыва блокады. лейтенант Фролков, еще не совсем здоровый после ранения, настоял, чтобы его отправили в этот полк. Вскоре он стал командиром пулеметной роты.

К форсированию Невы в районе Невской Дубровки полк приступил 12 ноября 1941 года. Шли на шлюпках. Река уже покрылась тонким льдом. Вражеским снарядом опрокинуло лодку, в которой был командир роты. Держась за нее, Фролков вместе с ординарцем Чагиным все-таки достигли берега. Больше недели сражалась на пяточке рота Фролкова. Нашим подразделениям почти ежедневно приходилось идти на врага в штыки. В одной из таких атак Фролков был снова тяжело ранен — ему перебило обе руки, повредило голову, задело ноги.

Четыре месяца он пролежал в госпитале и снова сбежал на фронт. Возглавил пулеметную команду пограничников. Участвовал в августе 1942 года в отражении фашистского наступления на Ленинград. Был вновь тяжело ранен. Долго лечился. Потом опять фронт. До конца войны сражался бывший курсант.

Константин Яковлевич Каукин. После расформирования нашего батальона нас с Каукиным направили в минометный дивизион

политруками батарей. Меня вскоре назначили командиром батареи, а он перешел в разведывательную роту 50-й стрелковой бригады. И часто мои ребята поддерживали его роту огнем. В сорок втором Константин уже командует ротой. За его плечами немало дерзких разведывательных операций. В начале сорок четвертого роте капитана Каукина была поставлена задача провести разведку боем, взорвав при этом два фашистских дзота.

Огневые точки противника уничтожили быстро. Восемьдесят килограммов взрывчатки, по сорок на каждый, — и вражеские дзоты взлетели на воздух вместе с их обитателями. Рота заняла господствующую высоту. Каукин организовал круговую оборону, и разведчики более суток отражали атаки противника, который пытался с помощью пехоты и танков вернуть утерянную высоту. За это время была изучена система огня противника.

Наконец рота получила приказ на отход. Каукин находился в последней группе, прикрывавшей отступающих разведчиков. Со своим ординарцем Яковом Конториным Константин вступил в неравную схватку с фашистами, чтобы дать возможность остальной группе оторваться от немцев.

Погиб Яков Конторин. У Каукина кончились патроны, осталась только одна противотанковая граната. И когда фашисты плотным кольцом окружили отважного разведчика, намереваясь живым захватить его в плен, Константин встал во весь рост, выдернул чеку. Раздался мощный взрыв. Множество гитлеровцев было уничтожено. Так погиб Константин Яковлевич Каукин, прекрасный мужественный человек, мой товарищ, о котором буду помнить всегда.

Федор Михайлович Бурцев ушел из жизни зимой 1941 года. Политрук разведроты штаба 8-й армии, он возглавил группу разведчиков, которая, выполняя задание во вражеском тылу, с боем освободила более двухсот наших пленных.

Отбивая яростную атаку немцев, Федор Бурцев ценой собственной жизни обеспечил отход своих разведчиков.

Фронтовики знают цену словам: "С таким и в разведку можно". За ними стоит многое. Прежде всего они означают: я верю этому человеку, как самому себе. Он отважен, не оставит в беде. К таким людям относился и мой друг Федя Бурцев.

В дни празднования двадцатипятилетия полного освобождения

Ленинграда от вражеской блокады именем пограничника Федора Бурцева названа одна из новых улиц в Кировском районе.

Узнав об этом знаменательном событии, дочь отважного политрука Сима Федоровна Бурцева, живущая в Козельске, прислала в редакцию газеты "На страже Родины" письмо. В нем она благодарила товарищей по оружию своего отца, от которых узнала о его ратных подвигах.

"Они знали моего отца, — писала Сима Федоровна, — и помнят о нем. И не только о нем. Говорят, что те, о ком люди помнят, живут вечно. Значит, жив и мой отец, живы все его боевые товарищи-курсанты.

Низкий поклон им всем — живым и павшим, за то, что выстояли в грозную минуту, что до сих пор остались верными солдатской дружбе".

Иван Григорьевич Довганюк. Дважды посылали родным "похоронки" на курсанта 5-й роты Довганюка.

— А я выжил, — рассказывал Иван Григорьевич. — Долго, правда, лечился. И снова — в строй. Нарва, Выборг, Карельский фронт. Там и закончил войну. О "похоронках", конечно, не знал. Сокрушался, что нет писем из дома. После войны демобилизовался. Возвратился в родной город. Вхожу в дом. Мать как-то странно посмотрела на меня и, не сказав ни слова, стала молча креститься. Я к ней, она и меня осеняет крестом. Лицо побелело, в глазах испуг. Вбежала сестра Аленька и тоже в сторону от меня, глаза закрыла руками. Мне стало страшно. Стоял я, стоял да как закричу:

— Жив я! Не бойтесь, это я, Иван, живой!

После этого мать долго хворала. И потом, когда выздоровела, нет-нет да и потрогает меня рукой — все не верилось ей, что жив ее сын.

Георгий Алексеевич Семин. Ближе узнал я командира 2-й роты лейтенанта Семина под Ирогощей. Обстановка сложная. День за днем постоянные бои, переходы, оборудование новых позиций. И снова бои, снова марш по болотам... Курсанты были измотаны до крайности. Вот тут однажды и услышал я такой разговор.

— У меня есть вопрос, — обратился лейтенант Семин к Шорину. — Когда курсант должен спать?

— О чем ты говоришь, Георгий Алексеевич?

— О сне — и вполне серьезно. Комбат хоть немного, но спит. И я тоже. У начальника штаба есть заместитель, значит, тоже имеет возможность поспать. А у курсантов заместителей нет.

— Что ты предлагаешь? — Шорин хмуро взглянул на ротного.

— Я предлагаю подумать, когда курсант должен спать, — настаивал лейтенант.

Георгий Алексеевич Семин — единственный из командиров рот нашего училища, кому посчастливилось остаться в живых. Весь 1942 год он провел на Карельском перешейке, командовал лыжным отрядом. Затем были бои на Курской дуге. О том, как он воевал, говорят шесть боевых орденов и десять медалей.

Василий Елевферьевич Гнатышин. Наш радист. Под Порожками был тяжело ранен. Эвакуироваться в тыл отказался, понимая, что очень нужен батальону для поддержания связи. Майор Шорин разрешил ему остаться. Василия вместе с рацией перетаскивали на носилках за командиром батальона. И так до конца боев. Читая о Великой Отечественной войне, часто встречал эти слова: “Раненый остался в строю”. Мы привыкли к ним и уже не осознаем, сколько за этими словами мужества и воли! Здоровому человеку и то не очень-то легко на передовой, а тут раненный в ногу, как Гнатышин. Никто, ни один командир не мог приказать сделать это. Только совесть.

После войны Гнатышин окончил военную академию, дослужился до полковника, уволился в запас с должности начальника связи войск МВД. Он часто выступает в учебных заведениях, на заводах и фабриках, рассказывает о войне, о своих однополчанах. Когда Василия Елевферьевича спрашивают, что зовет его на встречи с молодежью, он отвечает: “Новое поколение должно знать о каждом дне войны”.

Александр Христофорович Степанов. Несколько лет искал я своего отважного командира взвода. Наконец — долгожданная весточка от него. “Получил от Вас письмо, строки которого напомнили мне те далекие военные времена, — писал Степанов. — Я Вам очень обязан за то, что доставили меня в тяжелом состоянии в медицинский пункт. Ранение было серьезное. В медсанбате перед операцией доктора долго советовались. Все считали, что требуется немедленная ампутация правой руки. Но один из молодых врачей рискнул и сотворил чудо. Пишу Вам письмо собственной правой рукой. Живу и работаю мастером в Тбилиси”.

Владимир Степанович Мазаев. На войне самый опасный враг — страх. И когда научишься преодолевать его, ты становишься бесстрашным. Таким был курсант 3-й роты Владимир Мазаев. Под

Ирогощей 31 августа 1941 года его тяжело ранило. Но Владимир не покинул поля боя, сражался, пока силы окончательно не оставили его.

Лечился после тяжелого ранения и одновременно продолжал учебу в нашем училище. На знаменитую Невскую Дубровку Володя попал уже лейтенантом. В начале сентября 1941 года немцы, обойдя с востока Ленинград, заняли левый берег Невы на тридцатикилометровом участке южнее Ладожского озера. Таким образом город оказался в блокаде.

В ночь на 20 сентября защитники Ленинграда форсировали Неву в районе Невской Дубровки и захватили плацдарм в четыре километра по фронту и восемьсот метров в глубину. Противник начал яростные контратаки. Постепенно плацдарм сократился до двух километров по фронту. Ожесточенная борьба за него продолжалась непрерывно. Его защитники, в числе которых был и бывший курсант Мазаев, отражали в день по 12—16 атак противника.

В конце апреля 1942 года противник ценой огромных усилий и больших потерь ликвидировал плацдарм. Однако наши войска 26 сентября того же года вновь овладели им и удерживали вплоть до прорыва блокады Ленинграда.

В конце декабря молодой лейтенант Мазаев прибыл в 20-ю дивизию войск НКВД. Не успел принять взвод, как убило командира роты. Пришлось ему взять на себя командование ротой. А через неделю погиб командир батальона. Мазаеву приказали принять батальон. Вот такая головокружительная карьера сложилась у двадцатилетнего лейтенанта. Только командовать батальоном долго не пришлось. Его вторично ранило и контузило. Воевать Мазаев уже больше не мог. Летом 1942 года он уехал в Туркмению, в город Мары, где до войны жили его родители.

Александр Николаевич Сумкин. Не раз выручал товарищей огнем своего пулемета мой друг. После боев под Ленинградом он был политруком минометной батареи в одном со мной дивизионе. В конце 1942 года стал заместителем командира дивизиона по политической части. А в конце 1943 года он уже заместитель командира минометного полка.

На плацдарме под Нарвой небольшая группа солдат и офицеров штаба полка попала в окружение. Гитлеровцы бросили против нее целую роту автоматчиков. Когда немцы приблизились к окопу Сумкина, он поднял бойцов в контратаку. Это было настолько дерзко

и неожиданно, что фашисты, несмотря на превосходство в силах, отступили. Но снайперская пуля сразила Александра Сумкина.

Тимофей Андреевич Наливайченко. Курсант Наливайченко участвовал во всех боях нашего батальона, не раз ходил в разведку. В бою под Порожками был сначала контужен, а потом тяжело ранен. Но продолжал оставаться на поле боя, пока не потерял сознание.

После госпиталя в декабре 1941 года Наливайченко становится оперативным сотрудником контрразведки Ленинградского фронта. В суровую военную пору об этих людях писали мало. Они выполняли важные, трудные задачи: выявляли шпионов и диверсантов, добывали ценные разведанные.

В 1985 году в Ленинграде вышла книга "Армейские чекисты". Один из ее авторов — мой однополчанин по училищу подполковник в отставке Тимофей Андреевич Наливайченко. Много довелось ему испытать. Была в его жизни тихая работа по раскрытию хитроумных ходов шпионов, требующая предельного напряжения ума и нервов. Были и сопряженные с риском для жизни операции по розыску и задержанию абверовских диверсантов и боевиков-бандитов из националистического подполья. Сейчас живет Наливайченко в Волгограде.

Алексей Александрович Муратов — еще один автор книги "Армейские чекисты". В начале сентября 1941 года он был тяжело ранен. Его долго лечили. Но шесть осколков немецкой мины, те, что не поддались "эвакуации", он носит в себе и по сей день. После длительного лечения Муратов окончил краткосрочные курсы и был направлен в контрразведку. Ныне подполковник в отставке Муратов живет в Петербурге.

Жива **Вера Михайловна Фелисова (Царева)**, бывшая сандружинница. Она председатель Совета ветеранов-однополчан. Делает немало, чтобы увековечить память пограничников нашего училища. Помогает создавать музеи в школах и ПТУ.

Благодаря Вере Царевой многие отцы и матери, жены и дети узнали о мужестве и стойкости своих погибших сыновей, мужей и отцов, нашли места их захоронения.

Что касается меня, то после окончания войны я продолжал служить в Германии в составе Группы советских войск.

Как известно, 20 ноября 1945 года начался судебный процесс над группой главных нацистских военных преступников. Он длился до 1 октября 1946 года. Международному военному трибуналу, в состав которого входили представители четырех союзных держав: СССР, США, Великобритании и Франции, — были переданы 24 военных преступника. Все судебные заседания проходили открыто и широко освещались в прессе.

Фашистские главари, пытаясь уйти от заслуженного возмездия, все время старались доказать, будто не Германия напала на СССР, а Советский Союз развязал войну и Германия вынуждена была обороняться. И продолжались такие попытки вплоть до 11 февраля, пока в зале заседания вдруг не появился неожиданный свидетель...

Наверное, все видели пьесу Гоголя “Ревизор” и помнят последнюю немую сцену. То, что увидели мы, когда этот свидетель появился в зале, было гораздо сильнее по своему эмоциональному накалу сцены из “Ревизора”. Подсудимые оцепенели. Их лица перекосились от изумления. Помню, у Кейтеля сорвался со шнурка монокль. Заволновалась пресса. В зал суда входил... фельдмаршал Фридрих Паулюс, один из главных составителей плана нападения Германии на Советский Союз.

Сейчас, может быть, не все понимают, в чем было дело. А оно было в том, что Паулюса после разгрома сталинградской немецкой группировки гитлеровское руководство объявило героически погибшим, но не сдавшимся в плен. По всей стране был объявлен трехдневный траур. По погибшему фельдмаршалу отслужили панихиду.

И вдруг сенсация: “оживший” Паулюс дает свидетельские показания! Подробные, обстоятельные, они раскрыли суду правду о гитлеровском руководстве, как зачинщике войны. Суд доказал лживость версии о превентивном характере нападения Германии на СССР.

Мне с моими товарищами-офицерами посчастливилось попасть в зал суда трибунала именно в эти знаменательные дни, 11 и 12 февраля, и быть очевидцем всего происходящего.

Чтобы добиться такого эффекта внезапности, нашему руководству пришлось пойти на хитрость. Офицер из отдела внешних связей штаба группы рассказал нам следующее.

Советская переводчица появилась у американского офицера, ведавшего выдачей необходимых документов в субботу, около 14 часов. Мы уже знали, что все американские учреждения работают по субботам только до этого времени, после чего у них начинался традиционный уик-энд.

Офицер уже собирался уходить и очень торопился. Поэтому он, не глядя, оформил лишь одну визу на имя советского генерала, вписав в нее и десятерых сопровождавших его лиц для посещения зала суда. Ни должностей, ни фамилий этих десятерых в документе не указывалось. Значился только генерал как руководитель группы. В нее-то и вошел Паулюс.

Сенсация состоялась!

Отслужив в Германии, я возвратился в Советский Союз. Женился. Закончив военную карьеру, занялся мирным трудом.

Шли годы, заполненные напряженной работой, повседневными житейскими заботами. Но чем дальше неумолимое время отделяло меня от суровых военных дней, тем все чаще вспоминал я разговор с Федором Бурцевым и то, как он мечтал написать книгу о своих товарищах — курсантах-пограничниках.

Я начал собирать материал, неделями просиживал в архивах, писал во все концы нашей необъятной общей Родины письма, запросы, телеграммы.

Постепенно из мозаики воспоминаний, дневниковых записей и писем стало складываться повествование о пятидесяти днях войны, в течение которых вчерашние мальчишки, курсанты-пограничники, держали оборону, встав непреодолимой преградой фашистским войскам и вместе с другими частями Советской Армии сорвав замысел гитлеровского командования с ходу захватить Ленинград.

Ново-Петергофское училище могло гордиться своими питомцами. В борьбе с фашистскими захватчиками курсанты до конца остались верными Военной присяге, долгу солдата и гражданина.

За подвиг в годы Великой Отечественной войны Ново-Петергофское военно-политическое пограничное училище было награждено орденом Красного Знамени. А 14 ноября 1980 года, когда отмечалось его 50-летие, удостоилось ордена Октябрьской Революции. Теперь училище преобразовано в Военный институт Пограничных войск Российской Федерации в Голицыно.

А строил его на новом месте бывший выпускник училища Павел Александрович Чиркин. Назначение на должность начальника училища, которого еще не было и в помине, потому что не было еще даже строительной площадки, воспринял с радостью. И через некоторое время были сооружены учебный комплекс, спортивный городок, плавательный бассейн, другие здания.

Сегодня военный институт готовит офицеров пограничных войск с высшим образованием по социальной педагогике и психологии. В институте сильный профессорский, преподавательский и командный состав. Многие прошли школу Афганистана, участвовали в ликвидации межнациональных конфликтов. Пограничную службу знают не понаслышке.

Училище часто посещают представители из других высших военно-учебных заведений нашей страны. Бывают и иностранные гости. Все они, восхищаясь увиденным, стараются перенять опыт обучения и воспитания офицеров-пограничников.

В институте свято берегут традиции. Бережно хранят светлую память о бывших воспитанниках, которые с оружием в руках отстаивали свободу и независимость своей Отчизны в годы Великой Отечественной войны.

Я один из немногих, кто дожил до Победы. И посчитал своим святым долгом рассказать о своих дорогих товарищах. Как жили, сражались, умирали. К сожалению, невозможно поименно назвать всех курсантов, командиров и политработников, не щадивших своей жизни в тяжелых боях. Но посвящена эта книга каждому из моих однополчан.

Работая над рукописью, я думал не только о моих фронтовых друзьях, но и об их сегодняшних ровесниках — тех, кому адресована эта книга.

СОДЕРЖАНИЕ

Накануне	4
Первый бой	17
Шесть суток и вся жизнь	31
"Боевое задание выполнено!"	63
Победа разума	76
Засада	92
Председатель	100
Закон атаки	109
Экзамен сдан!	123
Последние шаги к победе	130
Особое задание	141
Вместо послесловия	149

Николай Васильевич
Калуцкий

КУРСАНТЫ

Главный редактор редакции *В.А. Бадиков*
Редактор *Н.Л. Коршунова*
Художник *И.М. Пучков*
Художественный редактор *И.И. Барышников*
Технический редактор *А.А. Перескокова*
Корректоры *О.И. Лыкова, И.Б. Шеманская*

ИБ № 48

Сдано в набор 27.05.94. Подписано в печать 6.12.94. Формат 60x84/16.
Гарнитура Кудряшовская. Печать офсетная. Усл.печ.л. 9,30. Усл.кр.-отт. 9,65.
Уч.-изд.л. 8,88. Тираж 10000 экз. Зак. 5427

Издательство "Граница".
101000, Москва, Главпочтамт, а/я 711.
Отпечатано в 4-м филиале Воениздата.